

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

1920 год.

L

Высадка во Владивостоке. Последние дни правления генерала Розанова. Мой арест.

Владивосток, 19 января.

Около 3½ час. дня японский пароход «Ходзен-мару» медленно подкочил к пристани. Двойное чувство тревоги и радости при виде родной земли на этот раз как-то заслонило чудесную панораму бухты и города.

Осталось впечатление мелькнувшего под бортом крошечного русского суденышка, несущего бранд-вахту под старым падреевским флагом, и движущейся толпой массы направо, у адмиралтейской пристани—японский броненосец «Мисаса» и—все.

У меня были некоторые основания к тревоге: проиницавший во Владивостоке Розанов был ставленником царедебного ине копчаковского правительства, праца, доживавшего последние дни и на Дальнем Востоке. Кроме того, я не просил разрешения на въезд в Россию, а только телеграфно известил о таковом.

Рассеянно отвечая на вопросы начальника сербской военной миссии, любезно занимавшего меня за время нашего пути, я напряженно наблюдал длинную полоску людей на берегу около пристани. Это были военная команда.

«Встреча или арест?»—невольно мелькнуло в сознании. По счастью, ни то, ни другое. Это были сербы, встречающие прибывшую со мной их военную миссию. Я умышленно задержался в кают-компании парохода. Вскоре мне доложили, что меня ищет русский полковник. Это был Г., прибывший встретить меня по поручению Розанова. Несмотря на все перекинутые небогоды, он получил чин полковника и теперь работает в штабе Розанова.

Г. быстро устроил все формальности с паспортом и багажем. Автомобиль доставил нас в гостиницу «Версаль», где мне любезно были приготовлена комната. Жильице на самом верху было не из лаховых. Постоянные перепороты и «смена властей» отразились даже и на состоянии когда-то очень хорошей гостиницы. Отсутствие ремонта, ветхость и грязь сильно чувствовалась.

В лучших номерах гостиницы, как я потом узнал, помещалась полномочный представитель Семёнова—полковник Магамаев и особая инквизиционная комиссия, хорошо ориентированная в наличии огромных товарных ценностей, именовавшихся еще к тому времени во Владивостоке.

По коридорам сновали коммерсанты, дельцы, артисты, много военных и русских и японских.

В городе еще функционировали все многочисленные учреждения и представительства, созданные за время существования Омского Правительства.

По газетным сведениям, я знал, что за устраниением Колчака по какому-то акту от 4 декабря 1919 года, считавшемуся многими апокрифическим, права Верховного правителя переходили к атаману Семенову²²⁴). Таким образом, усиление симоновского влияния в Приморье и, в частности, во Владивостоке, во многом зависело от того, пойдет ли Розанов в подчинение к Семенову.

Уступая духу времени и в целях «ближения с общественностью», Розанов организовал даже под своим председательством особое «экономическое совещание», где вместе с чиновниками заседали представители общественности и земства, и где разрешались важнейшие экономические вопросы края.

Это высокое учреждение не помешало, впрочем, Розанову довольно ловко ликвидировать огромные запасы хлопка и чрезвычайно своеобразно, не обижая себя, распорядиться вырученными за хлопок миллионами.

«Хлопковая панама», о которой я слышал еще в Японии, наделала потом не мало шума, впрочем, совершенно безвредного для Розанова, успевшего пыхнуть заграницу.

Оживление вокруг симоновского представителя Магамаева, уверенный тон и развязность, с которой действовали во Владивостоке члены дикционной комиссии, ясно показывали на стремление сторонников Семенова укрепить здесь власть их атамана.

Розанов пружинил и вел «политику». Он признал Семенона правителем, но в то же время всеми способами оттягивал свою поездку в Читу, куда вызывал его Семёнов, и начал подсчитывать свои силы.

Ликвидация восстания Гайды и полный достоинства ответ союзникам за их попытку вмешательства в наши дела и угрозу разоружения русских войск, несомненно, подняли было престиж Розанова даже в кругах, относившихся к нему весьма сдержанно²²⁵). У него были еще верные ему части: конногвардейского училища (инструкторская школа во Русском Остроге) и гардемаринны, остальные войска пока пешне подчинились.

Но начавшаяся борьба на два фронта—с нарастанием симоновского влияния—с одной стороны, и с усиливающимся наложением левых группировок, захвативших в сферу своего влияния не только партию, но и некоторые войсковые части—с другой,—затруднила положение Розанова весьма тяжелым.

Методы его управления в значительной степени измотали население. Сторонников становилось все меньше и меньше. Напрасно Розанов стремился уклоном в сторону крайней реакции хотя бы несколько упрочнить.

свое положение. Напрасно он заявлял, что открыто становится на ее правом фланге — положение не улучшалось. Чувствовалось уже новое влияние. Союзники искали «демократическое правительство» — таковым назначалось земство; местные же большевистские группировки, в свою очередь, готовили подход к установлению «Власти Советов».

Такие впечатления создались у меня из сопоставления всех разговоров, встреч и наблюдений, имевших место в первые два дня моего пребывания во Владивостоке.

С Родионовым я виделся и довольно долго беседовал вечером в день моего приезда. Он значительно обрзег. Тон военному избрано, старого времени. Дом — полная чаша. Любезен; остроумной шуткой с присущим солдатской грубости насекирует изрезанную трёхугольную перед застекленными событиями.

Владивосток. 21 января.

Беседовал с главнокомандующим японскими экспедиционными войсками генералом Оой. Полный, пожилой японец, говорят медленно, слегка отдушика. Осторожен. Конечный вывод беседы: они (японцы) против проглатывания руки большевиками, против всяких вооруженных восстаний, в остальном согласны на полное нейтралитетство.

Я, конечно, горячо поддержал мысль о мирном установлении порядка — будем верить, что это общее желание.

Г., с которым я потом беседовал, не разделяет моей веры, он максимист и чувт бурю, действительно, ее признаки уже за пределами городской черты.

Владивосток. 23 января.

«Дальний Восток» и другие местные газеты усиленно направляют письма в Читу, откуда я будто бы имею целый ряд лестных предложений. Эти сообщения разъясняются вариантом о моем намерении создать свое правительство при содействии некоторых союзных держав.

В реде открытых писем в редакцию я категорически опроверг эти ложные базисы, при чем в отношении содействия союзников высказался вполне определенно, заявив, что «великое дело спасения родины, прежде всего, есть наше собственное дело».

Гостиница пишет агентами всех контр-разведок: отечественных и иноzemных. Японец-парикмахер, «работающий» в самом пестициде, внимательно осматривает проходящих — непосредственно, или их отражение в зеркале. Немой неослабленный разыск всегда следует по пятам.

Владивосток. 25 января.

В городе тревожное настроение. Ночью слышалась орудийная пальба. Это Родинов громил восстаних егерей, засевших в здании Коминервского училища. Победа ожидает на его стороне. Там не менее, боевые силы Родинова тают. Обнаружена сильная пропаганда среди юнкеров инструкторской школы. Безусловно, верны только гардемарини²¹⁸.

События нарастают. Местное земство непрерывно получает постановления войсковых частей и даже партизанских отрядов с заявлением, что «только власть правительства Областной Земской Управы является их властью».

К земской группе, руководимой председателем Управы Медведевым, примыкают значительно более левые элементы. Мне показывали сибирского эсера Линнеберга, игравшего большую роль среди партизан и войсковых частей.

Генерал Оой, кажется, трепожится летициями, поступающими от войск и партизан к Земству. В беседе со мной у него мелькала мысль о разоружении русских войск. Я заметил, что это будет очень похоже на вмешательство в русские дела. Общего вооруженного выступления пока нет, егеря разоружены Розановым, да и вообще отобрать что-либо, в том числе и оружие, гораздо труднее, чем дать. Замечание мое оказалось убедительным.

Видел Розанова. Он настроен воинственно, надо думать—надеется на активное содействие Японии. Расчет недостаточно верный, особенно, если принять во внимание противодействие американцев и чехов, симпатии которых, или во всяком случае симпатии их представителей, всецело на стороне Земства.

Розанов в разговоре заявил, что он видит только два выхода из создавшегося положения: или большевики, или «Боже, царя храни» и что он исцелил за второе. Заявление это, несомненно, предназначалось для небольшой группы сидевших у него гостей. Я никого не знал из них—это, как он объяснил мне, поддержка Розанова—крайняя правая местной общественности.

Владивосток. 26 января.

С утра оказались под до машним арестом. Часового не было, у дверей со стороны коридора стоял какой-то прaporщик. На мой вопрос: «кем и за что я арестован»—мой страж ответил, что это распоряжение коменданта крепости и тут же добавил: «я, ваше пр-во, здесь, собственно, не при чем; мой отец управляющий дворцом одной из великих княжень и мне моя настоящая миссия крайне непринятна».

Выходя в коридор, я успокоил его, заявив, что раз это служебное поручение, он тут действительно не при чем.

Вернувшись в номер, стал спокойно ждать, что будет дальше. В дверь заглянул знакомый по Токию Л., он теперь на службе у японцев, его ко мне не пропустили. Молодой, крайне болезненный поручик Щ., который был представлен ко мне штабом войск, пришел с пропуском (значит, арест всерьез) и сообщил, что в 12 час. у меня будет сам комендант крепости.

Действительно, около полудня тюстучали; стороживший меня прaporщик доложил, что просит принять комендант крепости, генерал Вериго.

Я несколько удивился подобной любезности и заметил, что у арестованного только одно право — не разговаривать с лосетителями и что против визита коменданта я ничего не имею.

Вошел Вериго, молодой, весьма энергичный с виду генерал. Он очень извинился за причиненное мне беспокойство, которое будто бы вызывалось необходимостью предупредить возможные в отношении меня неприятности со стороны юнкеров инструкторской школы, недовольных моими посещениями здания земской управы.

Вериго сообщил также, что бунтовавшие егеря уже разоружены; четверо ранено. Подробно рассказал передо мной начальника атамана Семёнова, который будто бы вполне сознает необходимость соглашения с общественными кругами.

«Вы, кажется, собираетесь проехать в Читу, там вас ждут». — «Нет, это выдумки газет, я пока никак не собираюсь», — ответил я генералу.

Вериго раскланился и, еще раз извинившись за беспокойство, любезно заявил, что я совершенно свободен.

В созданвшейся во Владивостоке обстановке, может быть, это действительно была любезность. Здесь теперь столько охотников за черепами и избейных и корыстных. Я как-то не останавливался до сих пор на этой стороне вопроса. Первый опыт обошелся не особенно дорого: пришлось ликвидировать несколько заметок, касающихся текущих событий.

Владивосток. 27-го января.

Сегодня еще тревожнее, чем вчера. 35-й Егерский полк ушел с офицерами в Никольск-Уссуриск, где и присоединился к местному гарнизону, праждебному Роданову. Полковник Ф., мой ученик по академии, командует здесь артиллерийским дивизионом; он рассказывал о положении вне Владивостока, оно не оставляет и тени плохой для власти.

Концерн гостиницы проходил с приказом Роданова, которым все офицеры, врачи и военные чиновники обязывались собраться в морском штабе для информации о положении дел в связи с событиями в Никольск-Уссуриске, который по вчерашнему блокирован большевиками. Был у Г.— они в тревоге.

Владивосток. 28-го января.

На вчерашнем вечернем заседании городской думы, в связи с усилившимися вооруженных сил Японии на Дальнем Востоке, 47-ю голосами, против одного, вынесена резолюция против интервенции. Осадки по адресу председателя Областной Земской Управы Медведева. Правое крыло думы отсутствовало. Несколько раньше по тому же вопросу я получил резолюцию расширенного заседания «Бюро кооперативных организаций во Владивостоке» от 18 января 1920 года, с участием представителей: «Центрсояза», Московского Народного банка, «Закупбыта», Союза приамурских кооперативов, Общества потребителей служащих и рабочих Уссурийской железной дороги, «Экономиста», Сибирского «Коопстраха», Союза потребительских кооперативов юга России, «Амурского кооператора», Южно-уральского союза кооперативов, Бр. Центрального продкооперацион-

ного бюро железных дорог «Продуть», Уральского союза потребительских обществ. Вот эта резолюция:

«Бюро кооперативных организаций во Владивостоке в расширенном заседании 18-го января сего 1920 года, с участием представителей низепономощных организаций, имея в виду усиление вооруженных сил Японии в Восточной Сибири, в связи с прекращением обще-союзнической интервенции в России, заявляет.

1) Кооперация, являясь по существу своему политическией нейтральной, не принимающей участия в текущей политической борьбе, кроме заинтересованности в существовании и создании таких условий государственной жизни, при которых ее работа, для обслуживания интересов миллиона населения, протекала бы нормально, и не может вознаградить, когда возникнет угроза существству национальному существованию и независимости России.

2) Из настоящего переходного состояния временной слабости и раздробленности на отдельные части России выйдет на путь единства, а также экономического и духовного возрождения только самими высшими силами^{*)}, при непрерывном условии вооруженного невмешательства во внутренние дела со стороны других стран.

3) Имея в виду, что обще-союзническая интервенция в России не только не привела к каким-либо желательным результатам, а, наоборот, усилила хаотическое состояние страны, а поскольку Америка, Англия и Франция признали единичность своих действий в этом направлении, поскольку не может быть никак оправдано продолжение интервенции «одной страной», каковая неминуемо склоняется к обстоятельствам превратиться из интервенции в фактическую оккупацию, со всеми отрицательными последствиями для населения Восточной Сибири и России в целом.

4) Несмотря на свои внутренние распри, русский народ никогда не примирится с отторжением какой-либо части России ее экономическим порабощением, а потому оккупация Японией Восточной Сибири неминуемо приведет к вооруженному столкновению с новыми миллионами человеческих жертв и разрушением богатств края.

На основании этого Кооперативное Бюро заявляет, что кооперация, объединяющая миллионы трудового населения, будет самым решительным образом противостоять и бороться всеми доступными для нее, как хозяйственной организацией, средствами против оккупации Восточной Сибири со стороны Японии».

Сегодня крепость обнадежена на осадном положении. Вся городская жизнь поставлена в зависимость от распоряжений коменданта.

Опять собирали офицеров, врачей и чиновников, теперь уже в Коммерческом училище. По рассказам Г., было до 300 человек исключительно тылового элемента, далекого от всякой воинственности.

Владивосток. 29-го января.

За ночь произошли некоторые осложнения среди юнкеров на Русском острове. Город полон слухов.

Розанов делал попытку широкой амнистии исправить положение и вернуть донесение войск. Не помогло. Сегодня он отменил приказ об амнистии, сохранив его силу только для тех, кто сдаст оружие к 1 февраля^{**)}.

Другим приказом он обнадежил, что признает только власть атамана Семенова и будет ее поддерживать всеми своими силами. Это не укрепило, но еще больше ослабило его позицию, и без того почти безнадежную.

Началась большая тига заграницу, особенно со стороны обладателей иностранной валюты. Говорят, за билет в Чуругу дают до 1500 иен премии.

Из Никольска-Уссурийска прибыла делегация большевиков для переговоров, обеспечившая себя от возможных репрессий заложниками. Результата никакого.

^{*)} Курская газ. В. В.

Из касс местных уполномоченных Омского министерства снабжения непрерывно «сплахищются» деньги, каждый раз «вооруженные» грабителями. Эзме изыски уверяют, что «так всегда бывает перед неизбежной эвакуацией».

Владивосток. 30-го января.

Многие из жильцов нашей гостиницы на сегодняшнюю ночь принесли уже меры предосторожности: с дверей исчезли обьялки и висятые краюшки.

Был с ответным визитом у английского полковника Уохема. Относительно общесевероевропейских дел у них ориентация весьма скучная. Уохем интересуется, как следовало бы союзникам отнестись к возможному приходу большевиков. Я отвечал, что об этом надо спросить своих союзников.

В городе сегодня несколько спокойнее. Генерал Оой, заявил, что не допустит никаких вооруженных столкновений и гарантирует порядок.

Делаются подсчеты сил сторон: Розанова и мэрии пока переворотчиков.

В «Военном Вестнике» помещено письмо известной певицы Черкасской—вызывают французского представителя генерала Жанена на дuelль за предательство им Колчака. Об этом заявлял уже небезызвестный гражданин Сыровонский²⁵⁰). В обоих случаях все ограничилось небольшой газетной шумихой.

Прибывают новые эшелоны японских войск (части 13 дивизии), это, конечно, серьезнее письма Черкасской.

На Русском острове у юнкеров «без перемен». Закрыт «Голос Родины»²⁵¹).

II.

Переворот 31 января. Правительство Приморской Областной Земской Управы. «Розовый» коммунизм.

Владивосток, 31-го января.

Знаменательный день. Мирко снял дома. Сообщил, что из земли большое ожидание: «сюда ходят американские гитруны, поклоняющиеся большинству руководителям».

Янкяя М. Н. Пакловский и передал, что «все уже кончено, переворот совершен, идемте в земства».

В комнате секретари земства, куда я пробрался сквозь толпу и часовых, встретил А. С. Медведева; он несколько изменился. Сообщил мне в общих чертах предположения земства. Готовилось первое постановление.

Привезли бывших под арестом, по распоряжению Розанова, членов земской управы—Афанасьева и Меньшикова²⁸¹). Искали скрывавшегося члена управы Русникова.

На улицах всюду толпы народа.

Закончившийся к утру 31-го января переворот был бескровным, об этом заботились международная милиция, руководимая американцами. Она сопровождала входившие в город войска и партизан, и все время поддерживала порядок.

Образовавшийся, так называемый «оперативно-революционный штаб», руководивший гражданскими Розанову силами, расклел воззвания, призывающие к спокойствию и предваряющие офицеров, гардемаринов и юнкеров, что никаких насилий над ними не будет.

Прошел в образцовом порядке взвод русской артиллерии с пехотным прикрытием.

Японцы как-то тушуются, всем как-будто диктуют американцы.

Конвой Розанова, который, по его словам, «будет его сопровождать даже на тот свет», видимо, успел переменить свое направление и, после двух выстрелов по занимаемому им району, сдался, даже не обнажив оружия.

Сан Розанов успел бежать к японцам. Комендант Верного не то арестован, не то скрылся.

Задержаны морские суда «Орел», «Сибирь» и другие, нагруженные, как говорили, золотом и ценностями. На этих же судах скрывались и бежавшие агенты колчаковского и розановского правительства.

Наша гостиница опустела, все, кто мог и кто чувствовал за собой грехи, разбежались. Я перебрался в опустевший номер полк. Магамаева: там целый стол оставленных бумаг и гора пустых бутылок в углу.

Владивосток, 1-го февраля.

Сегодня почти весь город на улице. Много красных флагов, повсюду красные банты.

Меднедев прав, что нечего бояться красного флага, когда одна власть заменяет другую революционным порядком. Тем не менее, смутная тревога налило: скрывавшийся доселе большевизм открыто вышел на улицу, с ним трудно бороться всякой умеренной власти, какой представляется мояня, захваченное событиями, земство.

И все же то, что произошло—было необходимо. Если невозможно открытое существование советской власти в крае, пока интервенты находятся на нашей территории, то с другой стороны, не мог продолжаться дальше и режим, возглавляемый Розановым. Таким образом, земство в силу исключительных обстоятельств обязано временно принять на себя власть, с целью сохранить Дальний Восток от оккупации и предотвратить неизбежность засады, гибельной для населения края.

В штабе крепости невообразимая толпа—не мог пробраться к комендант-полковнику, теперь уже «старшему» Краковецкому.

Доманевский тревожится, он большой сторонник земской власти, но спасается, не сделается ли эта новая власть игрушкой большевиков.

Долго беседовал с командующим американскими войсками генералом Грэем, который любезно заявил мне, что, после моего прошлого разговора с ним, он не раз в своих донесениях в Вашингтон ссылался на мои идеи и пожелания, столь необходимые и по его мнению для блага России.

Беседа наша неоднократно прерывалась раскатами мощного «ура»—это толпа приветствовала одного из вождей партизан — Шевченко¹⁸³.

Несколько иератов метанье из конца в конец автомобилей, переполненных солдатами, пролетариатом и их семьями. Я всегда за возможность повеселить себя народу, особенно теперь, когда ему говорят, что он стал хозяином страны, но, конечно, в перву.

Опять загремел в штаб крепости—там пульс военной жизни. Публики гораздо меньше, подметают пол—признак хороший.

Встретил Ф.—слушен. В одной из батарей его дивизионщиков фельдфебель, недвусмысленно добывает места командира; в другой батарее образовался уже комитет. Если Краковецкому не удастся справиться с начавшимся самоуправством—развал неизбежен.

В Наркомом даже огромный митинг. Мысль об учредительном собрании эпохи Гуревича встречена без сочувствия. Большой успех имело выступление и речь коммуниста Никонорова, заявившего, между прочим, что хотя их партия и не будет помогать новой власти в политической области, но будет работать совместно в экономической области. Кстати, финансово-экономическое бюро уже в руках Никонорова¹⁸⁴). Люди у зенита всегда

В. Г. Башмаков. «Директоры. Колчак, Никоноров».

Сильнее безднежных политиков; это положение, видимо, устроили уже и дальневосточные коммунисты.

Общее впечатление от митинга таково: большинство собравшихся— нестые рабочие—определенно на стороне большевиков.

Наоборот, у офицерства,—а его здесь сконцентрировано не мало,—чувствуется тяга к Харбину, представляющемуся очагом правых течений.

В учреждениях кое-где признаки саботажа—явление временное.

Часть военных судов во главе с «Орлом» и гаремаринами все же ушли в море. Любопытен приказ начальника всех этих судов, составленный «отряд судов особого назначения», капитана 1 ранга Китицкого, помеченный 30 января 1920 года. Привожу его полностью:

«Во Владивостоке начал очередной переворот. Некоторыми военными частям приходилось принимать участие в борьбе с группами, с которыми сейчас передает власть.

Честно и верно исполняв свой долг и сохранив воинскую дисциплину, они выставили против себя озлобление этих групп. Примеры, выанные до сих пор, показали, что такие части в первое острое время грозят разрушение, истребление, политическая вность. Поэтому для их спасения сформирован отряд особого назначения, который готов в последнюю минуту принять боевые части и выйти в море, чтобы за пределами крепости предоставить всем принятным на отряд полную свободу дальнейших действий. Считая долгом высказать свой взгляд и думай, что его разделят большинство на отряде.

Я же мыслю существование своего и в составе этого, мы как пайджинские личности все России, под японским языком бы Империи она же наградила». Если будет боязнь выда и историческая судьба на то, чтобы это были те партии, против которых мы до сих пор честно боролись, борьба коммуна и бесполезна, наш долг позволяет нам все-таки и с именем продолжать нашу работу по воссозданию русского флота.

Поэтому я рассматриваю наш переход, как временное удаление для обеспечения права на существование нашим частям или хотя бы личностям, входящим в их состав».

Так писать, в создавшихся тогда условиях, мог только человек, действительно преданный своей стране и родному флоту.

— Владивосток. 2-го февраля.

²⁵⁵). Молодые деятели, организовавшие военно-революционный штаб, желают всецело сохранить власть в своих руках. Они правы, как люди, вынесшие на своих плечах всю тяжесть активной борьбы, принесшей к бескровной победе над Розановым, но их устремление не демократическая власть земства, они—шутапицы Советов.

Вообще надо очень подумать, в каком виде можно было бы помочь русскому делу и тому национальному порыву, который охватил теперь (это несомненная заслуга интервентов) всех, в ком бьется русское сердце.

Конструкция новой власти, видимо, будет такой, какой она представилась и мне. Земство-Директория²⁵⁶), далее управляющие ведомствами. Военная власть в руках Военного Совета—это нечто новое. Стремление совета к самостоятельности может привести к двоевластию: земство—моральная власть, военный совет—власть реальная. В этом большая опасность.

²⁵⁵) Курган впереди наш. В. Б.

²⁵⁶) В составе: членов: Председатель Исидоров и члены—Афанасьев, Меньшиков, Петров и Русаков.

Новая власть—«Демократическое правительство»—именуется официально: «Временное Правительство — Приморская Областная Земская Управа». Власть эта встречена сочувственно населением, что, между прочим, выразилось и на многотысячном собрании в зале городской думы.

Новая власть определенно пользуется симпатиями американцев и чехов и поддерживает дружеские отношения с дипломатическими представителями Японии, Маньдайра и Ватанабе, посетившие председателя правительства Медведева, выразили ему весьма любезные пожелания. Заметно скептическое отношение к новой власти со стороны японских военных представителей. Многие из них искренне негодуют за провал их кандидата Семёнова.

Новое правительство до известной степени, несомненно, удовлетворяет идею «буфера» и, надо думать, что оно продержится до тех пор, пока коренные изменения в международной обстановке не создадут условий, при которых самий буфер будет или нужен, или невозможен. Это, в свою очередь, будет зависеть, как от изменения условий японской интервенции, так и от положения, которое создастся в связи с ходом мировых событий для советской России и Японии.

Во всяком случае, создание правительства Приморской Областной Земской Управы нанесло сильнейший удар попытке установления власти Семёнова на Дальнем Востоке, а вместе с тем и торжеству реакции, но в то же время совершенно изменило этот край от советской России, победоносно закончившей граждансскую войну в пределах Европейской России и Сибири. С позициями Земского Правительства в Забайкалье установилась прочная «пробка», туда стеклись остатки разбитой колчаковской армии.

В этих условиях дальнейшая судьба изолированного края зависит исключительно от политической мудрости и деятельности тех группировок, которые претендуют сейчас на руководство судьбами русского Дальнего Востока и, в частности, местных представителей коммунистической партии, которые, минуя все преграды, естественно, стремятся к неудержимому слиянию с советской Россией.

Возвращаясь к дневнику... Заходил Ш., он, видимо, тоже в «бесте» у иностранцев, хотя и скрывает это. По его рассказам, положение беспечное, скрывающихся в японском штабе, далеко непрятательно: падают на полу, в грязи, без каких-либо удобств.

Вечер прошел у Доманиевых. Как оправдывались они за революцию? Много говорили о настоящем положении, оно далёко не определилось и чрезвычайно сложным оказалось. Так, по газетам, началось уже наступление Семёнова — мешают китайцы.

«Голос Родины» начал печатать «поклонение» атамана Калмыкова, тщедушная, но весьма колоритная фигура.

Вечером пришел у меня член Правительства Афанасьев, скромный, неширокий человек, сам сознает это:

« Я ведь недоучка, даже без законченного среднего образования, простой земский работник».

Владивосток. 3-го февраля.

Познакомился с одним из членов «оперативного» штаба—Богоявленским; он сообщил, что Краковецкий будет назначен главнокомандующим, а начальником его штаба—генерал Доманеский. Последний тоже говорил мне об этом, а также о том, что согласился принять этот сложный и ответственный пост. Доманеский очень талантлив, с большой инициативой, но чрезвычайно нервен и впечатлителен: он и теперь уже беспокоится, что труду будет подобрать состав для штаба.

Владивосток, 4-го февраля.

Заходил Ф., дела в его артиллерийском дивизионе совсем плохи. Краковецкий будто бы рекомендовал ему не огорчаться и признать, что все испытанные методы организации армии не оправдались. Железная дисциплина устанавливается лишь у большевиков, благодаря наличию политических комиссаров, и что этот же метод, видимо, придется применить и здесь.

Это, пожалуй, правильно, но комитеты в частях несомненное зло, от них отказались уже и в Москве.

Владивосток, 5-го февраля.

Краковецкий назначен командующим войсками. Я зашел в штаб крепости и говорил с ним 5-10 минут. Все они торопятся на производство конкурсов артиллеристов.

Краковецкого я видел первый раз, впечатление благоприятное: худоба, с густой шевелюрой, в очках, с мягким, несколько вкрадчивым голосом. Говорят, он индийский эс-эр. Мне он показался несколько кротким для зюзин и слишком штатским для командующего войсками.

Типичен его аллюзия по морской части: темный кожный тип, штатского одет, при эксельбашках и кортикке.

Краковецкий напекнул мне на желательность моего сотрудничества в центральных учреждениях.

Общая картина в штабе напоминает начало революции 17-го года. Та же масса разрознений войсковых частей, касающихся материальных постепенний и замены начальства. Это— работа сплошенно возникших в частях комитетов.

Для расправы с ними потребуется железная рука большевиков, которые как будто и являются уже замаскированными хозяевами положения.

Г. рассказывал, что японцы начинают разгружать свой «бест». Часть пленников через Японию направляется к Деникину, часть через Шанхай к Семенову. Это, конечно, далеко не «нейтралитет», о котором постоянно твердят японцы.

Иена сильно падает. Курс ее в городе опустился до 65 руб.

Владивосток, 6 февраля.

Ходит 25° ниже нуля. В комнате отчаянно лютует, приходится сидеть в пальто. Обедал у А. Н. Кругликова, познакомился с представителем

Центросоюза Л.; их обороты за минувший год, более 3 миллионов рублей, что показывает на известную живучесть кооперации.

Кругликов, наоборот, смотрит скептически на ведение дел, подобные же жалобы я слышал от многих местных коммерсантов. Кое-кто втайне вспыхивает уже о Родине.

Владивосток, 7 февраля.

Вышли две коммунистических газеты: «Красное знамя» и «Коммунист». Здравая фанера политического положения как здешь, так и в международном масштабе. Тон обеих газет сдержанный.

Обедал в семье профессора Гребенщикова. Ему предлагают гост управляющего иностранными сношениями.

Сегодня хоронят егерей, погибших при обстреле Коммерческого училища 26 января по приказу Розанова.

Доманевский составил доклад о политическом положении, которое его сильно смущает. Действительно, японцы все везут и везут войска и, кроме того, будто бы укрепляют блокадные к городу сопки и вообще втыкают в несомненно что-то замыкают. Напуганный обыватель волнуется. Офицерство в массе склоняется от работы, стремится уехать.

Доманевский просил меня принять должность константа крепости. Я отклонил это предложение, заявив, что согласился бы еще, пожалуй, помочь в работе Военного совета.

Владивосток, 8 февраля.

Доманевский очень просит организовать полевую поездку в районе форта крепости, чтобы лично убедиться, что творят там японцы. Для этого он рекомендовал использовать слушателей эвакуированной сюда Военной академии. Но там никаких слушателей не оказалось, а на профессуры только старый А. И. Медведев. Начальник Академии генерал Андекский с хозяйственной частью и деньгами задержался в Харбине. Решено его оттуда извлечь.

Беседовали о взаимоотношениях Военного совета и командующего войсками. Доманевский хлопочет о сосредоточении у себя функций снабжения.

Был полковник Дюсметье, игравший видную роль в последние дни розановского падчичества. По его словам, 30 января решено было передать власть «Совету обороны крепости» под председательством генерала Будберга, но Верещагин и Розанов вновь воспылали отвагой, получив запрещение, что их поддержат какие-то сербы в числе 1000 человек. Расчет оказался, конечно, ошибочным, как ошибочным был расчет и на вмешательство японцев. Кое-кто тем не менее уверяет, что будто бы японцы все же толкали Розанова на окружение сопротивления и «пытались» высадить роту для защиты его дома от натиска предшествуемых международной милицией (руководимой американцами) восставших войск и партизан.

«Начните только, ну, хоть пятью человеками, а мы поддережим», так будто бы проинформировался розановский штаб японцами.

Но, видимо, у Родионова не оказалось и пяти зачинщиком—никакого сопротивления оказано не было, а японская рота так и не дошла до его дома²⁷⁶).

Владивосток. 10 февраля.

Доманевский принял должность начальника штаба у Краковецкого, заручившись предварительным полным согласием наиболее видных местных коммунистов—Лазо и Никифорова. Он спать просил меня обследовать военную академию и выяснить—действительно ли японцы укрепляются на ближайших к городу высотах. Я обещал.

Был по этому вопросу у начальника штаба крепости полковника Станишевского. Исключительная скромность: «помилуйте, в-во, какой же я начальник штаба». Там не менее, за Станишевским пятнадцать лет службы в этом штабе—«знает каждую тропинку в крепостном районе».

Всех и по радио зовут сведения об Иркутске, который будто бы захвачен капитуляции. Правда, это сообщение харбинского корреспондента японских газет.

Владивосток. 11 февраля.

Первый теплый день и какое обилие солнца! Бродил по боковым улицам, так мало благоустроены, зато виды со многих пунктов чудесные. Вся жизнь на центральной артерии города—на «Светланке».

В 12 часов началась орудийная пальба, вызвавшая тревогу среди обычных жителей: стреляли японцы—это был салют в 101 выстрел в честь, кажется, 2501-ой годовщины Японской Империи. Все суда в бухте раскрашены флагами.

Доманевский за работой. Штаб, оставшийся в том же здании «Аквириума», понемногу оживает.

Доманевский обратился ко мне с новой просьбой принять на себя обязанности члена международной комиссии и по разбору недоразумений между японскими войсками и партизанами. Попутно он сообщил, что в Военной совете опасаются, что я сторонник Японии. Краковецкий будто бы старался рассеять это опасение²⁷⁷).

Обсуждала судьбу Военной академии. Сюда дожалилось только имущество академии и вся библиотека. Материальную и научную ценность последней и определить трудно²⁷⁸).

Перехвачен разговор генерала Лохвицкого, отрешенного Семёновым от командования Дальневосточной армией (остатки колчаковских войск), из Харбина с Читой. По сведениям Читы, Колчак и Пепельев (гремльер) расстреляны.

В радио Лохвицкий называет чехов и...ми, а Жанна и... Грозит сообщить Сазонову (был юрским послом в Париже), чтобы нажали на чехов²⁷⁹).

Последнее сообщение—Иркутск опять в руках большевиков, а белые под командой Каппеля разбиты.

Владивосток. 13 февраля.

Сегодня были у меня члены Военного совета М. Я. Линдберг, Асеев и Брагин, а также и Богодлобов.

Это, видимо, была попытка пошутить мои настроения и рассеять то опасение, которое вызывает мой приезд из Японии. Из беседы я убедился, что мои посетители очень интересовались и моей ролью в период, предшествовавший падению Директории и после такового. Об этом мне еще на кануне напомнил Дондаковский.

Линдберг, или, как его называют здесь, «борода», брюнет, действительно, с хорошей темной бородой, несколько сумрачного вида, имеет большое влияние среди солдатских партизан. По политическим убеждениям, левый эс-эр (из группы сибирских эс-эрсов²²⁸), не особенно широкого кругозора, но до известной степени фанатик, чем, главным образом, и объясняется его значение среди них, в частности, среди военно-революционных группировок.

Брагин по виду не то солдат, не то рабочий, в действительности, кажется, офицер военного времени, маленького роста, бритый, с выдающимися вперед нижней челюстью и подбородком. Фигура не рельефная, держится скромно и умно молчит; только под конец беседы, в которой большую частью участвовал драматический минутами Линдберг, Брагин спросил меня:

«Какое у вас отношение к советской власти?»

Я ответил, что этот вопрос, как имеющий для меня второстепенное значение в создавшейся обстановке, занимает меня мало, что я рассматриваю советскую Россию, как одну из сторон в гражданской войне, в войне, дальнейшее продолжение которой я считаю бессмыслицей и преступлением. Для меня важно, во-первых, окончание об'единения России,—под каким это флагом проходит пока безразлично,—во-вторых, важно сохранение ее исключенных владений от посягательства друзей и недругов. Эти два подождавшие одинаково дороги для меня и ради них я буду работать во всех условиях, которые являются реальными для данного времени.

Третий из моих посетителей, Асеев, встал в пальто, вместо пиджака, с нахетой сверху оччиной—шерстью вверх. Тип сельского учителя или нелкого земского работника. Он молчаливо поглядывал через пенсне и то сочувственно, то укоризненно покачивал головой во время всей беседы.

Яркого впечатления не оставил ни один. Такие люди сильны только склоном. Всё же партии делает их действенными. Они много работают и не боятся переутомления. Они революционеры.

Все очень интересовались отношением к нам Японии и ее возможной линией поведения.

На это я заметил, что многое будет зависеть от нас самих, от нашего такта и выдержки.

«Этого мы и добиваемся; с мест есть сведения, показывающие склон в сторону этого мудрого решения», заявил уходя Брагин. Он не только умно молчит, но и думает не плохо.

Владивосток. 14 февраля.

Послана телеграмма о прибытии сюда эшелонов Военной академии, задержавшихся в Харбине. Кое-кто из здешних академистов полагает, что ген. Андогский воздержится от поездки во Владивосток. При установлении здесь советской власти ему могут указать, что служба у Колчака не связана с его прежним званием начальника Красной академии. Уверяют, что у Андогского есть хнест и в Харбине. Интересно — дотягивается ли этот хнест до Читы.

Во всяком случае здешние академисты явно тяготеют к Харбину и только старик Медведев (профессор статистик) прочно осел на Русском острове.

Утром должен был поехать с генералом Федоровым для осмотра крепостного района. Федоров очень рекомендовал уделить внимание одному из важнейших фортов, которым он, как строитель, очень гордился.

Еще за время мировой войны Владивосток отдал большую и лучшую часть своего артиллерийского вооружения на усиление наших западных крепостей. Со временем интересы все тайны крепости сделались достоянием иностранцев. Особенно широко использовали эту возможность японцы. Твердыни Владивостока — форты, батареи стали объектом профессионального любопытства японских военных специалистов и местом прогулок для прибывающих «натуралистов» и всемогущих экскурсантов. На многих фортах и батареях японцы имеют сейчас свои посты.

Конечно, крепости, как таковой, уже не существует. Осталась же лезо, бетон и огромное количество казарм, занятых большинством пойсками интерентом.

С поездкой несколько запоздали. Вышла задержка с машиной. Пришли слабенский городской автомобиль (лимузин).

День чудесный, солнечный. Окрестности Владивостока на редкость живописны.

На большинстве батарей вольнонаемная стража. Молодой малый, в синем тулупе, с выштукой, вежливо посмотрел наши документы, дружелюбно ответил на новое «демократическое» приветствие моего спутника: «Здравствуйте, товарищ» и только обяснил, как и куда пройти. Видно вдумчивое отношение к порученному серьезному делу.

Нет щегольства прежнего солдата, но зато нет и возмутительного «не могу знать», которое в добре, старое время на законной основании освобождало всякого лентяя от необходимости шевелить мозгами.

Пробрались к интересовавшему меня форту. Наш городской лимузин с трудом выбрал ухлюпки дороги и перед самым фортом занес-таки в снегу.

Прошли пешком в дом «Ивана Павлыча», старшего надсмотрщиком земной хронологии постройки форта. Угостил нас чаем с искусственным хлебом и маслом. Иван Павлыч охотник и домоиний хозяин.

«Вот дача всю иностранцы распутали, теперь ведь, здесь шляется всякий из них, кому не лени».

Форт с точки зрения строительного искусства представляет исключительный интерес. Это целый подземный город, предусматривающий долгую и упорную борьбу. Генерал Федоров с горечью смотрит теперь на своего «смертвеца», как он называет крепость.

Действительно, замерла всякая жизнь в этом огромном лабиринте гор, скал и долин, среди бетона, железа, в опустелых жилищах строительных рабочих...

Самые скромнейшие уголки доступны теперь чужому любопытному глазу. Ходят слухи, что и наши более секретные документы, перевезенные для сохранности в Хабаровск, давно находятся в «ружеских руках».

Заключительный аккорд осмотра—шествие по потерне (подземной галерее) длиной до полуверсты, под огромным слоем скалистого грунта—положительно страшника из Майн-Рида.

Ступеньки покатого хода покрыты толстым слоем льда, катящимися пинг-на сиденьи, хватаясь за проложенные телефонные провода.

Лед все нарастает, ход суживается,переди страшная узкая щель.

Большая неприятность.—потухли факелы. Жуть, ледяная ногти. Как-то проскочили страшную щель.

Я с облегчением вздохнул, с трудом выбравшись на воздух.

На обратном пути долго сидели в снегу, сле добравшись до «Второй речки» (пригород Владивостока), где подкрепились бензином.

Следов японских укреплений не нашли, кроме небольших оборонительных окопов в местах стоянки их войск и в расположении постов и караулов. Обычные меры предосторожности.

Ни братья, ни обронить крепости японцы, конечно, не собираются, им никакой нужды в этом нет.

Опыт Вердена совершенно достаточен для того, чтобы постичь истинную ценность Владивостока в его современном состоянии.

На «Второй речке» видел школьников из детской Петроградской колонии. Многие сильно выросли, одеты бедно—а китайские кофты, все почему-то сильно кутаются. Здесь эпидемия тифа—медицинская помощьничтожна²⁵¹.

Владивосток, 16 февраля.

День чудесный. Пшел побродить по, так называемому, «Семеновскому» базару. Чем только здесь не торгуют! Среди разговоров неоднократно слышались неодобрительные отзывы об «убегающих» в Японию. Отношение масс к этим «побегам» определенно отрицательное.

За обедом в «Золотом Роге» мои случайные соседи удивлялись нарождающейся в масках дисциплине:

«Посмотрите, в каком порядке стоят трамвайные хвосты, а ведь нет ни городовых, ни писанных строгостей. Понадеялись люди, что так лучше и конец».

Я сам обращал на это внимание—явление отрадное.

Вечером заходил председатель правительства А. С. Медведев, он только что вернулся из Никольск-Уссурийска, нашел, что там положение в пол-

сих лучше здешнего. А здесь, действительно, не все хорошо: исходу выборов начали, во главе некоторых полков «солдаты». Последнее не так уж плохо, если выдвигаются тольконые солдаты. Генералы не спрашиваются с духом эпохи—ничего не поделешь! Хуже, что вновь установленный институт политических «уполномоченных в войсках», видимо, не достигает цели—войска их плохо слушают. Кроме того, и выборные командиры, и политические уполномоченные с большим склонением к демагогии и бойкотом.

По мнению Доманевского, японцы не очень считаются с Краковским и он потерял охоту к нему ездить. Вообще Доманевский настроен ярко, жалуется, что нет ни помощников, ни работников.

Боголюбов, вернее, Военный Совет, беспокоятся относительно прорывающегося из Иркутска отряда генерала Войцеховского, просят меня протелеграфировать ему здешнюю обстановку и, таким образом, ослабить влияние на него Читы, т.-е. Семёнова.

Владивосток, 18 февраля.

Утром заходил и Колокольников и Гребенщиков. Первый в смятении, уверяет, что за три недели своего существования новая власть ничего не сделала в области финансово-экономической.

Я заметил:

«У вас ведь было в распоряжении не три недели, а год, но как будто бы и вы сделали в этой области не больше».

«Да кто же знал, что Колчак только и мог слушать, когда курили финиш его таланта и величия»—оправдывался Колокольников.

«Кто же виноват? Сами создали себе божество, складываясь не годным».

«Плохо дело»—продолжал Колокольников,—«совсем разорен, а годы уже не те и энергии прежней нет. Говорят, большевики никакого не переменились, в Томске назначили контрибуцию в 25 миллионов руб., не внесли в срок—пятерых расстреляли, двое из моих друзей»²²².

Так различаются политические кумиры под ощущением личных неудач.

Гребенщиков рассказывал о начале дипломатических сношений: «Мы отнюдь ни у кого не просим признания, а ставим всех перед фактом существования нового правительства».

Позиция правильная, а главное—и единственное возможное, другого ничего не выдумаешь.

Владивосток, 19 февраля.

Заходил Доманевский. Он, видимо, сильно утомлен: при ненахожденной бестолковой работе приходится напрягать мозги и волю 13-15 часов в сутки. Для привыкшего к систематической работе ума это невыносимо. Доманевский жалуется:

«Ясно виджу: часть офицеров определенно саботирует, часть перегружена работой, часть хочет работать, но не умеет».

В Военном Совете тоже пока еще сумбур, но там молодые силы, не отращенные известной системой, привкус власти делает для них и «стол-

кому-то суету, писанье ненужных бумаг и праздные разговоры достаточно занимательны и серьезным делом. Жажда и опыт выправят недочеты. Через это проходит вся страна.

В районе Хабаровска не совсем гладко. Калмыков не только ускользнул из «железного кольца» партизан, но кому-то грохнул еще «обходный панцирь». Партизаны увлекаются внутренней склокой — не присоединяют стянутые к Хабаровску регулярные войска.

Около Сучана — открытая вражда русских рабочих с японцами, склоняется почти ежедневно.

У армии нет 3-х динейных патронов.

Японцы несомненно что-то замышляют. Игнорируют Краконецкого, не отвечают на его запросы и требования.

В Харбине появился какой-то новый «Верховный правитель» — Тамбакир.

У Павловского познакомился с Моравским; кажется, один из министров бывшего на Дальнем Востоке «дербенского правительства» (от Сиб. Областной Думы). Моравский явно в оппозиции к Земскому Правительству за его безудержаный, по мнению Моравского, уклон к большевизму. Полагает, что японцы в скором времени выступят здесь активно.

Большевиков это, видимо, никаким не слушают; они утешаются: «Заключим мир, ведь Брест показал, что мы не ошиблись».

Перекочевавший сюда Сибзенгтор (сибирский Союз земли и городов) проектирует «Зем-блан» (благо дни масленицы!) в большом собрании общественных и политических деятелей. Намечается необходимость обединения.

Аксентьев и его друзья интересуются из-за границы составом Земского Правительства и его относением к большевикам.

Владивосток. 20-го февраля.

Бродил по семеновскому базару, это — барометр жизни. Обилие рыбы, китайцев и японских мандарин.

Вечер провел в беседе с членами Всеннего Совета, — новая серия: Соколович и Луцкий — оба военные, капитаны старой армии, оба давно на Дальнем Востоке, хорошо знают край и его настроения. Оба коммунисты.

Соколович брайтый, с зенеричевым, но несколько неприятным выражением лица. Луцкий горбонюкский, с бородой, юдильный и раздражительный, тип хозяйственного адъютанта пропинкального штаба, каковым он и был в действительности до революции. Оба с уклоном к демагогии.

По старой службе горячие поклонники генерала Лещинского, бывшего командующего войсками Примурского военного округа — самородки из народа.

Высказывались о желательности иного участия в Совете Обороны. Соколович читал проект Совета — размах широкий, но нет системы, сквозит мелкая подозрительность к командному составу. Мы говорили, что Соколович сам мечтал о посте командующего войсками, занятом Крикунецким.

Во всяком случае и эти двое — люди новых времен, ищущие новых путей в работе. Конечно, оба с политическим и творческим стажем.

Владивосток, 21-го февраля.

Был профессор Военной Академии Иностранцев, в английской форме, ужасно исхудалый, обретается с семьей в английском поезде. Сосен без денег; очень обращался наим реальная забота об Академии. Жалуется на нервы, стремится обратиться в Юго-Славию, слегка заражен идеей славянской федерации и борьбой с германцами. В общем ушиблен событиями, нуждается в ремонте.

Приехал познакомиться китайский полковник генерального штаба; жалел, что я не был вчера на «русско-китайской чайке чаё».

Вечером на «Сибзаем-блине» было несколько шумно. Политические беседы не удались—политики поглощали блины, а блины поглощали политику.

Первый раз видел председателя бывшей Сибирской Областной Думы—Якушева,—печатление личной гордочности, но человек не крупный.

Владивосток, 22-го февраля.

Заходил Доманевский «подкрепиться энергией». Он положительно разрывается на части и все уверяет, что не может работать в такой кутерьме. Его, с одной стороны, пугает общая бесполковщина, с другой—загадочность поведения японцев.

Пришел А. С. Медведев с копией телеграмм из Харбина. Там и в Чите полным темпом идет распродажа российского добро, вывоз золота и ценностей, конечно, в Японию. И Медведев, и Доманевский—оба жалуются, что и японское командование и дипломатическое представительство не торопятся с ответами на их запросы. Я утешал: «Просто не могут ответить, так как, видимо, до сих пор не выработали определенной политики в отношении Приморья и вообще Дальнего Востока».

У них, кроме того, и у скинх не все благополучно. Приехавший из Японии коммерсант Щербаков передавал о сильных волнениях в Токио и о покушении на премьера Хара в отеле «Себокен». Кстати, он рассказал и о весьма холодном приеме в Токио Третьякова, ехавшего министром к Колчаку: «и гостиницах для него не нашлось даже свободного номера».

«К русским, после вашего (т. е. моего) отъезда, отношение заметно ухудшилось. Крупенский бежит в Италию, а кое-кто из военной элиты ищет занятий у японцев».

Владивосток, 23-го февраля.

Заседал в комиссии по реорганизации армии, созданной при Военном Совете, куда меня пригласили председателем. Обсуждался вопрос о форме одежды и о чинах. Общее мнение за упразднение чинов. Я выдвинул мысль об оставлении командных званий, сохранившихся за теми людьми лишь на время его командования той или другой частью. Так, всякий, получающий полк, пусть это будет простой солдат, приобретает звание полковника, пока он во главе полка.

Состав комиссии пестрый: Глазунский—полковник, сильно перегибающий алено, в прошлом, грешки за крайние уклоны в противоположную сто-

рону; Степанов — поручик, один из революционных деятелей 5 армии (в мировой войне) за время моего командования этой армией. Остальные, кроме поста-генерала Гончаренко и капитана Саваровского, — молодежь весьма энергичная, но малоопытная.

Владивосток, 24-го февраля.

По газетам, атаман Калмыков бежал с своим отрядом в Китай, перешел границу у Кукоэса и тянется к Харбину.

Снять заходил Доманевский. У него неизвестно с демобилизацией и воина тревога: в области сплошь организуются военно-революционные комитеты, не особенно склонные к исполнению распоряжений из Владивостока.

Здешний военный центр в тяжелом положении. Снабжение не налаживается, на листах не чувствуется влияние и продуктивность работы центра. Это, конечно, на первых порах естественно, но Доманевский слишком впечатлителен и нервен.

Заедают и претензии интервентов. Японцы, в виду объявленного ими очищения Амурской области, требуют срочных больших нарядов поездов.

Сейчас требуют прицепки броненика к поезду для обслеживающего их войска флагмана-адъютанта Микадо, для его охраны.

В Военном Совете реконструкция: коммунисты хотят занять все четыре места, эсеры отстаивают одно место для своего кандидата. Эта борьба за влияние в Военном Совете, конечно, также тормозит работу штаба. Доманевский, да и сам Краковецкий, часами ждут заседания.

Владивосток, 25-го февраля.

В состав Военного Совета, видимо, войдут два наиболее крупных коммуниста: Лазо и Луцкий. Реконструкция Военного Совета задерживает осуществление вопроса с организацией Совета Обороны.

В моей комиссии дела идут тоже туда, а жалобы торчат. Наших соединенных «положение о политических уполномоченных в частях войск», как и свое время прославленное положение Керенского о войсковых комитетах, встретило в жизни много затруднений.

Два таких уполномоченных, выльных сегодня комиссий, право умоляли о более точных инструкциях.

«А чувствуется ли наш авторитет в войсках?»

«Да, но очень трудно разобраться в правах и обязанностях и особенно в взаимоотношениях с командным составом».

На очереди ряд важнейших вопросов: о содержании, о квартирах, в пленных красноармейцах. Среди просителей партизаны, бывшие участники восстания Гайды. Все, так или иначе обиженные или обиденные заботой элементы, широкой волной хлынули в Комиссию. Старое офицерство, теснившее нужной, тоже начинает интересоваться своей судьбой.

Кроме большой работы, все это требует и больших материальных средств. Сложно, но работа жития и помогать надо.

В Амурской области сильно растет партизанское движение. Недаром оттуда уходят японцы. В одном из прошлогодних столкновений с партиза-

и наши японцы не только потеряли неудачу, но не смогли даже вынести тело убитого в боку командира батальона. Это вызвало сильную тревогу в Токио и большую неприятность для военного министра.

Живой и понятный лозунг, умело брошенный большевиками, имеющий конечной целью обединение России и сохранение ее целостности, сам собой поднимает народ и заставляет его браться за оружие. А тот же призыв за «единую неделимую» в устах вождя антисоветского движения оставил в большинстве случаев немым для широких масс населения²²²). В чем же причина столь неоднозначного отношения масс?

Большевики, надо отдать им полную справедливость, умело противопоставили национальное чувство засилью и корыстным склонностям иностранцев.

На Дальнем Востоке нет помещиков, нет крупных предприятий, эксплуатирующих труд рабочего, и тем не менее времавший классовый инстинкт разбуджен и здесь. Он сплотил и цементировал национальное чувство для целей борьбы. Большевики—отличные пропагандисты. Это отражается и на чужеземцах.

Говорят, что на Чуркинском полуострове (около Владивостока) японские солдаты украсили себя красными бантиками. Для начала достаточно.

Владивосток. 26-го февраля.

Беседовал с председателем Правительства А. С. Медведевым. Настроение членов Правительства весьма содрогнутое—все они не прочь бы сложить свои полномочия и отказаться от высоких官ностей.

«Все мои коллеги в прострации, только и мечтают об уходе», заявил А. С.—Ведь и для меня по тактическим соображениям лучшее время для ухода. Но как уйти, кто заменит?»

Я понимаю эту трагедию власти—весь ее состав менее всего думал, что им когда-нибудь придется управлять территорией, из которой одна Камчатка почти больше всей Японии. Они—ценнейшие земские работники, два из них прекрасных педагога, один отлаженный энергичный врач, один толковый зоолог и один просто земский сотрудник, с головой ушедший в изучение кинематографа, в котором он видит прекрасное средство для целей просвещения народа.

Во всех этих почтенных и полезных профессиях все же очень мало опыта для управления государством.

Вот теперь мне покидают куратор маленькою атамана Калимыкова: он силен волей и дерзает, не считаясь с средствами. Продержался два года, и как он высыпал всеобщий трепет, расстрелян и томя в тюрьмах десятки честных, умных и безусловно зданных людей!. Он не терялся сомнениями и правил, как ему нравилось. Это примасы революции.

Власти для одиночки в процессе революции, если он не гениален или не беспринципен до гениальности—действительная трагедия.

Это бремя по силам только крепкой политической партии, в этом случае недочеты индивидуальные восполняются единой несокрушимой партийной волей.

Беспокоят Медведева и юноши: «Они что-то задумали». «Да, вероятно», возразил я, «нельзя же им не думать».

«В Николаевске-на-Амуре положение очень обострилось, и этом отчасти секрет ухода юношес из Амурской области, они так слабы и сильно разбросаны».

Владивосток. 2-го марта.

Через британскую военную миссию получил телеграмму генерала Войцеховского из Читы, в которой он сообщает, что пришел в Забайкалье 20 тысяч испытанных бойцов, которые охотно поддержат всякую демократическую власть, но непримиримы в отношении большевизма, и спрашивает мое отношение к таковому.

Признаться, эта телеграмма, одновременно адресованная генералу Хорвату и всем иностранным миссиям во Владивостоке, озадачила меня. Вместе с лестным для меня вниманием, она требовала и открытого выражения моего отношения к большевизму.

Ответ мудрого күдесника «генерала Хорната», который уже появился в печати, может быть, и очень дипломатичен, но по существу является простым набором слов и страховкой, главным образом, конечно, со стороны Аристотеля.

Я победил первую горечь к ответу и решил несколько покрепче.

В Военном Совете знали, что имену получена телеграмма, и ждали, что я отвечу. Мне хотелось повидать Медведева, но в этот вечер это не удалось, и я не знал, как он отнесся к запросу Войцеховского.

Владивосток. 4-го марта.

Заходил Боголюбов спрашивать, какой ответ я предполагаю дать Войцеховскому и думаю ли сообщать его Военному Совету. Я сказал, что охотно это сделаю, если председатель Совета Лазо зайдет ко мне.

Вечером пришел не только Лазо, но и Никифоров с Боголюбовым. Ответ мой Войцеховскому, в краткой передаче его основных положений, совершенно удовлетворил моих посетителей.

Говорили об общем положении дел, об отношениях к нашим приятелям и неприятелям к нам.

И Лазо и Никифоров оба песьма колоритные фигуры.

Лазо 27-милетний молодой человек, олицетворение физической силы, полон энергии и западного вкуса к жизни. Малороссийский шаговод, слегка картавит, не без некоторой самоуверенности.

«Я девять месяцев командовал Забайкальским фронтом», заявил он как бы живоюю, но не без гордости.

Самый уход в сопки уже не шуточное дело, за них охочились с 1918 года.

Все было в нем хорошо: и плотная фигура, и холлодный упрямый чуб, и лукаво смеющиеся глаза, и короткий и мягкий говор, и задор суждений.

Такие типы чаще среди коммунистов; их нет, или мало среди эс-эров, где слишком много интеллигентской гордости, пафоса и бесконечного честя.

Эс-эры с головы до ног—доподлинная Россия, в этих как-то не-русская самоуверенность и полное отсутствие «слезы».

Никиторов—полная противоположность Лазо. Немаского роста, во внешности типичный рабочий. Коммунист, в тужурке с пуговицами с тисненным английским королевским гербом. Бледное усталое лицо аскета, с глубоко синящими темными глазами.

Это один из наиболее видных местных коммунистов, сейчас председатель Бюро Финансово-Экономического Совета.

У Никиторова спокойная, тихая, вдумчивая речь, трезвая оценка обстановки.

«Вы большой человек, с вами приходится считаться», — так сказал он мне по поводу обращения ко мне Войцеховского.

Я задал ему вопрос: «будут ли коммунисты осуществлять свое постановление о переходе власти к советам?»

«Да, в отношении Амурской области, где уже организуются исполнкомы, но они будут жить директивами Временного Правительства, которое мы отнюдь не считаем ширмой».

Если это было не вполне искренно, то во всяком случае достаточно искренно.

Перед уходом Лазо сообщил мне с задором об успехах какого-то товарища Тряпицына²⁸⁴), рукоплывающего борьбой у Николаевска на Амуре, где будто-бы основательно пострадали японцы.

«Вы слышали, сколько Благовещенска замерло 300 японцев; наши сибирские морсы за нас», добавил он не без злорадства.

Вот оно мировое братство!

Общее впечатление от визита скорее плюс—это исключительно, новые люди, в них чувствуется воля к борьбе. Они знают, чего хотят²⁸⁵).

Владивосток. 5 марта.

Заходит к А. С. Медведеву. Прервал его послеобеденный отдых. Он слегка недомогает и, видимо, очень утомлен неорганизованной работой.

Прочел мне информацию из Харбина. Войцеховский назначен Семёновым командующим войсками Дальневосточной обороны; Щетинин—начальником штаба к нему.

Острота японско-отношений Войцеховского и Семёнова, видимо, разрослась. Теперь значительно закрепится читинская пробка и, конечно, затянется вопрос об'единения с остальной Россией. «Союзники» этому помогут.

Владивосток. 6 марта.

Был М. Н. Павловский, волнуется по поводу борьбы Сибиригора с Бюро Финансово-Экономического Совета; последнее отвечало было по-мешанию Сибиригора, но сегодня принесло изменение за это распоряжение.

Отправил в Британскую миссию ответ Войцеховскому:
«Чита, Генералу Войцеховскому, Копии по всем адресам, указанным его телеграммой.

Ответ телеграмму вашему 28 февраля сообщаю. Как гражданин тоддят нахому создавшихся условиях продолжение гражданской войны гибельных для Родины. Задача момента обединение всего населения Дальнего Востока для защиты исконных владений России. Для патриотов найдут доблестнейшие способы обединения Забайкалья Приморской областью и скорейшее воссоединение остальной России».

Эти цели готовы оказать полное содействие. Такова позиция и фр. Правительства Приморской областной Думской Управы. Интересующие вас вопросы подробнее могу ответить прямому проводу. Вместе содержанием настоящей телеграммы прошу передать все глубокое уважение и привет вашим войским. Они доблесть и честно выполнили свой долг и не ответствены за ошибки их прежних вождей и пакистого правительства.

5 марта. Владивосток. Генерал Болидрез».

Посланная телеграмма определила ясно мои позиции для всей социалистической Европы. Я ответил так, как думал. Это краткое содержание существенности моей программы, намеченной для Дальнего Востока. Постепенное, осторожное обединение и неприменение нашей территории—это пока главное всего.

Владивосток. 7 марта.

Был в Центросоюзе, спрашивал о возможности приступить туда Доманевского. В должности начальника штаба его не на долго хватит. Он не только крайне утомляется бессистемной работой, но что гораздо хуже—не верит в ее результаты и слишком болезненно учитывает международную обстановку, особенно опасность со стороны Японии. На днях он и Краковецкий были на международном совещании. Их только сле выслушали. Конечно, это не особенно бодрит.

Вечером первый раз был на заседании Военного Совета. Все были в сборе. Председательствовал Лазо, члены: Лицберг, Брагин с деревянной трубочкой, подусонный, в очках, «сапер» Сибирцев и несколько хищный с виду Лушкий. Присутствовали—хмурый, полуунбритый Соснович и похудевший Боголюбов.

Позднее пришли: Краковецкий с огромной красной звездой на левой руке и красной ленточкой в петлице и Доманевский, все еще красивый и изящный, несмотря на удары судьбы и пережитые тревоги.

Я изложил основы законопроекта о новых окладах содержания для военнослужащих, выработанного председательствующей мною комиссией. Одобрение. Легкий протест Сибирцева. Лазо слегка покидают, но зельно ведет заседание.

Зашинует положение законопроекта Краковецкий. Я разъясняю принцип равенства, положенный в основу работы.

Начинается атака против пункта о квартирных деньгах. Атака успешна—пункт проигран. Но после небольшого перерыва председатель, произнав некоторую последовательность решения, предлагает пересмотр этого вопроса, и он принимается с некоторой поправкой.

Защита усиlena Доманевским. Ему явно симпатизирует Лазо. Все положения законопроекта подчеркивает Боголюбов.

В. Г. Боголюбов. Директория, Красная. Интервью».

Секретарствует Барин, но он больше занят своей трубочкой, нежели протоколом. Протокол ведет мерзкий Лазо, делаю записи в толстой тетради.

Сибирец увлекся какой-то телеграммой.

«Товарищ Сибирец, прону не читать телеграммы во время приема», — задорно замечает президент.

Соколин хмурится.

Дожинский при резких нападках, мягко картины, чрезвычайно дельно выступает на защиту.

В глубине мрачной, полутемной, обезображенной перегородками, комнаты, молчаливо бродит экс-член совета Таффеев.

К 10 часам законопроект почти целиком принят. Тем не менее, у меня сознание, что разработка недостаточная. В таком совете более, чем где бы то ни было, докладчик должен быть неуязвим.

Здесь есть острые зубы и полное отсутствие дрожащих старичков.

Владивосток. 10 марта.

Разыскивал свою землячку Ч., занесенную сюда огромным беженским валом после разгрома Омска. Перенесла сыпной и какой-то еще манжурский тиф; последствие — сильнейшая опухоль ног и ослабление сердечной деятельности. Подобрали ее здесь чуть ли не на улице чужие, добрые люди. А сколько осталось не подобранных!

Ч. сильно голодала, сейчас блаженствует в городской больнице. В беседе высказала дальную мысль, что «выступление чехов только усложнило положение в России».

Резко отзывается о бегущих заграницу: «пускай бегут, а когда вернутся — их спросят, откуда пришли». Для человека, потерпевшего с разрывом достаток, дом, родных, здоровья — это весьма характерно.

В газетах помещены два крестьянских манифеста от 12 и 21 октября 1919 года, помещенные Николаем Новгородом, об избрании «Всероссийского Крестьянского Правительства». Правительство это Семенова, «акак сына казака», предлагает «просить не только подчиняться Всероссийскому Крестьянскому Правительству, но и предложить звание русского крестьянского диктатора, как защитника единой России и крестьянства».

Конечно, оба манифеста подготовлены в Чите, изобретательных людей там, видимо, достаточно²⁸⁶).

Медведев сильно покупал и постарел: «дела в общем не важны, мысы вырываются из рук и лезут на рожон».

Худые пости и из Сибири: полная и окончательная разруха и полный тиф, уносящий тысячи жертв²⁸⁷). Возникает мысль о буферном государстве на всей территории к Востоку от Байкала.

Владивосток. 11-го марта.

Сегодня большой день — праздник пролеткульты, трехлетия годовщины великой русской революции.

Весь город в красных флагах, красных арках и красных знаменах.

Горячий красный цвет—в лучах чудесного солнечного дня—цвет горячей человеческой крови,—самый яркий выражатель настроений, движущих на борьбу за право и счастье.

И парец войск, спокойно, в образцовом порядке проходивших по улицам города, и шествие профессиональных союзов, стройно поющие гимны революции, с красными ленточками на груди, с красными флагами в руках, и резвые колонны детей с знаменами перекличистыми звуками «ура»—исключительное зрелище.

Откуда это народ научился такой дисциплине?

Где научились вольной песне вчерашняя Мавра-кухарка, смело марширующая в ногу с рабочими под звуки духового оркестра?

Кто эти молодые девушки, голоса которых так звонко дрожат среди нескольких хриплых густых голосов почтенных бородатых и бритых рабочих и трудовой интеллигентии?

Где-то сладко ухает «Дубенушка»,—«Никак за дубину берутся!»—унимленно резонирует женщина, пробирающаяся среди чинов, заполнивших тротуар, толпы.

Ни городских, ни криков, ни ругани, ни грубых толчков.—Кто владеет колеблющей палочкой, устанавливающей этот порядок?

Его Величество Народ празднует и веселится, он происходит смотр своим силам. Силы эти интуитивны, и их как-то растворились, утонули все интерненты, а их немало, словно, удивились и испугались той юноши, которую продемонстрировал сегодня перед ними, великий и в своих стрижнях, русский народ.

«Чудесно», обращается ко мне сосла, военно-плетенный ремесленник из Лейпцига,—«только ваша безгранично юношеская и богатая страна, не теряя бодрости, может выдерживать эти годы ужасной гражданской войны. Никто не выдержал бы и двух месяцев».

«Не будь я юношат, я не уехал бы отсюда, но семья не пиновата и бросить ее я не могу». «Я видел начало революции в Самаре и теперь здесь—какая разница».

Рядом слегка выпивший и довольно грязно одетый рабочий приставал к двум японским солдатам, мирно глядевшим на шествующую революцию, а затем к чеху и ругал их за интерненты.

«Много мы нашей крови пролили, а все-таки наша юноша». Это единственный пынзий, которого я видел за целый день, и у меня мелькнуло подозрение, не был ли этот юный выпущен с определенной провинциаторской целью: уж очень резала глаз эта грызня хмельная фигура, и слишком изобильно лазарев он иностранцев.

Шествие замыкали анархисты. На черном знамени—золотая надпись: «Мир хижинам, смерть дворцам, смерть капиталу и власти». Устарели эти лозунги. Капитала давно нет, по крайней мере в России, да и дворцов не так уж много в соломенной стране. Как-то не было страшно от этих страшных слов. Это, пожалуй, наиболее слабое често в принесении. Кроме

иных выразители из студентов и просто хилых интеллигентов, под этим знанием мирношли самые обыкновенные и добродушнейшие Марфуты и Аннушки.

Процессия кончалась, но впечатление от нее осталось сильное.

Нараставшая тревога среди членов Правительство и других представителей власти, а равно и среди общественных и политических деятелей, разбирающихся в создавшейся обстановке, не была излишней. Грандиозная демонстрация по Владивостоке в день трехлетней годовщины русской революции имела по преимуществу моральные значение. Русская вооруженная сила была еще слишком слаба и не организована, чтобы сделаться ходячим положением в Приморье, при наличии той реальной силы, которой обладало здесь Япония.

Течения об усилении и закреплении японского влияния на Дальнем были еще слишком сильны, по крайней мере, в военных кругах Японии. Они находили поддержку в тех русских группировках, преимущественно осенних в Харбине и Чите, которые все свои расчеты в борьбе с большевизмом обосновывали исходя на широком содействии Японии, исключительно до временного протектората над ее Дальневосточными областями.

Мениющееся настроение внутри Японии, издано со стороны Америки, в смысле сохранения территориальной неприкосновенности России, заставляли торопиться с созданием такого или иного конфликта, который давал бы японскому шинзакуму не только для вооруженного выступления, но и для «вызванной обстоятельствами» оккупации некоторых из наших областей.

Требовалась сугубая осторожность, чтобы не попасть на удочку и не дать повода для такого конфликта.

В действительности такой осторожности не было, и в этом виновато было позиции Временное Правительство Приморской областной Земской Управы.

Дело в том, что Правительство это, почти с первых же дней своего появления у власти, постепенно стало поглощаться истинным ходячим положением Дальборо ЦК РКП, которое весьма скоро сделалось фактическим распорядителем и вооруженной силой края.

Действительно, в области воинской все большее и большее влияние приобретали существовавшие, преща, незадолго, военно-революционные организации, подготовившие переворот 31 января.

Несомненно, с их согласия и по их директивам вел свои операции Трипольян у Никольска, операции, приведшие к весьма серьезным осложнениям с японцами. Директивами же этих организаций руководствовались и партизаны, начавшие весьма активную деятельность, как в Амурской области, так и в Хабаровском районе и на Сучве.

Хорошо осведомленные японцы отлично понимали, откуда идет руководство военной жизнью областей, и, игнорируя командующего войсками и его штаб, сосредоточивали все свое внимание на Военном Совете, с кото-

рых с трудом мирились, уклоняясь от всяких официальных с ними сношений.

Нахождение П. М. Никиторова по главе Бюро Финансово-Экономического Совета передавало и сущности в руки того же Дальбюро и все руководство экономической жизни края и его финансами. Из Владивостока в Благовещенск был вынесен золотой запас до 100 миллионов рублей. Подготовлялись для вывоза и другие ценности, а равно и военные материалы.

В конце марта появились во Владивостоке и неофициальный представитель советской России, видный коммунист, В. Д. Вилейский.

Освещение края принесло тем, игнорирующий всякую предосторожность. Вслед за установлением исполнкомов в Амурской области, начались и во Владивостоке открытие выборы «Совета Рабочих, Крестьянских и Красноармейских Депутатов».

Столь очевидное усиление влияния коммунистов в работе Правительства, хотя и коммунистов «рассовых», как тогда выражались сами же коммунисты, дало повод насторожиться правым группировкам, находившим несомненное сочувствие среди японского военного командования.

Зашевелились в Харбине. Была ждёт Чита — это донеслось до Токио.

Председатель Временного Правительства с трудом отбивался от не прекращенных запросов со стороны иностранных, главным образом, японских, представителей по поводу действий, в которых меньше всего понимали было правительство, и которые направлялись исключительно исчезнувшей вонючей вонючим Дальбюро.

Ко второй половине марта относится и первая попытка соглашения с представителями, так называемой, Каппелевской армии (остатки армии Колчака), сохранившейся после неизмеримо тяжкого зимнего похода через всю Сибирь и достигшей, под руководством генерала Вонгешевского, предлов Забайкалья.

Выработать проект этого соглашения неофициально было поручено мне. Свободилось оно к другим основным движущим: принятию части армии на службу Временного Правительства на определенных условиях и использованию всех оставшихся для мирного труда, при некотором содействии Правительства.

В числе представителей армии был полковник Ш., мой бывший подчиненный и за время мировой войны, и в период моего главнокомандования при Directorate.

Переговоры не были особенно сложными. Главнейшие положения были быстро выработаны. Дело не удалось довести до конца, лишь в итоге последовавшего вскоре выступления японцев, и оно погасло в воздухе.

В Харбине к кипящим потянулись затем другие предложения для достижения сокет других задач, усложняющих потом развязку событий на Дальнем Востоке.

Что все наложенные обстоятельства весьма тщательно учитывались японцами — в этом не было никакого сомнения. Токийское правительство через местную командование неоднократно предупреждало, что оно не до-

пустит укрепление большевизма в Приморье в непосредственном соседстве с находящимся под его влиянием Кореей и Маньчжурией, и, конечно, не бросало слов на ветер.

Руководители же Дальнюра, как будто не учитывали всей сложности положения и, может быть, не ждали того, тем не менее шли к конфликту. Это было на руку японам. всякий формальный провод с русской стороны, а японцы могли считать таковым хотя бы открытые выборы в Исполком^{*)}, разъяснил им руки и служил бы затем достаточным оправданием всякой кири, какую местное командование нашло бы необходимым применить для поддержания своих письменных заимений.

Крайнее напряжение чувствовалось уже всеми, доведение его до открытого столкновения было бы прямым безумием в тогдашних условиях. При нем превосходство в силах и организованности со стороны японцев, очо сковывало бы даже внешнее проявление доброжелательства американцев и чехов, явившихся наиболее реальными величинами после японцев.

Больше того, если бы Япония сама решилась на вынос, это ни в коем случае нельзя было принимать здесь, в районе крепости. Вынос этот, формально не принятый даже в целях обороны, действом был поизнануть в воздухе, чего и нужно было избежать.

Изолированные Приморье открыто бороться не могло. Этого не в состоянии были понять только или чрезвычайная растерянность, или легко-мысленно зарвавшийся запор.

При всем японском расстройении против закрепившегося на Дальнем Востоке большевизма, японское Правительство, и, главным образом, местное японское командование действовали чрезвычайно осмотрительно.

Они позаботились даже о предупреждении возможных осложнений между японскими войсками и мирным населением.

Так, вскоре после декларации, обнаруженной японским императорским правительством относительно пребывания японских войск в Сибири, со стороны местного японского командования было сделано следующее заявление Временному Правительству Приморской Областной Земской Управы:

«По поводу декларации, обнаруженной нашим императорским правительством относительно пребывания наших войск в Сибири, командующий японскими войсками в Сибири уполномочивает меня вести переговоры с представителями военных властей Временного Правительства Приморской Области с целью поддержания дружественных взаимоотношений и предупреждения конфликтов, могущих возникнуть, судя по данным прошедшего и настоящего времени, между нашими войсками—с одной стороны, и русскими властями и местным населением—с другой, по поводу пребывания наших войск в Приморской области.

Для вступления в переговоры я с своей стороны имею честь заявить вам те условия, которые имеют быть предложенными Временному Правительству, и просить ответа.

^{*)} Весьма выдающимся, между прочим, был факт крайне дерзкого покушения находившихся под охраной японцев 10 французских танков. Покушение было организовано без ведома командования. Японцы ответили на это иссмым грубым задержанием ничего не подозревавшего Краковецкого, во время его приезда в Никольск 26 марта.

Условия эти следующие:

- 1) Обеспечить прохождение наших войск в смысле предоставления им всех необходимых для такого прохождения средств, т.е. расквартирования, продовольствия, путей сообщения, корреспонденции и т. п.
- 2) Подчиняться всем тем постановлениям, кои заключены между нашим правительство и нашим командованием—с одной стороны, и русским правительством с другой, на основании состоявшейся соглашения между державами согласия или между союзническими командованием, когда бы эти постановления не состоялись.
- 3) Не арестовывать, а также не стеснять свободы тех лиц, которые содействуют нашему военным действиям без нашего ведома.
- 4) Ликвидировать всякие действия тайных обществ и групп, угрожающих способом деятельности безопасности наших войск, а также миру и спокойствию в Корее и Манчжурии.
- 5) Содержать печатные статьи и отдельные провокационные выпады, направленные к скомпрометированию наших войск и нашего государства.
- 6) Приложить все старания к безусловному обеспечению жизни, имущества и других прав наших подданных, проживающих в крае, в том числе и коренцев.

Генерал Тиханаги.

Временное Правительство для рассмотрения предъявленного заявления образовало особую комиссию, куда прошло вдти и меня. Состав комиссии был следующий: председатель Р. Цейтлин, один из видных сотрудников Военного Совета, и члены: Мельников, коммунист из Военного Совета, генерал И. М. Старковский, капитан Смирновский, подполковник Попов и я.

Это заявление в значительно измененной редакции его пунктов и было положено в основу дальнейших переговоров, которые сделались настоятельно необходимыми после событий, имевших место в начале апреля²².

Владивосток, 3-го апреля.

Утром Лазо и Цейтлин знакомились с результатами своих переговоров с представителями кайзеровской армии. Условия присягны вполне приемлемы.

В 11 часов утра собрались на заседание с ипонскими представителями для обсуждения сложного ионянского конфликта в интересах Временному Правительству.

Заседание должно было происходить в здании, занятом ионянской военной миссией. Члены русской стороны несколько больше, чем следовало, были задержаны в приемной любезной угощением из чая и папирос.

С японской стороны и комиссии вошли: председатель генерал Тиханаги и члены—начальник военной миссии подполковник Исаке—ний старый знакомый по Японии, майор Хлебе, капитан Сивада и профессор Хигучи.

Генерал Тиханаги, небольшой худощавый японец, с умным лицом и большими родными пятнами на правой руке, расцененный русской стороной, как злейший русофоб и большой пособник японцев. Другой характерной фигурой был профессор Хигучи, бывший питомец нашей Киевской духовной академии, отлично владевший русским языком и хорошо знакомый с русской литературой. Хигучи был официальный переводчиком при штабе японского командования.

Его политическая физиономия представлялась мне непонятой, у него были хорошие связи с русскими, было много других значительных среди приватных кругов Владивостока.

С русской стороны владеющим японским языком был только полковник Попов.

Напряженно тревожное настроение последних дней перенеслось и в зал заседания. Предъявленные Временному Правительству 6 пунктов были редактированы чрезвычайно опасно для нас. Так, п. 2 устанавливал подчинение всем ранее заключенным постановлениям, а п. 3 определяло санкционирование ими открытого предательства, пособничество враждебным действиям японцев... против кого-же?—да, конечно, только против русских, так как других врагов у них здесь не было.

С открытием заседания оба председателя обменялись дружественными заявлениями, при чем Цейтлин очень удачно к словам «русского народа» все время отчетливо прибавлял присоединительное «некоторые»—это как-то уравновешивало шамки, сияющие торжество грубой силы, явно прозвучавшей в первых же словах японского председателя.

Бой, естественно, разгорелся около совершенно недопустимой редакции п. 2. В нем была большая опасность принять ответственность за то, чего не знаешь. Могли быть постановления, принятые Россиковым и совершенные неприменимыми для Временного Правительства. Цейтлин удачно привнес этот пункт преимущественно политическое значение, находящее за пределами суждений комиссии, имеющей задачей исключительно вопросы военного характера.

Генерал Такаянагивел наступление и чрезвычайно резкой категорической тоне. Он или хотел запутать противоположную сторону, или выиграть разрыв, и тем самым создать для своего командования повод к свободе действий.

«До вырешения вопроса о конфликте можем ли мы действовать так, как нам хочется?»—резко спрашивал Такаянаги.

«Мы считаем такую постановку вопроса неправильной»,—спокойно парирует удар Цейтлин.—«Действия японского командования должны опираться на постановление... мы будем обсуждать в этой комиссии данное постановление. Это даст нам возможность избежать похищения конфликтов.

Ловко укрываясь то Военным Советом, то необходимостью получения новых инструкций от Правительства, Цейтлин с большой настойчивостью обещал все опасные места жаркого словесного боя. Лишь два раза очень короткими выступлениями мне пришлось не столько поддержать его, сколько представить возможность выиграть время для ответа.

Первым, удачное согласование редакции п. 2 и значительной степени разредили атмосферу и дали русской стороне большой выигрыш—отсрочку обсуждения остальных пунктов на завтра.

Так не менее, Такахаги выразил сожаление, что не разрешены все пункты.

«Винову этому политическая обстановка», — дипломатично заметил Цейтлин.

Генерал Такахаги не выдержал и слегка приоткрыл сущность положения:

«Мы имеем известия, что население склоняно, но в русских военных частях возбуждение и передвижение, по избежанию конфликтов мы и хотим вырешить эти вопросы... При этом просил принять к сведению, что в связи с напряженным положением, кроме переговоров японские, будут еще переговоры полковника Исоме с Красковецким.

На это Цейтлин ответил:

«Что касается сведений о волнениях и передвижениях войск, то мы можем конкретизировать, что если они и имеются, то вызваны передвижениями и подготовкой в японских войсках со дня опубликования декларации...»

Заключительное заседание, стороны даже признали, «что переговоры идут в мягкой форме».

Неожиданно выступил Исоме. Он опоздал с назначенным в нем возбуждением и утратил обычные рамки, с столь присущей ему добродушной хитрой. Тема, видимо, серьезно волновала его:

«При рассмотрении п. 2 особое впечатление владеет наци. Правительство и государственная власть меняются, внутреннее управление также можно изменить, но международные отношения остаются. Ленинское правительство все ложает, бросает, и уничтожает. Временное Правительство имеет связь с ним. Временное Правительство — ширма. Как истории показывают, существует особая Ленинская система. Я хочу спросить вас, как вы — практические, в душе уважаете ли постановления по нормальной системе или же Ленинским способом?»

Эта неуместная, близкая к дерзости выходка тотчас же была остановлена генералом Такахаги: «Это личное мнение полковника Исоме и дела не касается. Прошу не заносить в протокол его заявления. Заседание закрыто».

Цейтлин тем не менее ответил: «Советская система, или, как говорят г. полковник, Ленинская, состоит не в разрушении, и в соединении и строительстве. Мы считаем себя частью единой национальной России и стремимся к воссоединению с ней. Советская Россия стремится заключить мир со всем миром. Она обращается к японскому народу с мирным предложением и призывает некоторые преимущества на Дальнем Востоке. Вы спрашиваете, уважает ли мы и выше Ленинскую систему, или нормальную? Да, мы уважаем Ленинскую систему, ибо она самая нормальная».

Неудачное выступление Исоме Цейтлин, как человек практичный, не преминул использовать для агитации. Вообще из трудного испытания он вышел с честью.

Прибыли эшелоны Восточной Академии из Харбина. Начальник Академии генерал Андогский приезжал приглашать на конференцию Академии. На рукаве у него большая красная звезда. Жаловался, что политический уполномоченный при Краковецком требует немедленного отправления Академии в Благовещенск, обясняет это интригами младших служащих.

III.

Выступление японцев. Дни безвластия. Пост командующего войсками. Русско-японское соглашение 29 апреля. Милиция вместо армии. Внутренние трения. Расложение вооруженной силы.

Владивосток, 4-5 апреля.

Настроение весьма тревожное. С 2 часов пять заседали с японцами. Благополучно разрешены все 6 пунктов. В окончательной редакции наиболее важные 2 и 3 пункты были изложены так:

«п. 2. Считаться, как с фактами, со всеми теми постановлениями, исключительно по делам военных, которые имеются между японской прокуратурой или японским командованием—с одной стороны, и русской властью—с другой, из оснований соглашения между германскими соглашениями или симпатическими командованием. Если же эти постановления будут найдены не отвечающими интересам России и русской армии, то русская военная власть входит с предложением о пересмотре тиховых.

п. 3. Не арестовывать, а также не стеснять свободы без подвода японского командования тех лиц, которые обслуживаются последнее».

Незначительные изменения были в п. 4, а из п. 5 исключены слова: «в том числе и корейцев», так как корейцы, поданных Японии, в Приморье весьма немного.

Результаты заседания как будто несколько смягчили наркотизующее беспокойство, хотя утром было получено сведение о захвате японцами нашей радиостанции на Русском острове и о поднятии японского флага на «Тигровой батарее», господствующей над Владивостоком. Последнее, как весьма туманно обяснял Исаев, будто бы «в связи с их праздничной воинской».

Благополучно закончили переговоры и с представителями капитуляции.

Вечером у моих знакомых, несмотря на мое изображение, господствовало твердое убеждение в неминуемости выступления японцев. Мне говорили, что некоторые фирмы будто бы получили распоряжение о приостановке сделок, потому что «через 2-3 недели все будет иначе».

«Помилуйте,—заперты члены,—не зря, конечно, платили японцы, уезжающие из района Хабаровска и других мест, за три месяца сперед за квартиры».

Собеседники мои, к сожалению, были правы, я придал большее, чем следовало, значение благополучному разрешению заседаний конференций.

Не успел я войти в подъезд гостиницы, как штейнэр заявил мне о занятии японцами вокзала.

Со стороны Эгершельда (район товарных разгрузок) слышалась легкая ружейная стрельба.

Ночь чудесная, лунная... Светло, как днем...

Вблизи затрещал неожиданно пулемет—это стреляли японцы с чердака и балкона гостиницы «Централь». Блески выстрелов виднелись с моего балкона. Огонь направлялся в противоположное по диагонали здание Областной Земской Управы—помещение Временного Правительства. Оттуда будто бы были брошены две бомбы в стоявшемся воротах туда японцем. Пальба усилилась.

Цейтлин, поехавший было к полковнику Исахе, вернулся ни с чем. Исаха, как и вообще офицеров японского штаба, не оказались дома. «Все на руoute в честь военного праздника»—таков был ответ всходу. Военный Совет, помешавшийся этажем выше моей комнаты в той же гостинице, постепенно пустел. Карабул-матросы—трепаки—спускались и поднимались по лестнице.

Цейтлин, избежавший ко мне в комнату вместе с бывшим членом Военного Совета Геркусом, просят приюта. Оба крайне изможденные срывали красную звезду с своих костюмов. Попутно Цейтлин сообщил, что занята гауптвахта и разоружен бронепоезд, на котором предполагалось отправить ценности, главным образом, серебро, в Хабаровск.

Третья росла. Сверху слышались глухие удары—это промчали Военный Совет—разбили денежный ящик. На лестнице лежали русские погоны. Кроме шума в помещении Военного Совета, в остальной части гостиницы были мертвая тишина, комнаты опустели.

Звезды аллютиант Доминевского: «в «Золотом Роге» считают все уже конченным, меня приглашают присяднуть к переворотчикам». Я предложил ему отракляться и поступать, как ему заблагорассуждется.

Таким образом, кроме японцев, занят, работают и переворотчики. Это сложнее.

Слышатся редкие орудийные выстрелы. Все выходы из гостиницы уже заняты японскими часовыми.

Самое худшее это то, что не было определенных приказаний русским войскам. Цейтлин сообщил, что будто бы дано приказание скрываться ответственным работникам, но что Лизю и Сибирцев, гвардейцу, уже замечены.

Мудрое распоряжение войскам: «не оказывать сопротивления», видимо, не было ни спонтанным, ни достаточно категоричным.

Шесть человек караула, занимавшего здание Земской Управы, ну жестью боролись до утра. Первый ворвавшийся японец был немедленно убит ими.

Около 3 часов ночи я решил прилечь. Все равно, выхода не было, мы были в ловушке.

Но... послышались стуки в дверь. Ворвалось с десяток японских солдат с офицером и переворотчиком. Все очень возбуждены и в нетрезвом состоянии. Особенно безобразен был переворотчик, весь обвещанный отобранным русским оружием. Он был учеником Сурагадайской семинарии при русской духовной миссии в Токио.

Я встретил их в белье и накинутом на плечи офицерском пальто с красными генеральскими отворотами. На меня были направлены сразу три револьвера, слади блестели штыки. Маленький офицер особенно старательно водил дулом своего револьвера перед моим лицом.

Нападавшие смутно догадывались, что перед ними иностранец в большой чине, но через переводчики, дрожавшегося наиболее грубо, тем не менее, требовали немедленно следовать за ними, угрожая пытать силой.

Цейтгли пригнулся за мой спиной, Гернус стоял в углу у стола. На них, конкон, тоже было обращено внимание.

«Это тоже большевики?» — Я ответил, что здесь не большевики, а русский генерал и простые солдаты.

Переводчик что-то небрежно бормотал офицеру. Попложенные становились крайне неприятными.

К счастью, в растворенную дверь я увидел знакомое лицо — это был японский майор Хасебе в штатском, он жил в той же гостинице.

С большим трудом мы вырвались из возбужденных солдат. Помощь была во-время. Я горячо поблагодарил его. Цейтгли и Гернус скрылись.

У меня исчезли револьвер, фотографический аппарат и французский нож.

Лег опять. Стрельба слышалась уже из многих мест, значительно усилилась опять у Земской Управы, — это еще лежались шестеро бойцов мужественного караула.

До рассвета японцы прикальялись ко мне еще два раза, при чем последний раз уже с извинением за причиненное по недоразумению беспокойство.

Любезно выпрокодив гостей, не досчитав кошелька и перчаток. Сон разбил.

Утром толкня не понимал, свободен я или под арестом. Японский караул, стоявший у моих дверей, беспрепятственно пропустил меня в коридор, видно, это была уже охрана.

Пройти к майору Хасебе, я зная категорическое требование о немедленном снятии с балкона перед моим номером кеп-то поставленного японского флага, при чем добавил, что если это не будет сейчас же исполнено, я принужден буду покинуть комнату и обращусь с протестом непосредственно к генералу Ой. Флаг был снят. Уведены были и находившиеся у дверей моей комнаты японские солдаты.

В «Золотом Роге» за обедом узнал новость-сплетню, что я числюсь во главе Правительства. Мои конкуренты Хорнат, Вонцековский, Дизэрье и даже Семенов. Его «майоры» (солдаты, так называемого, манчжурского отряда) появились уже на улицах.

Эта новость не испортила мне даже аппетита. В действительности было нечто другое: сторонники Семенова сделали было попытку к установлению власти их атамана, Генералу Немиковскому, из двери сениновцев, предлагали пост генерал-губернатора. Были и другие попытки в этом же роде, но, однако, безуспешные.

На улицах огромное сожжение и общая растерянность. В городе без власти. Правительство, величайшие представители власти, не покинув во-

ского командования и членов Военного Совета, оказались в «бестах» у чехов и американцев.

Раньше других обнаружился глава Правительства А. С. Медведев. В разбитом здании Земской Управы пугливо собирались служащие.

Я торопился на заседание к японцам. Надо было положить конец созданной ими анархии.

В 5 часов дня мы снова сидели в том же зале, где еще вчера договаривались в стиле «мягкой формы». Сегодня хуже, с нами разговаривали победители, в Области лежала еще крона. Для начала подебатировали о праве протестов, подписали соглашение по вчерашним 6 пунктам.

Я заявил необходимости немедленного прекращения арестов и полного освобождения всех арестованных уже военных.

На мое утверждение о возмутительных поголовных арестах генерал Тахаянаги раздраженно ответил: «Не верю, что много арестуем».

Мы не стали уверять генерала, было известно, что образовалась уже, по требованию чехов и американцев, международная комиссия для расследования произведенных зверств. В суде при здании губернатора были вырыты трубы погибших в эту роковую ночь.

Много пришлось потратить энергии и даже погрешить против истины, доказывая, что никакого беззастояния, как утверждали японцы, нет, что все остается на своих местах и что все попытки к захвату власти с чьей бы то ни было стороны будут преступной пантюкой, при чем ответственность падет исключительно на них, японцев, создавших этот хаос своим выступлением.

В конечном результате удалось добиться заверения японского командования, что оно не допустят никакого насильственного захвата власти. Образование упомянутой международной комиссии, несомненно, влияло на спокойствие японцев.

Действительно, к 7 час. вечера 5 апреля работа Правительства Приморской Земской Управы восстановилась. Все члены, в том числе и задержанные японцами, вернулись к своим делам.

Таким образом, на этот раз благородное одержало победу. Отказ от вооруженного столкновения избил козыри из рук японцев и снял на-нет попытку реакции захватить власть²⁸⁰.

Владивосток, 6 апреля.

Восстанавливается обычая жизни. Правительство в сборе и работает. У здания Земской Управы непрекращающийся толчок. Слух об аресте Кругликова и присяжного поверенного Шинильникова; последнего будто сильно избили—личная месть со стороны пострадавших от его распоряжений по занимаемой должности по государственной политической охране, весьма назнанической «чека».

Всюду общее возмущение выступлениям, горечь и озлобление за причиненные насилия. Кое-кто отрицательно относится к «бести» военного командования.

Официально «Руста» (русское телеграфное агентство) сплетничает: передает упорный слух из привычных кругов о намерении японцев сформировать

через меня японское правительство на Дальнем Востоке. Называет даже монх японщиков, как главы правительства, генералов Будберга и Войцеховского.

Загнал офицер французской миссии, конечно, за информацией. Были Исомо и Сакада, по тому и разговору как будто «не все благополучно в Датском королевстве». Что касается событий, «все, конечно, произошло по недоразумению».

Я имел сведения, что в Хабаровске приютились беж. Там большие разрушения и много жертв среди мирного населения.

В Никольск-Уссурийске обе стороны присыпают себе победу. Были столкновения в Спасске, Раздольной и др. пунктах.

Вседе выступление японцев началось нападением на войсковые части Правительства, разоружением караулов у правительственные учреждений, арестом граждан, заподозренных в большевизме, или в причастности к таковому.

Всюду, конечно, были убитые и раненые; много оскорбительных налили над женщинами.

Войсковые части, получившие, хотя в очень спешном порядке, приказание: «не оказывать сопротивления», уходили на север или прямо в сопки. Не успевшие это сделать, разоружались и арестовывались.

Попутно с этим японское командование отдало приказание взять под свою охрану все военные здания, многочисленные склады военного имущества, все ценности, в том числе вагоны с серебром, приготовленные к отправке на север. Большая часть золотого запаса, как упоминалось уже, была отправлена в Благовещенск и, таким образом, ускользнула от захвата.

Разоружена была вся Сибирская флотилия (наличные военные суда Владивостока), экипаж ее водворен в подвалы ближайших зданий. С канонерской лодки «Манчжур», в оскорбительных для русского достоинства условиях, был снят русский морской флаг (андреевский). Командир экипажа миноносца вынужден был под угрозой расправы подписать «флагманом японского адмирала, имеющего флаг на броненосце «Хисен», унизительные для русских условия.

Было ли апрельское выступление японцев связано с определенными корейскими—захватческими целями? Подозрю, что нет^{***}). Для этого у них не было ни достаточных сил, ни достаточно благоприятных условий обстановки. Я остаюсь при прежнем мнении, что Япония сознательно шла на установление демократического буфера, при котором рассчитывали добиться наиболее благоприятных условий для закрепления своего влияния на Дальнем Востоке, не усложняя международной обстановки и не будоража своего общественного мнения, и без того достаточно напряженного, благоприятствующему экономическому застою, безработице и дороговизне.

Выступление, поскольку это не было делом местного японского командования, преследовало исключительную цель—ликвидацию, или по крайней мере, достаточный разгром находившегося на русской Дальнем Востоке большевизма.

Предусмотрительные люди Японии прекрасно учитывали, что настоечное национальное обединение на Дальнем Востоке, как это не может показаться парадоксальным, несли именно большевики, только они, прочно усевшиеся в Москве, наиболее крепко пристепнивали к общему телу России, оторвавшиеся за годы беззречных, чисто русские окраины.

При всей экономической и военной слабости тогдашней советской России (слабость эту можно доказать попыткой вооруженной борьбы даже с Польшей) Японии все же最难 было бы установить свое влияние на русском Дальнем Востоке, обединенном с остальной Россией, нежели на обособленном Дальнем Востоке, в составе трех японских областей, с ничтожным по числу населением, лишенных какой бы то ни было промышленности, с слабой культурой и крайней непрочной внутренней связью.

Всякое правительство, во владении этого изолированной части России, этот стиснутый с трех сторон буфер, в силу естественной необходимости должно было тяготеть или в сторону Сибирской, или к Японии. Другой возможности не было.

Всякое антисоветское правительство на Дальнем Востоке, даже правительство демократическое (демократическое течение с легкой руки Вильсона сделалось модным и в самой Японии), было, конечно, на руку Японии, без ее поддеркаи оно существовать не могло. А поддерка и добрые отношения не даются даром—Япония представлялась бы полная возможности получить то, что было ей желательно.

Земское правительство не опиралось на воздаявшихся на него надежды, оно не только преклонялось к Западу, но и постепенно начало походить на авантюром Москву—Дальбюро ЦК РКП. Земскому Правительству надо было дать предостережение, и, может быть, в суматохе выступления и заменять группировками более податливыми в отношении Японии и наиболее стойкими и непримиримыми в отношении советской России. Последнее предположение, впрочем, так, на всякий случай, если найдет Ачериканцы и чехи еще поддерживать Земство.

Последней комбинации с правами группировками не вышло. Не беда. Земство получило надлежащий урон, его можно пока реставрировать, а там будет видно.

Что у приных группировок, в свою очередь, могла серьезно явиться мысль воспользоваться японским выступлением для захвата власти—в этом нет ничего неправдоподобного.

Дальний Восток остался к этому времени почти единственной территорией, последней «изоляцией», где не было Советов. Недостаточная, первое, односторонняя информация о положении дел в советской России, преувеличенное представление о сопротивлении большевикам в Сибири, экономический развал, нищета и голод,—исо это давало основание полагать, что советская власть не удержится в этой обстановке, и тем силы, которые склонятся на Дальнем востоке, легко будет распространиться на Запад, при поддержке населения, обитавшегося и разочарованного в пределах «советского рая».

Это возможное предположение делилось совершенно утонченым при условии превращения советской властью всех указанных затруднений. В этом

случие обоснованное существование Дальнего Востока было, как это и произошло в действительности, лишь временным.

Итак, Земское Правительство сохранилось, реакция временно изменилась на умеренную, но не имела успеха, и начала подготовку к другому более счастливому случаю.

Выступление японцев имело еще одно весьма серьезное последствие: оно оскорблением национального чувства способствовало обеднению русского общественного мнения, и если в городах, главным образом, конечно, во Владивостоке, могли еще разобраться в степени виновности каждой из сторон, то в Области перед массами населения оно представлялось оголенным фактом насилия, грубым торжеством чужеземной военщины.

Это было превосходно использовано большевиками. Они получили чудесную базу для пропаганды и сразу могли наносить удары в сторону принадлежащей общине Японии и по тем группировкам, которые, опиравшись на Японию, претендовали на утверждение своей власти на Дальнем Востоке. Я понимаю то чувство нетерпения, которое охватило толпу, собравшуюся утром 5 апреля перед гостиницей «Централь», откуда грохнулось здание Земской Управы, при появлении в погонах торжествующих русских: морика и офицера пехоты (погоны были отменены). К счастью для них, они понимали всю бес tactность их появления и немедленно скрылись из толпы. Может быть, среди весьма нетройки части горожан и было скрытое торжество и радость, но наружу выйти этих чувств, перед свежими следами оскорблений и насилия, не решалась даже самая беспартийная беспринципность.

Была оскорблена Россия, страдали за нее, главным образом, большевики (в сущности углубились немногие), это находилось их большинстве. У Японии же увеличилось число ее врагов и недоброжелателей.

Промах японцев был использован и иностранцами. Американцы и чехи усердно фотографировали следы причиненных разрушений, муссировали перед общественным мнением Америки и Европы наиболее всплескательные факты этих действительно тяжелых для России дней.

Японцы, кажется, применили некоторые меры в отношении сокращения работы телеграфного кабеля, но это, конечно, не достигало цели. На Русском острове американцы владели мощным радио. Имелось радио и на иностранных военных судах.

7-го апреля я получил предложение председателя Правительства занять пост командующего сухопутными и морскими вооруженными силами. Я обусловил свое согласие единодушным одобрением моей кандидатуры всеми политическими группировками, до коммунистов включительно.

Это было дано.

Краковецкий вскоре выехал, кажется, в Чехословакию. Он отбыл два тяжелых месяца на своем ответственном посту и после 4-5 апреля больше оставаться на таком не мог*).

* Своевольные и сепаратные выступления Военного Совета, его вмешательство даже в исключительно вопросы командования и значительной мере обусловили отставку Краковецкого.

В. Г. Боддарев. «Директория, Колчак, Интервенция»

Положение командующего с разоруженными войсками и флотом было очень тяжело.

Если вышедшие из-под ударов японцев войсковые части с их политическими руководителями и несли определенные ложения, отойдя за Амур, или скрываясь в сопках, то они все же были свободны и могли поддерживать боевую надежду на реванши. Хуже было для всех оказавшихся в неизвестном общении с японцами, особенно в первые дни после 4-6 апреля.

Полный развал аппарата, огромное число арестованных, затруднения с продовольствием, расквартированием, тяжелая зависимость от японцев, общее угнетенное настроение, подозрительность,—все это создавало обстановку весьма неблагоприятную для огромной работы по залечиванию насечных ран и восстановлению нормального порядка.

Естественно, прежде всего надо было так или иначе определить взаимоотношения с японцами. Положение «ни мир, ни войны» длительно продолжаться не могло. Враждебные действия со стороны ушедших войск и партизан, вырвавшихся из общего руководства Владивостока, могли создать обстановку, при которой все наиболее жизненные центры Приморья, при переходе японцев на положение войны, могли оказаться сплошным контрационным лагерем.

Выступление 4-6 апреля, кроме армии и флота, косвенно отразилось и на общем ходе жизни края. Определенность отношений требовалась и с этой стороны.

В силу изложенных соображений Временное Правительство поручило мне «сойти в соглашение с японским командованием об образовании смешанной комиссии из представителей японского и русского командования для обсуждения вопросов чисто военного характера, возникших за период 4-6 апреля».

Письмом от 13 апреля генерал Оой ответил мне, что «штабу японского командования желательно совместное обсуждение не только вопросов, возникших в период 4-6 апреля с. г., но и вообще всех вопросов чисто военного характера в настоящем и будущем».

При принятии мною этой несколько расширенной программы работ комиссии, японское командование выражало согласие на учреждение такой и извещало, что со стороны японского командования делегируется весь состав бывшей уже комиссии: генерал Такаяши, полковник Исома, майор Хесебе, капитан Савада и профессор Хигучи.

Предложение генерала Оой не вызвало возражений с русской стороны, и 17 апреля комиссия приступила к своим работам. В состав русской стороны, за меня выходом из комиссии, был назначен военный инженер профессор Коханов.

Как основание для переговоров, японская сторона предложила особый меморандум в 6 пунктах, выражавший, главным образом, «условия для прекращения боевых действий».

Русское контр-предложение значительно шире размежевало рамки переговоров, затрагивая все крупнейшие вопросы, которые возникли в связи с событиями 4-6 апреля.

После двухнедельных переговоров, носивших чрезвычайно напряженный характер, особенно по вопросу о неизбежном очищении японцами Хабаровска и сохранении этого пункта для расквартирования русских войск, стороны пришли, наконец, к соглашению.

Условия для работы русской стороны были особенно трудны. Их усложнили и слева и справа. Так, большевистское «Красное Знамя» опубликовало 20-го апреля текст предварительных условий для соглашения, представителей японской стороной, что нарушало принятое комиссией постановление, ставило русскую сторону в недовольное положение перед японцами и создавало путаницу в общественных настроениях, находящихся еще под впечатлением событий 4-6 апреля. Правдан печатать («Слово» и др.) весело остроумчила на тему о разоружении «сопочников», «о командующей без войск» и т. д. Увеселяла «единомышленников» очень бойкая анонимная газетка «Блок».

Осложнялось положение и общим упадком экономического характера. Благодаря сильному падению курса, неза поднялись до 600 руб. Началась большой всплеск о невозможности существования.

С уходом частей войск в санки, после них остались огромные хвосты командного и рядового состава. Уровеньтворение их было необходимо сделаться крайне сложным.

Воинский начальник, куда толпами адресовали этот «бездонный» люд, заявил, что он «готов поссесться». Кормовой оклад взрос до 369 р. в сутки. Вокруг требовались миллионы, а заведующий финансовым отделом член Правительства А. А. Меншиков заявил, что «пора всем переходить на 5 фунтов муки и 10 селерок п. месцы».

Муссируются слухи о новом перевороте. Японцы, раздраженные неудачей выступления и жестокостью перед иностранцами, нервничают и усиливают общую напряженность. Временем опасавшись—не начали бы снова стрелять ружья сами собой.

Подтвердились сведения о захвате японцами высших членов Военного Совета Лизо и Сибирцева. Ходит упорный слух о том, что они передали японцам русским и кем-то из них сожжены в тюрьме. Все разыски и запросы о них японцев остаются безрезультатными.

Временное Правительство для успокоения населения организовало вечером 20 апреля многоязычное собрание в зале Городской Думы. Собрались представители политических партий и общественности от коммунистов до торгово-промышленников и домовладельцев наиболее правого уклона.

Председатель Правительства Медведев подробно охарактеризовал созданную обстановку и ознакомил собрание с новой программой Правительства.

Говорил он дельно, без особых дипломатических тонкостей. Просто и тепло. Во всяком случае, ему удалось об'единить присутствующих по вопросу об отношении к японскому выступлению.

Я дал подробное объяснение по поводу выдвинутых японцами условий соглашения и наложил свои контр-предложения, которые будут заявлены русской стороной.

После ряда вопросов и заявлений, сделанных различными представителями, собрание высказалось полное одобрение намечаемой Правительством программе и обещало общую единодушную ему поддержку.

Характерно выступление одного из крайне левых представителей Барг-Абрамова, который, обращаясь к правым, с пафосом заявил: «отныне национальное знамя перешло в наши руки, и мы его сумеем защитить».

Этот небожданный патриотический порыв слова, видимо, разделился присутствующими и особых возражений не вызвал. Японское выступление оказалось хотя и кратковременным, но довольно прочным обедняющим центром.

Я лично, как несущий всю тяжесть ответственности за исход начавшихся переговоров, чувствовал большое удовлетворение, выходя из зала собрания. Атмосфера слухов и предположений разрядилась в значительной степени. Горизонт стал яснее, в стороне остались лишь чистые приверженцы Семёнова, Калмыкова и чужие штыки.

В худшем положении была провинция. Она пока представлялась самой себе, жила слухами, порой совершенно желанными, при чем особенно муссировалась выдумка, что «во Владивостоке давно уже нет и слуха Эзимского Правительства».

Там, в области, еще происходили стычки, население жило директивами местных и забытых воевиков, руководствовалось здоровым «Инстинктом земли».

29 апреля были закончены работы согласительной комиссии. Они составили особый акт соглашения русского и японского командований, который в этот же день и был подписан сторонами, а затем и утвержден ником и японским главнокомандующим генералом Оой.

Временное Правительство санкционировало соглашение и считало его введенным в силу с 29-го апреля.

За несколько дней до подписи соглашения у меня был чрезвычайно напряженный разговор с генералом Оой, на котором присутствовали генерал Таскаги и проф. Хигути (как переводчик). Вопрос касался соответствия властей, при чем генерал Оой противопоставлял свое служебное положение Временному Правительству и настаивал, чтобы подготавливющееся соглашение было подписано, с одной стороны, им и с другой—Временным Правительством.

Я категорически возстал против этого, выдвигая положение, что в данном случае договариваются русское и японское командование, уполномоченные на это своими правительствами, и что окончательные закрепления соглашения должно быть сделано подпись японского главнокомандующего и моей.

Я был одинок против моих собеседников. Бой был неравный. У меня не было армии, ее ощетинившиеся остатки ушли в сопки и на север, но они

ущий не известен, как не известен останется ослабленной и вся Россия. Я опирался на это сознание в своей одиночной борьбе и не уступал.

Победа осталась за мной. Ее пытались ослабить необходимостью приложения моих письменных полномочий от Временного Правительства на окончательное соглашение. Это была мелкая, не вполне рациональная, пристройка, против нее я не возражал.

Итак, «Дальневосточный Брест», как остроумничали тогда во Владивостоке, был подписан. Соглашение^{*)} это, «не касаясь вопроса о виновности и ответственности той или другой стороны», предусматривало немедленное прекращение боевых действий «между находящимися в различных районах Области отрядами русских и японских войск»; устанавливало об-тиверскую зону шириной пяти Уссурийской жел. дор. и Сучанской ветки (30 верст в каждую сторону), в которой не могло находиться, одновременно с японскими войсками, какие бы то ни было русские вооруженные силы; для поддержания же общего порядка и спокойствия и исполнения лицензионских обязанностей в указанной зоне должны были организоваться русские военно-илицейские части, вооружение и численность которых устанавливались взаимным соглашением обоих командирований.

Затем соглашение предусматривало вопросы: об охране железнодорожных, об оружии и других боевых материалах, о военных заводах и складах, разорванных японцами, о зданиях на занимаемые японскими войсками казармы и другие здания и пр.

Принятые условия соглашения, конечно, были тяжела и обидна для русского самосознания, но выхода не было. Та борьба, которая началась в крае, не сузила ничего никого, кроме лишних жертв и разоружения. Уже в тот разрушения одной Уссурийской дороги «не поддавались учету».

Председатель русской стороны комиссии Цейтлин при подписании соглашения выразился в своем заключительном слове:

«С тяжелым чувством и подписывая настоящее соглашение, и для меня является утешением только мысль, что эта подпись, является первым шагом к обновлению обеих народов... что настоящее мое тяжелое чувство является предвестником светлого будущего, по говору чего я и не могу скрыть своей радости».

Большое содержание вложил в свое заключительное слово и председатель японской стороны:

«Надеюсь, что состоявшееся соглашение, ставящее целью улучшение отношений между японскими и русскими войсками, послужит к достижению той цели, которая указана во иступлении соглашения, т. е. к восстановлению положения, какое существовало до 4-го апреля с. г., даже к созданию лучших, чем прежде, отношений между войсками обеих сторон. Но нужно заметить, что какое бы мирное соглашение ни состоялось между героями, цель соглашения не может считаться достигнутой, если оно не будет преведено в жизнь среди войск, поэтому мы, японские представители комиссии, при ведении переговоров, согласно указанию командующего японскими вой-

^{*)} Полный текст Р.Я. соглашение см. в приложении № 3.

сками в Сибири, придерживались принципа «Бусидо»), основанного на справедливости и гуманности, опирался на который мы и в будущем готовы играть роль скрепляющего звена между японскими и русскими войсками.

Излагая свое общее впечатление, я желаю обратить внимание г. г. русских представителей на одно обстоятельство: Временное Правительство Приморской Земской Управы заявило о своем желании дружбы и сближения с Японией, но не бывало это в действительности; у него отсутствовали искренность и дружба по отношению к нашим войскам, как на то мы указывали при вступлении в переговоры, чем, кажется, высказали были и события 4-6 апреля.

Впрочем, во всем этом, по нашему мнению, виновато не одно Правительство, а скорее какая-то другая сила, которая своим давлением на Правительство привела его в конфликт к печальному инциденту. Если было бы иначе, то, избранное, отношение между войсками обеих сторон не привело бы такой напряженности, как изблюдается в настоящее время. Поэтому, дружественное отношение должно быть установлено лишь при соблюдении постановлений предыдущего и настоящего соглашения и взаимного понимания путем непосредственного обмена мыслей...

Генерал Такайами, хотя и в частном уже порядке, тем не менее нарушил принятое постановление, коснувшись в своем заключительном слове вопроса о нейтральности сторон, и в то же время достаточно ясно намекнула на истинную причину японского выступления; причина эта, по его словам, не что иное, как та «другая сила», которая своим давлением на правительство привела его к печальному «инциденту». Сама эта, конечно, большевизм. Против него, как и имел уже случай высказаться, и был направлен весь удар.

Как ни тяжелы были для русской стороны условия «Русско-японского соглашения 29 апреля 1920 года**), тем не менее это был единственный акт, имеющий обязательную силу для обеих сторон, единственный регулятор взаимоотношений русских и японцев за время интервенции на Дальнем Востоке.

В развитие этого основного соглашения, под давлением местных условий, было заключено особое соглашение для Хабаровского уезда между начальником штаба 14-й японской дивизии полковником Ойнура и Уполномоченным Временного Правительства П. В. Уткиным. По моему докладу, это соглашение, как не соответствующее нашим интересам, не было санкционировано Правительством.

Для прояснения в жизнь условий соглашения 29-го апреля, кроме Центральной согласительной комиссии во Владивостоке, был намечен ряд местных комиссий для работы в области.

Соглашение 29-го апреля совсем не коснулось вопроса о флоте. Между тем и там создались весьма крупные осложнения. За время японского вы-

*) «Бусидо» — нравственный закон японского рыцарства — самураев.

**) Официальное название соглашения.

ступления были силой разоружены военные суда, так называемой, Сибирской флотилии (дивизион плавающих судов), при чем весь личный состав был арестован и водворен в подвалные помещения губернаторского дома.

Попытка начальника дивизиона, подвергшегося тоже аресту, дать знать о случившемся командующему флотилией адмиралу Черниловскому или его начальнику штаба, не увенчалась успехом. Посланный 6-го апреля с этой целью старший флаг-офицер штаба начальника дивизиона, мичман Ю. Хомяков, вместо штаба флотилии, был доставлен на японский броненосец «Хиэй», где он принужден был под листовку начальника штаба командующего японской эскадрой—капитана 2-го ранга Эдахара, записать условия, по принятии которых только и могли быть освобождены арестованные.

Все заявления Хомякова о неприменимости тех или иных из продиктованных условий, даже по чисто техническим соображениям, не были приняты во внимание, и он, вместе с проектом условий, был доставлен в губернаторский дом к арестованным*).

Начальником дивизиона эти «Временные условия до соглашения Правительства» были подписаны. Арестованные были освобождены.

Условия были таковы:

1. «Дать подпись о продолжении дружественных отношений и о неминутном выходе команд против Японии, после чего все освобождаются.
2. Доложить краткие сведения о состояниях минноносцев и пехотных судов.
3. Выдать временно офицерские удостоверения.
4. Вместе с подписьной дать полные сведения о командном составе, при чем время трудности, сделать это к 3 час. дня 7-го апреля, но команда выпускается сегодня в 4 час. дня.
5. О всех переменах и увольнениях в личном составе сообщать японскому командованию после приказа.
6. Временно допускать осмотр судов японским офицерам.
7. Японское командование воз врашает все части, необходимые для поднятия паров.
8. Японское командование вместе с представителями дивизиона составляет список, после осмотра судов, занятых вещей.
9. Время до получения инструкций от правительства корабль флаг**) поднимается».

Принятие этих условий сейчас же вызвало недоразумение с вопросом о корабль флаге**).

Вскоре после моего вступления в должность командующего сухопутными и морскими вооруженными силами мне было доложено командующим сибирской флотилией о насильственном спуске японской вооруженной силой корабль флага на русском военном судне «Манчжур», выполнявшем службу брандвахты во Владивостокском порту. Вахтенный начальник «Манчжура» ответил на это спуском и брандвахтенного флага, после чего служба брандвахты перестала функционировать. Насильие над русским флагом было произведено 18-го апреля. На следующий день яюю был направлен громчайший протест японскому главнокомандующему, где указывалось, что я считаю насильственный спуск корабль флага на русском военном судне

*). Рапорт старшего флаг-офицера штаба начальника дивизиона от 20 апреля 1920 г № 521.

**) Корабль флаг обозначает национальность судна.

актом, крайне оскорбительный для нашего национального достоинства, актом, ищущим вразрез со всеми декларациями, разъясняющими изысками японским императорским правительством и командованием^{*)}, что я выражаю полнейшую надежду на «незамедлительную отмену распоряжения о снятии корабельного флага» и что, кроме того, жду извещения «о причинах, вызвавших такое распоряжение, которое, несомненно, весьма остро почувствуется всем населением края».

Одновременно мною был поставлен в известность об этом факте старший международной дипломатической миссии, Г. Ли-тие-аа (представитель Китая) с указанием, что с момента насильственного слуска русского корабельного флага, прекращена и служба брандвахты в порту, «так как днем судно, исполняющее служебные обязанности международного характера, должно иметь флаг, обозначающий национальность судна».

Прекращение брандвахтенной службы значительно осложнило портовую жизнь, создавая ряд затруднений для судов не только русских и японских, но и других держав.

В японском ответе на мой протест^{*)}, упрекавшем нас «в недостатке искренности в деле дружественных отношений между Россией и Японией», что особенно любопытно, «в отрицательном отношении к законным нормам (т.-е. японским. В. Б.) морских властей», весь центр тяжести переносился на упомянутое выше временное соглашение, наименование находившееся под японским арестом начальнику дивизиона русских военных судов.

Я дал понять, что отнюдь не считаю для себя обязательными соглашения, подписанные частным начальником в условиях ареста, что совершиенно не допускаю ни при каких обстоятельствах возможности подписания условий, так или иначе затрагивающих вопрос о корабельном военном флаге, как не допускаю мысли, чтобы какое-либо русское Правительство подписало с японским командованием соглашение, хотя бы в наилучшей степени ограничивающее право поднятия русского корабельного военного флага на русских судах.

Вместе с тем, ознакомившись с условиями соглашения, я отрекся от должности начальника дивизиона и приказал произвести следствие по этому делу, а самому дивизион расформировать. Соглашение делалось односторонним.

В общем вопрос с флотом принял чрезвычайно затяжной характер, внесший значительные осложнения в его работу, и только 3-го августа 1920 года уполномоченными—юном начальника штаба сибирской флотилии С. Ф. Тиртоевым и командующего японской специальной эскадрой—капитаном 2-го ранга Эдахара—был подписан «Протокол о русских военных судах на Дальнем Востоке».

Этим протоколом, обеспечивающим «интересы и достоинство обеих сторон», в соответствии с п. 8 «Русско-японского соглашения 29-го апреля 1920 года», устанавливалось:

^{*)} Сообщение командующего 5 отряда контр-адмирала Кавакара, переданное мне через начальника штаба японских экспедиционных войск во Владивостоке от 25 апреля 1920 г. № 345.

1. «Все задержанные во время апрельских событий японской эскадрой русские военные суда со всем их снабжением передаются обратно русским морским властям, при чем исключаются боевые припасы и оружие», дальнейшая судьба этого снабжения подлежит решению в будущем.

2. Русские военные суда, как возвращенные, так и иные приобретенные, не могут быть в вооруженном состоянии в территориальных водах от устья реки Тюмень—Ула до мыса Поворотный, без ведома японского морского командования во Владивостоке.

Примечание: В районах, указанных в этом пункте, теперь же допускается организация окраин из русских вооруженных военных судов, базирующихся на Владивостоке, с ведома японского морского командования и в зоне действительной потребности.

3. При выходе русских военных судов в плавание из Владивостокского порта на срок съезде одних суток, русские морские власти ставят об этом заблаговременно в известность японское морское командование во Владивостоке с указанием цели плавания и маршрута».

Приятные условия протокола, кроме морального ущемления, создали и целый ряд практических затруднений, вызывали всевозможные трения и даже конфликты, разрешению которых очень часто помогали исключительно личные доброжелательные отношения между командованиями.

За время революции чрезвычайно ослабла охрана наших территориальных вод, следствием чего явилось огромное хищничество на всей нашем берегом рыбой побережья. Для прекращения хищничества требовалось наличие и своевременное появление наших вооруженных судов в угрожаемых пунктах—это в значительной степени затруднялось природностью и южностью японских морских властей, соотечественники которых тоже склонялись слабостью охраны русского тихоокеанского побережья.

Постоянные перевороты, смена властей, а теперь и изменчивость японцев, чрезвычайно расшатали «службу связи Тихого океана», ослабили работу «Дирекции морской и лоций». Недостаток средств тормозил работу морской обсерватории, начались заминки с работой военного порта.

Особую заботу вызывал вопрос о состоянии флотилии на реках Амурского бассейна, созданной еще в 1907 году. 18 канонерских лодок и 10 разведывательных катеров Амурской флотилии были захвачены японцами в период 4-6 апреля вместе со всеми мастерскими и пломбочными средствами Хабаровской базы, 6 канонерских лодок и 8 пароходов, из которых четыре, принадлежащие частным владельцам, отняты были на Шилке у партизан. Японцы использовали их, как свои суда.

Между тем, при крайне слабом состоянии Амурской ж. дор., Амурский водный путь приобрел особое значение.

Затем пропуск в реку Сунгари китайских канонерок и транспорта, а теперь и свое вполне японцев являлись прецедентом для появления в Амурском бассейне и других иностранных судов, убивающих идею русского флота и обеспечивающих нерегулированное русской властью, проникновение иностранцев глубь Восточной Сибири до Байкала исключительно.

Все эти вопросы обрушились на меня в минуту наибольшей расплаты власти и нарастающего экономического кризиса.

Великодержавный размах, вспыхивший огромные расходы, принятый на Дальнем Востоке в военное, а затем и дореволюционное время, совершенно не укладывался в рамки Областного Правительства и в его почти бездоходный бюджет.

Возникла вопрос о положении Владивостока, как крепости, и флота в Дальневосточных водах. И крепость и флот располагали огромным и многочисленным имуществом, охранение которого и поддержание и подрядка всех сооружений требовало расходов совершенно неподъемных для бюджета края.

Могло ли Временное Областное Правительство решать эти вопросы в смысле «быть или не быть» крепости и флоту—за исключением? Конечно, нет. Что же оставалось делать?

Многи были выдвинуты положения, что *идет крепости в виде боевого корабля под русским военным флагом*—должны быть сохранены во что бы то ни стало. Кроме того, считалось необходимым иметь достаточное количество военных судов для связи и охраны побережья,—это попутно предоставляло возможность сохранить столь ценные, ввиду трудности подготовки, кадры моряков. Для появления этих кадров создавалась особая морская школа (классы).

Богатое оборудование порта окнуло себя с избытком и могло быть сохранено почти в полной обжиме, тем более, что в портных средствах нуждались и многочисленные военные иностранные суда, станции прибывающие во Владивостоке, и все прибывающие в гавань, тогда еще в значительном числе, коммерческие корабли.

Во всем остальном намечалась самая жесткая экономия, сокращение, спартанство, консервация, долговременный ремонт и упразднение.

Не мало забот доставлял ведомству и богато оборудованный Дальневосточный казенный механический и судостроительный завод. Он, как и великолепный Хабаровский проспект, был исключительно казенными заказами армии и флота. С уничтожением того и другого, положение завода с его многочисленным рабочим составом сделалось крайне тяжелым, требующим огромных, почти непроизводительных затрат для казны.

Переход на частное производство, при крайней ограниченности спроса в краевом масштабе и при жесткой заграничной конкуренции, не сузил особых надежд. В виде опыта и завод и арсенал пришлось передать: первый—управлению делами промышленности и второй—ведомству путей сообщения. Но и это, конечно, членогим изменило дело. Стесненное положение завода и арсенала использовали только большевики, очень быстро распространяющие свое влияние на их рабочую среду.

При всей трудности положения военно-морского ведомства все же необходимо было энергично приступить к заличиванию ран, нанесенных выступлением японцев.

Наиболее прочные из воинских частей, успевшие продвинуться до Амура, переформировались там распоряжением местных властей: это зародилось местное ядро скрытой пока Красной армии.

В южной части Приморья и, главным образом, в районе Владивостока пришлось сосредоточить главное внимание на индустрии и особенно на ее резерве. Общее число этой скрытой военной силы Правительства определилось в 4.500 человек.

Вне запретной зоны намечалось создание особых кадров: в Амурчию — в виде особой бригады из всех родов войск и особого батальона в с. Ракитной, недалеко от Ильин.

Для сохранения Спасской авиационной школы с ее огромным и ценным имуществом, школа была обделена подсобными средствами Управления Внутренними Делами для целей аэро связи и аэро транспорта. Были намечены рейсы: 1-я очередь — Владивосток-Никольск-Спасск и Владивосток-Никольск-Пограничная; 2-я очередь — Владивосток-Пограничная-Харбин и Владивосток-Спасск-Хабаровск.

Ни денежных, ни технических средств для выполнения этих задач, конечно, не было. Школа, переведенная на хозяйственный расчет, с трудом обслуживала самое себя и возможность практических полетов для подготовки кадра летчиков. Это был естественный выход для сохранение школы.

Началась упорная борьба за изъятие захваченных японцами зданий, складов, ценностей и пр.

Все эти начинания вызвали сильную подозрительность японцев, подготавливавших правой печатью, начавшей определенно траур и против меня.

Сторонники негласными распоряжениями всячески торопились работать на местах, задерживалась доставка провизии и спиртосына, особенно в Амурчию, где начало заметно усиливаться влияние большевиков.

Части, долго бродившие по сопкам, обносившиеся, временами голодающие, совершившие незнакомые с истинными условиями, созданниими во Владивостоке, естественно, озлобились, и это озлобление всецело направилось в сторону Владивостока. В области опять начали приобретать влияние, руководимые большевиками, военно-революционные организации, заключившие союз, благодаря слабой связи Владивостока с местами, и центральную военную власть и само Временное Правительство.

Это — с одной стороны. С другой — в Приморье накопились до 2-3 тысяч кадрового и военного времени офицерства, под теми или другими предлогами недопускавшегося к службе в войсковых частях и учреждениях, ссыдианных к тому времени политотделами и комиссариатом, али же уклонившегося от службы, особенно в глухих районах области, среди закрепляющихся там большевистских настроений.

Особенно дурной славой среди старого офицерства пользовалось урочище Амурчию, находящееся среди глухих сопок верстах в 75-80 к. востоку от Никольск-Уссурийска, куда к находившимся там отрядам партизан Гавр. Шевченко стекались, отошедшие во время ионинского выступления, некоторые пойсковые части Никольск-Уссурийска и Гродекова.

Буйный Шевченко в значительной степени сдерживался состоявшим при нем комиссаром, заметным в крае коммунистом — Кокушкиным, дей-

стюбашним, однако, вследу по директивам Дальборо ЦК РКП.

И Шевченко и Кожушанин вначале были вполне лояльны в отношении высшего военного командования по Владивостоке, от которого они сильно зависели в продовольственном, материальном и других отношениях.

По своему географическому положению и в силу местных условий, Анучино было чрезвычайно выгодным пунктом для сосредоточения значительного кадра, который можно было бы быстро развернуть в серьезную боевую силу.

Хорошо подготовленный офицерский состав был очень нужен в Анучине, но он оказался не ко двору среди неофициально установленной здесь большевистской атмосферы.

Офицерство пружнило. В правой местной и заграничной прессе появилась статья, где говорилось, что я посыпал офицерство «на убой» в Анучине и т. д. В этой, конечно, было столько же правды, сколько и добросовестности, но во всяком случае предубеждение от этого к Анучину не уменьшалось.^{*)}

Старая история: офицерство и правыми и левыми искусно оттиравлось от рабовой военной массы и населения и отнюдь не пыталось исправлять столь неподходящую для него изолированность.

Офицерство осталось без дела. Содержание столь большой массы неработающего командного состава в учрежденном для него резерве,^{*)} нарывало непроизводительные траты. Попытка устроить офицерство в трудовых артелях, сначала встреченная сочувственно и Правительством и обществом, в конце концов успеха не имела. Для многих (с любой стороны) в артелях чувствовался зародыш контр-революции.

Был произведен целый ряд демобилизаций. Предоставлено право увольнения от службы всем достигшим 35 летнего возраста. Уволены представители польской, латышской и эстонской национальностей. Были уволены учителя народных школ, независимо от возраста, военные чиновники, фельдшера, женщины-врачи, кадровые врачи и фармацевты, достигшие 50 лет, и т. д. Даны самые широкие льготы и освобождения учащимся высших и средних учебных заведений. Возникла мысль об эвакуации, но эвакуировать было некуда. Наоборот, безработный обещавший элемент продолжал просачиваться в Приморье из Харбина, из Забайкалья, где нарезали новые события, и из-за границы, откуда устремились на Дальний Восток, разочаровавшиеся в гражданской борьбе на юге России или неправильно информированные о Дальнем Востоке остатки денквизитов, крикелевцев и пр.

С прибытием из советской России во Владивосток гр. Шатова, я с живейшим интересом откликнулся на его мысль об эвакуации желающих из этого избытка командного состава в советскую Россию, но уехал Шатов, и эта мысль погибла также в воздухе.

^{*)} Зачисленные в резерв получали содержание в размере 50—80 проц. содержания по последней должности. Инвалиды, опред. до выработки пенсионного устава, 60 проц. содержания по последней должности.

Возбуждался этот вопрос и с представителями советской России на Дальнем Востоке Виленским, но и эти разговоры не дали положительных результатов²⁰².

Меня осуждали предложениеми работы, но работы не хватало на всех. Политотдел ревниво поддерживал своих кандидатов. Число недовольных росло.

Это недовольство было учтено начавшимся снять поднимать голову правыми группировками. Недовольные, особенно молодежь, уходили в Гродеково, где постепенно, при поддержке японцев, образовалась новая «лоббка» семеновской ориентации, со ставленником Семенова — генералом Савельевым во главе.

В мае даже определенно готовился переворот. Появился черный список,

Энергичными действиями правительственные агенты, при негласной поддержке Дальбюро, а равно твердым наставлением перед японской военной миссией о недопустимости поддержки этой авантюры, выступление было предупреждено²⁰³.

Это, конечно, не разрешило положения.

К этому времени снять возник вопрос о киппелешах, струпнувшихся в Забайкалье.

Владивосток, 1-го мая.

Холодный сумрачный день. Праздник труда прошел мало, хотя на ипподроме собралось не менее 30 тысяч человек. Японское выступление отразилось на общей панике, за и агитационная работа профсоюзов была значительно сдержаннее.

Тем не менее, перед трибуной — и портреты погибших Октябрьской революции и обычные лозунги²⁰⁴.

Вместо пойск, крайне разношерстная, плохо одетая толпа.

Много говорилось о значении пролетарского праздника, о победах красных знамен. Ораторов несколько смущали японские патрули, густо оцепившие огромную площадь ипподрома.

Я решил поехать на праздник. И мое выступление и короткое слово были новы для собравшихся. Большинство были рабочие. Внимание исключительное.

Первое выступление на трибуне вызвало немое удивление, затем шумный взрыв аплодисментов.

Я коротко поздравил собравшихся с их праздником труда, выразил сожаление, что, в силу независящих от них обстоятельств, армия присутствует в условиях, далеко не соответствующих данному торжеству, и изъяснял надежду, что будущий первомайский праздник пройдет в условиях, отмечющих и его значение и тому положению, которое по праву принадлежит великому русскому народу²⁰⁵.

Снять горячие и шумные приветства.

Не обошлось, конечно, и без критики. Кое-кто утверждал: «Сказал, что погиб, и ничего лишнего».

* И мое выступление и моя речь 1 мая не прошли инквизицией. Последнее, во времена меркуловского Правительства, сменившего Земство, этот один из моих «смертельных» грехов был широко использован правою печатью, особенно в дни выборов в Народное Собрание, затем и в период борьбы Народного собрания с меркуловской

Это, пожалуй, была наилучшая оценка моего вступления. Я честно видел, что именно за это так тепло приветствовало меня собрание, и уехал вполне удовлетворенным.

По пути я с любопытством гляделся в лицо японских солдат, «поддергивавших горицок». Сознавали ли они столь явное противоречие: три недели тому назад они с яростью срывали красные знамена, а сегодня их почтительно несут по улицам перед их глазами, и они должны охранять торжественное шествие этих знамен?

Владивосток, 3-го мая.

Дала решительную директиву в область для практического выполнения тяжелых условий Русско-Японского соглашения. Это проба моего авторитета.

5-го выезжал с этой целью комиссия полковника Луцкова. Задача ее не легкая при сложившихся на местах настроениях. По политической линии для подготовки почвы выезжают Уткин и Владивостоков, последний комиссар при Яне, юный студент, весьма старательный, но недостаточно опытный работник.

Доклады с мест из Сучана и Хабаровского района винчат тревогу. Везде некорошо. Крестьянство на переделе. Партизаны деморализованы—вожди проявили себя не особенно талантливо. Так, у Хабаровска, несмотря на полное превосходство русских в силах, победа на стороне японцев.

Город и население сильно пострадали.

Начинают отделяться анархические шайки: Савицкого на Сучане, Гурко и Смирнова—в районе Ивана. С этими придется иметь дело и коммунистам.

Скрепя сердце, первый поехал на американский дредноут «South Dakota». Адмирала Клевса не застал. Условились увидеться зантра утром. Заехал к командующему японской эскадрой адмиралу Канахара на «Хисэ»—наш бывший «Ретвизан»—тяжелое напоминание о дни Цусими 1905 г.¹²⁰.

«Хисэн» принимал участие в событиях 4-6 апреля, особенно, в разрушении наших военных судов. Это, как и самое появление бывшего русского корабля во Владивостоке, расценивалось, как акт явного, подчеркнутого торжества грубой силы.

Не без волнения поднялся я по трапу на борт стального чудовища, блестящего чистотой и всеми присущими сухой корабельной дисциплины. Я невольно обернулся налево: там, чуть возвышаясь над водой, стояли пять крошащих, давно не ремонтированных никоносцев. Они были разоружены... На «Бойком» мирно сушились убогие матросское белье...

Стиснув зубы, вошел в адмиральскую каюту. Там, как и на всей корабле, казалось, реял еще дух русских моряков, спершивших безумно отважный, почти легендарный поход, и вместе с флотом нашедших себе могилу в пучинах Японского моря.

С уст срекалось проклятие... Я почувствовал на себе острый взгляд пары загадочных темных глаз. Передо мной, любезно, улыбаясь стоял адмирал Канахара.

Надо было вести «тонкую» беседу. Как в кабинете генерала Оой и был командующим без войск, так и здесь я командующий морскими силами без флота. Это привело мне беспокойство, и мы начали беседу. Адмирал уверил меня, что все они очень хотят мира и что мы косвенно мешаем этому.

Я отметил, что мы всегда были не только за мир, но и за явно выраженные намерения. Расслабляясь весьма дружелюбно.

Поехал прогуляться за город. Только там, среди чудесной природы, несколько отошел от мыслей. Но «положение обязывает» — ничего не поделаешь! Это крест власти.

Военный Совет своим распоряжением остался один Линдберг. Нужна радикальная реорганизация.

На вечернем заседании Правительства управляющий ведомством продовольствия жаловался на отсутствие предметов снабжения и на хаос в его ведомстве.

Сочлены Медведева по «притирке» тянут в отставку — устали от непривычной работы.

Владивосток. 11-го мая.

Проножали начальника английской военной миссии генерала Блеро. Миссия сокращается на-нет. Центр руководства переносится на Токио. Были все представители иностранного командования и несколько, повидимому, русских офицеров в весьма странной форме.

Один из них обратился к моему адъютанту Анчикову, молодому артиллеристу, с замечанием, как он может служить здесь, «Когда генерал (т. е. я) ходит не в форме».

Анчиков из это очень толково ответил: «Здесь то служить можно, а вот вы, русский человек, кому служите и что у вас за форма?»

Знезжал заместитель английского высокого комиссара г. Ходжсон, любезно выражая готовность к установлению прочных экономических связей.

Был полномник Исома. Японцы опять проигрели большое самоутрачивство. Вооруженная команда их имелась в цейхгауз Инструкторской школы на Русском острове, потребовала выдачи обмундирования. На заявленный протест обычный ответ, что это недоразумение, и такие недоразумения происходят почти каждый день. Обещали, что все забранное будет возвращено.

Подъезжая слушаем, и наши в суматохе кое-что припрятали. Дисциплина падает: ее разбирают и спрашивают слезы. Воровство отчаянное.

Вчера рота 10 полка решила держать казенные вещи и деньги. Политических уполномоченных в таких случаях налицо не оказывается. Передал о предании суду.

Исом интересовался вопросом о Забайкалье. По его словам, японцы не могут выбросить за борт Семёнова».

Со стороны иностранцев, и, главным образом, японцев, проявляется интерес к эксплуатации огромных грузов, находящихся во Владивостоке. Принял крупный японский финансист Икеда.

Сибирские маслоделы жалуются на риквидацию их опума, намекают на большую заинтересованность в этом вопросе социалистов из Бюро Финансово-экономического Совета и комиссии по ликвидации грузов. В последней особенно неблагополучно.

Местные «Сиако» ижеянут «монии попытками» сформировать свой кабинет.

Генерал Оой выпустил декларацию, приветствующую «принирение японских войск с советскими войсками в иркутской районе»¹¹⁶). Вердикто, так большевики иные, межели здесь, в Приморье. Общий тон декларации — необходимость установления дружеских отношений и экономического сотрудничества. Обособленный остается вопрос о Николаевске на Амуре¹¹⁷); в этом вопросе, видимо, не обойтись без новых осложнений.

Владивосток. 14-го мая.

В Раздольном и Никольск-Уссурийске ожесточенная война между начальниками гарнизонов, старыми кадровыми офицерами и политическими уполномоченными. В Раздольном, оказывается, служил панихида по бывшем императоре Николае II. Представители политбюро вне себя. Послал пронести в обоих пунктах расследование. На это уходит добран полонина времени. Огонь и воду обединить трудно.

Были англичане майоры — Марден и Денлок. Первый состоит при штабе генерала Оой, но это не мешает ему, по его выражению, «быть справедливым». Марден еще молодой офицер, довольно осторожен, состоит помощником военного агента в Токио генерала Вудроф.

Он предложил мне довольно лукавый вопрос: «сносимся ли мы с нашими посольствами в Токио и Пекине?»

Собирал штаб — высказал свой взгляд на политическое положение и на мое понимание штабной работы.

Интендантжаловался, что его атакуют требованием милиция и всякие другие учреждения, не имеющие ничего общего с военным ведомством, между тем, запасы не пополняются.

Вообще вопросы снабжения усложняются. Сегодня китайцы заявляют, что за хлеб, купленный в Манчжурии, они желают получить даже и не имена, завоевавшие право гражданства на Дальнем Востоке, а серебро или золото.

Долго в частном порядке беседовал с начальником штаба генерала Оой — генералом Инагаки. Разговор все время около Забайкалья и Семенова. Японцы ищут компромисса. — «От скорейшего создания буфера зависит наш уход из Сибири». — «Мы хотим домой». Я сочувствовал этому естественному стремлению.

Генерал Инагаки весьма интересный собеседник, долго жил в Англии, интересуется, между прочим, позней, что очень обычно среди японских сионников. Хорошо знает историю взаимоотношений России и Японии, конечно, в несколько односторонней оценке. Он спросил меня:

«Смысла ли вы песни японских гейш, относящиеся к периоду, когда японцы владели местами, где находится ваш нынешний Никольск-Уссурийск?»

Я ответил, что это было, вероятно, очень давно, и добавил, что очень люблю древние мифы, но всегда несколько опасаюсь за их достоверность.

Вместе с тем, желая поддержать крайне интересную тему, я, в свою очередь, спросил:

«А не кажется ли наш здешний климат слишком сухим для японцев?»

«Нет, никакого,—любезно ответил мне собеседник,—мы ставим, когда надо, жалобки вдоль стен комнаты, они достаточно увлажняют воздух, и мы здесь чувствуем себя, как дома».

Я действительно видел такие деревянные корыта в квартире прежнего японского главнокомандующего в Сибири генерала Отани. Он очень страдал от сухости комнатного воздуха.

«Шестая Держава» (печать) опять в панике: имеются будто бы самые точные сведения, что «белогвардейцы» сегодня выступают, что японцы (или им даже четыре пулемета!

Из Харбина вести о двух правительствах комбинациях: Хорват, как заместник Временного Правительства Керенского, и единоличное управление Семёнова на японских штыках.

Ни того, ни другого пока не случилось,—Земское Правительство продолжает «тоянуться» на своем высоком посту.

С момента моего назначения на пост командующего я, как в свое время и в Омске, начал получать от разных авторов проекты и добромыслительные советы, касающиеся вопросов государственного устройства.

Так, один из авторов «по долгу патриота», делился следующими соображениями:

«Шаткое положение Правительства дает почву для всевозможных слухов о перевороте, с одной стороны, и простор в этом направлении для отдельных лиц—с другой, а ограниченность сфер влияния правительственный власти, кроме того, способствует анархии на обширной территории, где население предоставлено самому себе, что является одной из причин (и это уже есть) к недоверию к Правительству, сознанию нервистских—при данной ситуации советов и вообще вызыванию суррогатов большевизма».

Далее он рекомендует:

«Создание силы, способной служить действительной опорой Правительству; укрепление власти местных земств, хотя бы силой, при чем думает, что это еще идет вразрез с мнением советской власти».

Затем рекомендуется прекращение партизанских действий, исполнование партизан для местной милиции и для образования из них воинских частей в Амурской области.

В этом вопросе автор—сторонник общего обединения перед национальной опасностью, упускал из виду, что партизанское движение имеет в виду другие задачи и Дальбюро ЦК РКП, конечно, менее всего интересуется долговечностью и прочностью Земского Правительства. В этих условиях звучит напинкуюю совет автора:

«Отказаться раз на всегда расценывать офицеров по их политическому облику».

Полигия необходимым для более близкого политico-экономического сотрудничества с союзниками установление представительства, особенно в Америке, автор говорит:

«Г. Бодльер, директора Конца. Интересы»

«Не надо бояться того, что такой представитель будет испануть советской России—Россия единая и следовательно одни интересы».

В этом проекте любопытна забота автора не разойтись с мнением и не устратиться с интересами советской России, для него «Россия единая»—это заслоняет перед ним коренное различие в конечных целях борьбы. Здесь уже проблема стремления к прокреплению к России, страх изоляции и в то же время учет исключительности условий, необходимость особой тактики в обстановке интервенции.

Автор другого документа—«Докладной записки», конституционист по преимуществу и социалистического уклона, полагает, что:

«сильная и действительная власть в Дальневосточном крае России может быть таковою при наличии двух условий: во-первых, чтобы она была связана с населением края и пользовалась бы сотрудничеством представителей народа, и, во-вторых, чтобы власть эта имела в своем распоряжении реальную и послушную силу, достаточную для того, чтобы распоряжения и меры, предпринимаемые властью, осуществлялись точно и неуклонно».

Отсутствие первого условия у антисоветских вождей приводило, по мнению автора,

«к отсутствию их достаточного авторитета и развалу во внутреннем управлении, главным образом, в деревнях и селах».

«Второе условие было выполнено только отчасти: военная сила, занятая войной с большевиками, не могла быть использована для целей внутреннего управления и охранения спокойствия, законности и порядка. Вынужденная в крайнем случае послыла карательных или подобных экспедиций, будучи явлением случайных и непланомерных, зависла и не могла не явиться обстоятельством, вносящим лишь большой беспорядок и недовольство в существующую смуту».

И этот автор подчеркивает изолированность деревни:

«за все время революции деревня была представлена сама себе и за это время была разбужена и вовлечена в борьбу краинами элементами—коммунистами и левыми по преимуществу элементами».

Касаясь власти на местах, автор рекомендует сохранить таковую исключительно в руках местного коренного населения. Предлагает общину, вместе селости, с общинными съездами для контроля над общинными советами.

Были среди авторов сторонники государственной организации, основной ячейкой которой полагается церковный приход, и, наконец, были идеологии полной реставрации—безоговорочного отхода назад—просто, как выражался генерал Розанов—«к боже, царя храни».

Этот политический разнобой принесли с собой, главным образом, многочисленные беженские группировки, докатившиеся до Владивостока и особенно прочно осевшие в Харбине. Вместе с горожанами*) они являлись особой бродильной надской под основным населением края: казаками, крестьянством и корейцами.

Шумливые в городах, увлеченные борьбой за власть, беженские и местные, главным образом, городские, элементы почти не распространяли

*) Торгово-промышленники, домовладельцы, трудовая интеллигенция, великие собственники и пр.

своего влияния на область. На местах работали исключительно партийные организации и по преняущему РКП.

Крестьянство, склонившееся «к Советам», но упорно противившееся «коммунистам», тем не менее, скорее других поддало над влиятельные коммунисты. Значительные затруднения встретились среди казачества, особенно в его зажиточной массе. Был проведен даже акт об упразднении казачества, применявшийся довольно жесткий наказ со стороны партизанских отрядов, находящихся под влиянием коммунистов, и тем не менее ряд окружков, во главе с Гродековским, до окончательной победы советской России, были верны окладом правых течений и атаманства.

Корейцы широко поддавались пропаганде. Их наиболее стесненное экономическое положение способствовало развитию среди них революционных настроений. Их боевые коммунистические отряды играли не последнюю роль среди сил, мобилизованных Дальборо ЦК РКП для закрепления своего влияния и победы в Крае.

Японцы оказывали значительное противодействие революционному движению среди корейцев. Это привело, особенно впоследствии, к широкому развитию двойного подданства корейцев. Русское подданство обеспечивало за них право на землю, японское — защиту этих прав. Последнее было выгодно и для японцев: оно создавало им повод для вмешательства в целях защиты прав их подданных.

Отмеченный политический разнобой, в связи с обострением общего экономического положения, особенно остро переживался и многочисленным собравшимися на Дальнем Востоке офицерским составом. Здесь столкнулись не только люди разных политических мировоззрений, но и вчерашние врачи в наиболее ожесточенной гражданской войне. Кощунственные убийства «белых» офицеров на реке Хор и, с другой стороны, жестокая расправа с некоторыми из коммунистов за время японского вторжения 4-6 апреля, доводили взаимную вражду до крайнего напряжения.

Широкая линия и забывание прошлого, проводенная мною с согласия Правительства в армии и флоте, смягчала остроту, но отнюдь не уничтожала огромной внутренней вражды.

Это очень рельефно выражалось на большом собрании офицеров во Владивостоке, где предположено было послушать представителей всех политических течений, от крайних правых до коммунистов включительно. Вместо попытки к некоторому соглашению ярко вывихнулась буря вражды, потребовавшая больших усилий со стороны председателя генерала А., и вызванная моей экстренный приезд для возвращения собрания к порядку.

День спустя в связи с этим случаем мною был отдан следующий приказ сухопутным и морским силам Временного Правительства Дальнего Востока*):

*) Новый расширенный титул Земского Правительства, в связи с расширением его влияния в крае.

«Четыре года напряженной борьбы на внешнем фронте и для с лишним года ожесточенной гражданской войны особенно остро и болезненно отразились на командном составе нашей армии. Кроме огромных жертв жизнью, увечьями и физическими страданиями, офицерство, участвовавшее в гражданской войне, пережило еще большее страдание морального свойства.

Являясь главным основанием вооруженной силы, она, с одной стороны, являлась угрозой для той или иной из борющихся группировок, с другой стороны—само, ранг чуждое политической борьбе, расслоилось на части и, сражаясь друг против друга,несло огромное оплодотворение и вражду в свои собственные ряды. Кроме того, благодаря имущественным потерям и общему крайне тяжелому положению Родины, офицерство оказалось и в тяжелом материальном положении.

Последнее обстоятельство особенно резко проявилось на окраинах и заграницей, куда стекалось офицерство под влиянием или причин политического характера, или ликвидации тех вооруженных сил, в составе которых оно принимало участие в гражданской войне.

Все эти обстоятельства, вплоть до острой нужды в борьбе за существование, стоят командный состав в исключительное тяжелое положение и весьма часто делят его орудием в руках или отдельных политических партий, или отдельных лиц.

В настоящее время здесь, на далекой окраине, положение это особенно трудно, так как разное политическое положение трех дальневосточных областей^{*)} естественно вносит соответствующее разделение и в офицерскую среду.

Понятно, что общее желание об'единения всего Дальнего Востока имеет улучшение не только в политическом и экономическом отношении, но и послужит основой для об'единения всех вооруженных сил, находящихся на этой территории, а вместе с тем и в частности для об'единения всего офицерства. Только при этом об'единении, только при возможности свободного отождествления, как с Западной Сибирью, так и с остальной Россией, имеется возможность более широкого и более устойчивого разрешения каболитского офицерского вопроса.

Всякая новая рознь, всякое стремление поддержки партийных или классовых воззрений приведет к новой братоубийственной войне, к новым кровавым жертвам, к новому еще большему расслаблению русской армии на Дальнем Востоке.

Я же верю и не зижу, чтобы какое-нибудь лицо, или какая-либо группировка без каренного разрешения этого вопроса в широком краевом масштабе, путем временных денежных пособий, могла бы достичь той или иной цели и, как высший начальник в области, я совершенно определенно заявляю, что только об'единение и прекращение всяких новых попыток к братоубийству может создать почву для выхода из тяжелого положения.

Путем обжалования амнистии можно намечалась первая попытка к об'единению. Для достижения той же цели выше возбуждено ходатайство о восстановлении полноценного материального обеспечения лицам командного состава и их семьям, в каждой группировке не находились они до момента амнистии.

Несомненно, такое финансово-экономическое положение края лишает Правительство возможности пойти широко в этом направлении, но несомненно, что, с улучшением хозяйственной жизни края, имеется возможность широко пойти нааистручу улучшения судьбы военно-служащих.

Вместе с тем, ясно сознавая необходимость немедленного разрешения создающегося тяжелого подвига, я, непрерывно до того времени, когда начнется настоящее положение и явится возможность более широко использовать военно-служащих по их прямому назначению, принимаю меры к тому, чтобы труд их использовать в других отраслях, рассчитывая, что Правительство окажет в этом необходимую поддержку. Я же, с своей стороны, кроме организационной работы, полагаю предать на помощь путем представления имеющегося в распоряжении Восточно-Морского ведомства инвестария, техническими учреждениями и проч.

Проработав в рядах армии около 20 лет, я отлично понимаю, как тяжело переживают офицерским составом не только изменения в сложившихся традициях, но и

^{*)} Забайкалье—стремянница, Амурская область—коммунизм и Приморье—демократизм Земского Правительства.

изменения в вопросах чисто внешнего свойства — в форме одежды, отличиях и проч., но в то же время считаю, что эти соображения не могут заставить в наших глазах великих вопросы о сохранении мощи и величия нашей родины и перестройки основ нашей жизни, может быть, весьма болезненно отражающихся на наших привычках и симпатиках.

Эти великие задачи, требующие новых тяжелых испытаний, могут быть достигнуты лишь обединением и полных отказов от дальнейшей братоубийственной распри.

К этому обединению я зову всех».

IV.

**Пост управляющего военно-морскими делами в кабинете Никифорова.
Денежная реформа. Упразднение военного совета. Ганготское соглашение.**

Назревшая необходимость в объединении работы отдельных ведомств выражалась в создании Совета управляющих ведомствами, первое заседание которого состоялось 29-го мая 1920 года в составе:

Председатель Совета управляющих ведомствами и управляющий ведомством труда П. М. Никифоров; управляющий ведомством финансов—С. А. Андреев; внутренних дел—А. Н. Кругликов; управляющий военно-морским ведомством—В. Г. Болдырев; ведомствами: продовольствия и снабжения—Д. И. Соловьев; промышленности—А. С. Леснов; путей сообщения—И. Г. Кушнарев; юстиции (временно)—А. В. Грозин и исп. обязанности управляющего делами Совета—А. И. Кабан.

Ведение иностранными делами сохранял за собой председатель Правительства А. С. Медведев, фактическое же руководство таковыми было в руках Б. Е. Сквицкого, имевшего ближайшим сотрудником видного дипломатического чиновника царских времён А. М. Выводцева.

Весь состав министров, за исключением меня, был социалистический, с явным преобладанием коммунистического влияния, направленного тем же незримым Дальбюро ЦК РКП.

Правда, очень важное в существовавших условиях ведомство внутренних дел находилось в руках весьма правого социалиста, ведшего довольно самостоятельную политику, вполне приемлемого и в несоциалистических группировках, тем не менее, все же оппозиция главенствующему течению была и неосторожной и недостаточно сплоченной.

Линия, принятая в Совете коммунистами и поддерживающая их членами такого, была весьма искусной: внешнее примиренчество, добродушная уступка по вопросам, ни в коей мере не затрагивающим интересов партии, при крайне настойчивом проведении общей советской линии во внешних сношениях и при упорном домогательстве в принятии тех мероприятий и кредитов, которые содействовали в той или иной степени закреплению влияния коммунистов среди масс и рабочих организаций края.

В этом отношении были чрезвычайно изобретательны и настойчивы, назывшийся обычно довольно равнодушным к ходу заседания, Кушнарев и чрезвычайно темпераментный Сквицкий.

Первое заседание Совета было посвящено выработке текста заявлений для прессы, и связанных с упорно циркулировавшими слухами о неудавшемся

ся правом перевороте. Провал правых окрылых левых, начались колишнее уличение арестанты, на что было обращено внимание и японского командования, заявившего через меня о необходимости прекращения излишеств в этом направлении.

Обсуждалось и положение дел на Сахалине и в районе Никольевска на Амуре. По докладу управляющего внутренними делами, на Сахалине вел довольно заметную агитацию бывший сахалинский губернатор Григорьев. Населению будто бы раздавалось романовские десятирублевки, «как подарок его новой барыне» из Японии. С другой стороны, «собственная политика» автора «Никольевской бани», как называли орудовавшего в Никольевском районе Триптичника, шушала серьезные опасения за возможность осложнений в низовых Амура, в частности, в Никольевске, где сосредоточились значительные силы японцев.

На первом же заседании было отклонено коллегиальное решение дел о недостатках. Вся ответственность за такие же исходило из главы ведомства.

Отмечавшая линия поведения коммунистов в Совете управляющих ведомствами, в связи с обширной агитацией и в городах и в области, обусловили распространение их влияния и победу на выборах в Приморское народное собрание.

Во Владивостоке коммунисты, проходившие в скрытой виде по списку профсоюзов, получили голоса рабочих, в том числе и голоса весьма сильной организации грузчиков, сделавших потом гвардей коммунистов. Искусно была использована и значительная часть крестьянства, казаков и корейцев.

Преобладающее влияние и абсолютное большинство в Народной собрании были закреплены за большевиками созданием «социалистического блока», проводившего идею «единого социалистического фронта», куда вошли прошедшие в собрание с.-д. меньшевики, эсеры, народные социалисты, так называемое, крестьянское большинство и корейцы.

Представители честно председателя Народного собрания эс-эру Маневитчу, покинувшему таким образом под влияние руководимого ими большинства, коммунисты в то же время пронесли своих людей в президентум, обеспечив, таким образом, свое руководство и там.

Оппозиция в Народном собрании, руководимая кадетами и местным националистическим элементом, об'единила часть правого крестьянства и казаков.

Слабая численно, она обладала довольно ценными интеллектуальными силами и достаточно опытными парламентариями: из кадетской фракции—Л. А. Кроль и В. А. Виноградов и из правых групп—С. Д. Меркулов и др.

Торжественное открытие Народного собрания состоялось 21-го июня, в помещении театра «Золотой Рог». Огромное стеченье публики показывало значительный интерес к столь крупному для края событию. В числе присутствовавших иностранных представителей находился и представитель «соседней дружественной» державы—советской России—В. Д. Вилейский. Приглашение, посланное ему, было также написано на французском языке.

Старейший из депутатов, народный социалист Логовский, открыл заседание.

С краткой, но обстоятельной речью выступил председатель правительства, восьмой представительный по внешности, А. С. Медведев.

Медведева сменил председатель Совета управляющих ведомствами П. М. Никифоров, изложивший краткую программу деятельности кабинета.

Его даже пригласили несколько для столь торжественного случая. Никифоров был значительно бледнее, чем на привычных антигигантских выступлениях, говорил без особой экспрессии, но очень деловито, что было поставлено ему в несомненный плюс.

Иностранцам было продемонстрировано удивившее их обединение и порядок. Отечественные любители скандалов ушли разочарованными.

Народное собрание, первое на Дальнем Востоке, нашло и надлежащую внешнюю форму и достаточный тон и содержание в речах, впервые прозвучавших с народной трибуны.

Народное собрание, вызвавшее значительный интерес со стороны населения, несомненно, облегчало последнему и большее внимание деятельности правительства и в то же время содействовало более определенной кристаллизации общественных настроений.

Открытию Народного собрания предшествовало проведение восьмой денежной реформы—денежной, оказавшей, в силу особых условий, почти роковые последствия для края.

5-го июня 1920 года был опубликован закон о девальвации—о замене безнадежно падающих сибирских денег новыми, выпущенными Временным правительством, кредитными билетами образца 1918 г., получившими впоследствии название «буферок».

Превосходно изготовленные в Америке по заказу правительства Керенского, эти кредитные билеты, при надлежащем обеспечении, могли действительно укрепить крайне тяжелое финансовое положение, создававшееся в связи с почти полным обесценением сибирских денег, крайне непрочных, легких в подделку, связанных с недавно павшим правительством Колчака. Выпуском новых устойчивых денег полагали в то же время сдержать и все более и более усиливающееся закрепление на местном рынке японской пены.

Как обеспечение японь выпускавшего кредитного билета, Правительство называло: золото, вывезенное из Ойска, и другие ценности общей суммой более 100 милл. золотых рублей.

Крайний срок обмена был назначен на 18 июня, и только вкладчики японского «Чосен банка» получили трехмесячный льготный срок.

Уже 17-го июня последовал запрос местного консульского корпуса о гарантиях, обеспечивающих устойчивость кредитного билета, выпускаемого Временным правительством. Правительство отказалось. Там не менее, вскоре стало всем известно, что наиболее ценная часть обеспечения—все золото на сумму до 77 милл. руб. (давно вывезено в Благовещенск*). Хотя Амурское Областное Правительство, создавшееся к тому времени, поддерживало заверение о сохранности всего золота, но никто этому серьезно не верил.

*) До японского выступления 4—6 апреля.

Реформа, благотельная при наличии обеспечения, была подорвана. Потребовалось огромное напряжение и власти и населения, особенно рабочих и служащих, чтобы удержать незыблемость установленного паритета для новых денег.

Обмен произошел. Он принес почти общее разорение. Вкладчики банков, кредиторы казны, получили прекрасные по внешности, но также быстро обесценившиеся, благодаря необоснованности, деньги. Мелкие вкладчики сберегательных касс, крестьянство, имевшее некоторую наличность, оказалось просто ни с чем.

Неофициальный приказ денежной реформы был первым серьезным ударом по авторитету Земского Правительства. Этот провал создал некоторые трения внутри Совета управляющих ведомствами, усилил значение оппозиции в том, что открытом Народном собрании и побудил общественное мнение более инициативно отнести к тем скрытым силам, которые за спиной правительства «делали погоду»²⁸⁸.

Причин для этого было достаточно, и кроме денежной реформы; так, например, острый, надавивший шуму, конфликт управляющего ведомством юстиции Грозина с прокуратурой, коллектикою подавшей в отставку «виду незакономерных приказов и распоряжений» главы ведомства, побудивший Грозина покинуть свой пост;

работа владивостокской следственной комиссии, в которой многие видели скрытое «член»;

большие непорядки в «Комитете по ввозу и вывозу», потребовавшие строительной реформы и, только благодаря партийным изменениям в Совете министров, не приведшей весь состав комитета на скамью подсудимых;

не совсем гладкая работа «Комиссии по диксидации грузов», освободившей каучука, селитру и меди, представлявших весьма значительную ценность на десятки миллионов рублей.

В военно-морском ведомстве большие нарекания вызвали деятельность Военного совета. Согласно первоначального своего «Положения», Военный совет являлся «высшим в крае учреждением по военным вопросам, касающимся армии и флота», при чем все его постановления законодательного характера подлежали «окончательному утверждению Временного Правительства».

С созданием Совета управляющих ведомствами, а затем и Народного собрания, такое положение Военного совета являлось явно несогласованным, тем более, что и деятельность его со времени русско-японского соглашения 29 апреля, с установлением ограничительной зоны и замены в таковой войск милицией, свелась в сущности к отпуску всех видов снабжения и, главным образом, кредитов не только для Приморья, но нелегально и для Амурской области, имевшей свое местное правительство и свою казну.

Обескровленный за время японского выступления, собирающийся почти полугодально и крайне неаккуратно, Военный совет, тем не менее, черезвычайно торопливо необходимую текущую работу.

Постановлением Временного Правительства 11 июня, Военный совет был упразднен, он потерял уже значение и для Дальнего, ликвидация его не вызвала особых возражений.

По своему разработанному проекту организации военно-морского ведомства, Военный совет полагался уже при управляющем военно-морскими делами, под его председательством, при участии политического уполномоченного, как представителя общественности.

Возникло сильное течение и за ограничение института политических уполномоченных в войсках, вносящего двойственность в управление и военитету. Ему предполагалось оставить лишь право опротестования тех или иных назначений командного состава и ведение культурно-просветительной работой.

При всех отмеченных условиях дальнейшее существование Совета управляющих ведомствами, с столь явным преобладанием коммунистического влияния, становилось затруднительным. Возникла мысль о коалиционном кабинете. Против нее же возражали и коммунисты — им надо было ослабить оппозицию в Народном собрании и переложить значительную долю ответственности за все уже сделанное до этого времени на чужие буржуазные плечи, и их же противопоставить начинавшему вновь усиливаться напору крайне правых группировок.

Последние или поняли этот скрытый замысел, или, в силу своей решительной непримиримости, уклонились от входления в кабинет.

Предложение привнесли торгово-промышленная группа и кадеты. И те, и другие искренне опасались усиления реакции и все еще неизвестного страха перед японской оккупацией.

Власть была демократической — это рассеивало последние проблемы сомнений.

Переход к коалиционному кабинету был чрезвычайно выгоден для коммунистов. Владивосток в значительной степени сыграл уже свою роль в их программе закрепления своего влияния на Дальнем Востоке; центр тяжести переносился в Западное Забайкалье.

Перестройка «буфера» началась оттуда, со стороны Верхнеудинска, где с 6-го апреля образовалось свое, или, вернее сказать, дружественное Дальбюро, Правительство, называвшееся «Дальневосточной Республикой»²⁰²), с явными претензиями на роль центрального правительства всего Дальнего Востока.

Приморье было пока еще нужно — на время первого удара по Забайкалью, против Семёнова. Этот вынужденный временный успешнее всего мог обеспечить коалиционный кабинет: он должен был успокоить подозрительность интервентов и сдержать на необходимый срок усиливающуюся активность правых, склонных к слиянию с Семёновым и к его поддержке.

Амурская область была уже подготовлена, — там уже свое правительство, Камчатка, Сахалин и полоса отчуждения Китайской Восточной дороги в лице созданной там Рабочей Конференции должны были обеспечить моральную поддержку и сочувствие.

Изменить этот новый, выгодный большевикам политический ход, представлялось тогда невозможным,—это загоняло бы все умеренные элементы, всю демократию в лагерь непримиримо идущих к реакции крайне правых и задерживало бы вопрос об'единения с остальной Россией. Таким образом, демократия и часть буржуазии невольно помогали советской России, облегчая ей подход к берегам Тихого океана.

Невыкленной оставалась роль третьей, наиболее мощной силы—Японии, но и в этом направлении советская власть и Дальбюро начали большую подготовительную работу. Первый этап—соглашение в районе Иркутска—уж пройден, он подразнит начало дружественных отношений.

Дальнейшую работу в этом направлении вел представитель Верхнеудинска во Владивостоке В. С. Шатов. Его усилия увеличились значительным успехом, закончившимся соглашением между Верхнеудинским Президиумом (Дальневосточной Республики) и японским командицем, подписанным 15 июля 1920 года на станции Гангота.

Соглашение это предусматривало прекращение военных действий обеих сторон на фронтах: Амурском—в районе обоих берегов Шилки и на Забайкальском—в районе Яблонского хребта, при чем устанавливались особые демаркационные линии с небольшой нейтральной зоной между этими линиями.

В отношении железнодорожного движения конечным пунктом для поездов, следующих с Энгода, устанавливались ст. Гангота, с Востока—ст. Сохондо.

Началом прекращения военных действий назначалось 12 час. дня 18 июля 1920 года. Срок окончания соглашения—«окончание работ съезда представителей, правильно выражавших волю населения русского Дальнего Востока» (последствия Читинской конференции).

Любопытно, что договор этот, под гарантней «представителей экспедиционной японской армии на территории Дальнего Востока», должны были признать и войска, подчиненные Семенову.

17 июля стороны подписали особый меморандум, к которому прилагалась «Нота к меморандуму от 17-го июля 1920 года», подписанная, как и сам меморандум, генералом Таханаги и Шатовым.

Нота эта в значительной степени предзначала дальнейший ход событий на Дальнем Востоке и новый курс в направлении политики местных японских представителей. Привожу ее полностью:

«Стремясь к скорейшему утверждению мира на территории русского Дальнего Востока, японская и русская делегации уверены, что наилучшим способом к его достоинству и к установлению спокойствия и порядка является образование буферного государства с единым правительством, без вмешательства в дела этого государства вооруженной силы со стороны других государств.

Это буферное государство в международной и экономических отношениях не может жить изолированно от цивилизованных и крупноиндустриальных государств. Между русской территорией Дальнего Востока и Японией существует теснейшая связь в интересах, почему буферное государство не может не иметь накрепки самого тесного с Японией содружества и сотрудничества.

Основываясь на вышеизложенном главами миссии, обе делегации сходятся в том убеждении, что буферное государство не примет коммунизм за форму и должно во-

сить народный широкодемократический характер. Для этого в настоящем положении необходимо созыв съезда представителей, правильного и независимо выражавших волю населения русской территории Дальнего Востока.

В соответствии с этим пониманием поставленных перед ними задач и намерений, обе делегации делают нижеследующее общодное заявление:

1) Японская делегация заявляет, что отдельные сношения японского командования с местными властями будут прекращены с момента окончания работ Съезда представителей, правильного и независимо выражавших волю народа и населения русского Дальнего Востока, который узаконит окончательное воссоздание единого Правительства.

2) Японская делегация заявляет, что японское командование не будет вмешиваться в способы созыва вынесенного съезда и в ход его работ, но обещает оказывать необходимые содействия в случае препятствий представителям, направляющимся на этот съезд, вне зависимости от их политических убеждений.

3) Что касается вопроса об оставлении японских войск на территории русского Дальнего Востока, то японская делегация положит в основу декларацию японского правительства от 3-го сего года.

Что касается Забайкальского района, то, имея в виду, что в настоящее время уже совершилась эвакуация чехо-славянских войск из этого района, на основании сделанной японским императорским правительстом декларации, японское командование на этот раз решило вывести свои войска из означенного района. Японское командование надеется, что, в случае успешного хода сношений с Дальневосточной Республикой, эвакуация японских войск будет произведена в скором времени.

4) Русская делегация заявляет о недопущении войск советской России на территорию правительства Дальневосточной Республики для пребывания, вторжения и пропуска их.

5) Русская делегация заявляет, что Правительство Дальневосточной Республики на началах взаимности обещает, что в сфере влияния власти Дальневосточной Республики она гарантирует неприкосновенность личности японских граждан и будет уважать их права.

6) С целью скорейшего усвоения на территории русского Дальнего Востока, японская и русская делегации заявляют, что японское командование и Правительство Дальневосточной Республики обязуются принять все меры к выражению мирным путем возникающих на территории Дальнего Востока вооруженных столкновений, и только в крайнем случае обещаются принять самые решительные меры.

7) Японская и русская делегации по предварительному взаимному соглашению могут послать друг другу свои военные миссии, имея в виду, что эти миссии приносят большую пользу в деле успешного разрешения могущих возникнуть вопросов в дальнейшее время.

V.

Коалиционный кабинет. Первая попытка по об'единению Д. В. Окуня-
ция Сахалина. Увод «Патрокла». Приезд ген. Дитерихса. Распад
коалиционного кабинета.

В начале июля был сконструирован новый, ответственный перед Народным собранием коалиционный кабинет.

В него сначала вошли 4 новых управляющих ведомствами от оппозиции Народного собрания: В. А. Виноградов—управляющий иностранными делами, Б. Ю. Бриннер—торговли и промышленности, В. Я. Исаакович—государственного контроля и И. И. Циммерман—финансов.

Управление делами Совета перешло в руки В. И. Дантраша.

Вскоре пост председателя Совета был вручен М. С. Бинасиску, прежний председатель П. М. Никифоров остался в Совете, как управляющий делами труда. 10 августа А. Н. Кругликов был замещен В. Я. Гуревичем, А. В. Грозин—Е. А. Трупном; управление делами земледелия и государственных имуществ было возложено на И. А. Якушева.

21 июля новый председатель Совета управляющих ведомствами М. С. Бинасис выступил пред народными представителями с декларацией нового кабинета. Особенно выделило внимание в декларации новые пути в области внешней политики, намеченные новым управляющим иностранными делами В. А. Виноградовым.

В тот же день было зачитано в Народном собрании приветствие только что прибывших депутатов Амурского Областного Правительства.

Президент амурской делегации Матвеев имел со мною продолжительную беседу по вопросам военного снабжения, которое у них было в очень тяжелом положении, и попутно давал мне понять об общем желании видеть меня на высшем посту в общекраевом масштабе (т. е. для всего об'единенного Дальнего Востока).

Эта сокращенно частная беседа лишний раз подчеркнула существующее у группировок, руководимых Москвой, стремление к об'единению трех Дальневосточных областей.

Первая попытка в этом направлении была сделана Владивостоком. Еще 23 июня, по инициативе бывшего председателя Совета управляющих ведомствами, Никифорова, было принято постановление:

«Выйти в Народное собрание с предложением об образовании особой парламентской комиссии для поездки в Забайкалье и Амурсскую область, совместно с представителями Временного Правительства, для выяснения и подготовления вопроса о создании в городе Владивостоке Съезда представителей Правительства дальневосточных государственных образований».

Предложение Совета было принято Народным собранием. Парламентская комиссия была назначена. В нее вошли от правых депутат Руднев, от социалистического блока депутаты Кабиц и Николаев.

На Амур в Благовещенск ехать было не за чем: Амурская область сама прислала свою делегацию во Владивосток.

Для приема и переговоров с прибывающими во Владивосток делегациями других правительств Дальнего Востока из состава Совета управляющих ведомствами была выделена особая комиссия в составе: председателя Совета—Бинаксика и управляющих ведомствами: иностранных дел—Виноградова, финансов—Циллермана и труда—Нижнекорона.

Таким образом, парламентская комиссия должна была поехать для переговоров в Читу, откуда, в свою очередь, для ориентировки и изучения почты, приезжали: сначала генерал Никонов, а затем и министр иностранных дел Семенова генерал Хрещатицкий, сумевший установить довольно дружественные отношения не только с местными видными коммунистами, но и с представителем Верхнеудинского правительства—Шатовым. Первые переговоры комиссия имела на станции Хадабулак, куда выезжали представители атамана Семенова, а затем и в самой Чите, лично с Семеновым и некоторыми депутатами из недавно собранного ни народного собрания.

Основные условия переговоров не вызвали значительных разногласий, тем не менее, окончательных решений принять не было.

Затем, как выяснилось, комиссия проехала в сторону Верхнеудинска, где уже существовало особое правительство. Комиссия была задержана на разъезде Гангота, где она была довольно сурово встречена местными представителями Верхнеудинской армии, и где оказались вынужденной дожидаться прибытия делегатов из Верхнеудинска.

13-го августа председатель Совета управляющих ведомствами Приморья доложил Совету о предъявленной японской дипломатической миссией в лице Мацуайра требовании Временному Правительству сообщить свое отношение к поведению делегации Народного собрания, подписавшей, по имеющимся у японской миссии сведениям, по требованию Верхнеудинского правительства декларацию «О признании Верхнеудинского правительства Дальневосточного правительством со всеми вытекающими из сего последствиями».

Заявление это вызвало чрезвычайно оживленный обмен мнений в Совете. Только коммунисты делали вид, что ничего особенного не произошло, и что комиссия, видимо, сделала то, что она должна была сделать.

Тем не менее, 17-го августа Совет управляющих ведомствами вынес постановление:

«Принято во внимание, что 1) декларация, подписанная делегацией Народного собрания, выходит за пределов данных ей полномочий, что 2) установленные в декларации положения идут вразрез с принципами,ложенными Правительством в основу переговоров по обединению областей Дальнего Востока и получившими одобрение Народного собрания—Совет управляющих считает: а) дальнейшее пребывание делегации Народного собрания в Верхнеудинске ненужным; б) призначает необходимым послать для переговоров с Читинским и Верхнеудинским правительствами правитель-

ственную делегацию и в) считает вносимое в Народное собрание решение в отношении делегации Народного собрания вопросом доверия кабинету.

В своих переговорах новая правительственная делегация должна была руководствоваться следующими основными начальами:

1. «Органом, призванным защищать объединение Дальнего Востока и усилить цивилизованную (государственную) власть, признается Учредительное Собрание Дальнего Востока, созданное путем всеобщего, равного, прямого и тайного голосования всех граждан Дальнего Востока, с применением пропорционального представительства».

2. Обективные условия данного периода диктуют, в интересах прекращения гражданской войны и установления мира, немедленную необходимость проведения демократической политики в рамках буржуазно-капиталистического строя.

3. Образование Дальневосточного государства рассматривается, лишь как временное мера, призванная необходимой в интересах сохранения для России Края, являющегося неотъемлемой частью единой России. Для переходного же периода Дальневосточное государство представляется самостоятельным государственным образованием, обединенным с советской Россией политическими и экономическими связями на началах договорных отношений.

Образование временной гражданской власти (до созыва Учредительного Собрания) должно быть произведено на полномочной конференции представителей всех областных правительств, признающих указанные выше пункты, при чем конференция должна обладать полнотой прав в деле избрания того или иного способа организации власти.

Вместе с этим, как гарантия того, что намеченные пункты предварительного соглашения будут пронесены в жизнь, признается необходимым еще до созыва конференции создание в каждой области народного представительства, пользующегося доверием всего населения соответствующей области и обладающего полнотой гражданской и военной власти».

Народное собрание согласилось с представлением Совета управляющих Комиссии Народного собрания было отозвано. Декларация, подписанная под большим наклоном Верхнеудинска, была признана не имеющей силы для Приморья.

Тем не менее первый шаг был сделан. Верхнеудинск определенно шел к захвату власти на Дальнем Востоке.

Внимание Приморья не могло долго оставаться на этом вопросе. Во Владивостоке опять назревали тревожные дни.

Еще в начале июня особой декларацией генерала Оой было обнулено об оккупации северной части Сахалина. Политический представитель Японии сообщил о столь важном, остро затрагивающем интересы России, факте лишь в порядке простого осведомления. Факт оккупации ставился в связи с мартовскими событиями в Николаевске на Амуре, во время которых погибло до 700 японцев, в том числе в полном составе и их местное консульство¹¹²).

События эти еще больше отразились на русском населении. Город Николаевск на Амуре был превращен в развалины, часть жителей перебита, большинство совершило разорение.

Объявление оккупации, в связи с которой началось хищническое японцев и в устьях Амура и на всем северном побережье, хищническое, почти ликвидированное малу рыбный промысел в этих районах, вызвало всеобщее возмущение и ряд чрезвычайно резких заявлений, как со стороны правительства, так и Народного собрания.

Образована была комиссия для расследования николаевских событий. Вместе с комиссией подготовлялся к отправке запас продовольствия и

одежда для пострадавших. Японское командование всемерно тормозило отбытие снаряженного для этой цели парохода, и вообще осложнило все мероприятия, связанные с Николаевском на Амуре.

Лишившиеся крова жители, были доставлены японцами в Приморье. Около 1500 чл. таких беженцев докатились до Владивостока.

Начались довольно крупные осложнения и в Хабаровске. Опираясь на японское содействие, местная Городская Дума обнаружила все признаки явного игнорирования власти Временного Правительства. Дело дошло до открытого выступления, руководимого гр. Михайловым. Выступление, впрочем, вскоре было подавлено посланным в Хабаровск отрядом милиции. Городская Дума была распущена.

Еще ранее находившийся в Хабаровске уполномоченный Временного Правительства Уткин¹¹ был убит группой военных по пути из Хабаровска во Владивосток. Погиб и следовавший с ним в поезде гр. Граженский.

Событие это, ясно указывавшее на наличие вооруженных, враждебных Временному Правительству военных групп в нейтральной зоне, являлось явным нарушением русско-японского соглашения. Японское военное командование, ответственное в силу этого соглашения за сохранность порядка в полосе щель железной дороги, на сделанное, в связи с отмеченным убийством, заявление ответило, что оно, идея встречи Временному Правительству, отдало распоряжение всем частям японских войск, сохранив нейтралитет и соблюдая высшую справедливость в отношении мирного населения, содействовать властям и полиции ликвидировать вооруженные группы преступного элемента.

Это, конечно, были только слова. При совершенно определенной поддержке японского же командования рос и укреплялся прочный антиправительственный очаг ярко сёёмонской ориентации, в Гродеково, откуда тянулись прочные нити во Владивосток и, в частности, как высиялось потом, и к нашему личному конвоям.

«Самостийность» Гродекова пошла настолько далеко, что управляющий делами финансов Циннериана, в заседании Совета 13 августа заявил «о беспомощном положении таможенной охраны на станции Гродеково, в связи с бесчинствами симбирских войск».

Целый ряд «экспедиций», предпринимаемых резервом милиции, единственной вооруженной силой Правительства, неизменно сталкивался с незримым вмешательством третьей силы. Гродеково оставалось, неизвестным. Состоявшимся там казачьим кругом воинский атаманом был избран полковник Савицкий. Высшее военное руководство было в руках подковника Савельева.

Борьба с Гродековым, которую вели управление внутренними делами, приняла злобный характер. Руководители Гродекова оправдывали создание своей вооруженной силы, называемой ими «отрядом самообороны», необходимостью «ограждения поселков пограничной полосы от разграбления кумухузами», указывали, что «регулирование жизни войска в вопросах государственного значения составляет компетенцию управления военного ведомства», почему и просили меня «разрешение вопроса о войсковой само-

обороне взять на себя и тем самым, устранив вмешательство управляющего военным внутренних дел, разрешит это, с соблюдением интересов войска и государства*).

Мне пришлось вмешаться в этот вопрос, обратить на него внимание японского командования. Положение несколько смягчилось.

В самом Владивостоке создалось такое же, как раньше в изб, напряженное настроение. Пояздили слухи о новом готовящемся перевороте.

В ночь с 14 на 15 августа посыпанное судно сибирской флотилии «Патрокл» было захвачено группой вооруженных людей и уведено в море. Командир судна и часть команды были в это время на берегу и с кораблем не ушли.

Произведенным судебной властью расследованием выяснилось, что «вооруженная группа людей, прибыв разновременно на судно, задержали и изолировали находившихся на «Патрокле» безоружных офицеров и команду, заняла все входы и выходы, поставила свою машинную команду и необходимых людей на палубу, отдала кончики и выплыла судно в море»...

Часть экипажа «Патрокла», не пожелавшая остаться на службе у захватчиков, была высажена на острове Аскольд, откуда ее доставил во Владивосток пароход добровольного флота «Чифу».

Преследовать было некем. Морские военные суда были еще разоружеными. Характерно, что японское морское командование, несмотря на только что подписанное 10 августа соглашение, как будто проглядело уход «Патрокла» и делало вид, что ничего не знало об этой истории.

Утром 15 августа начальник штаба сибирской флотилии Тыртоя, ввиду пленения русских вооруженных судов, сделал заявление начальнику штаба командующего специальной японской эскадрой о задержании «Патрокла». Результата никакого не было.

28 августа я заявил командующему японской эскадрой, что «увид корабли сибирской флотилии я могу рассматривать, только как вооруженный грабеж, и, будучи совершенно уверен, что японские власти не дадут приступам, захватывающим с оружием в руках русские корабли, вооружение которых находится на хранении у японского командования»... прошу «о задержании упомянутого судна в первом же порту его остановки и о возвращении его во Владивосток сибирской флотилии».

Адмирал Кавакуба ответил мне, что «вопросом состава команды установлено, что захвата судна нет» и что о «результатах осуждения сделано известие нашему морскому агенту в Токио».

Ответ этот не оставил сомнений в роли японцев при уходе судна. Они не только знали о месте его нахождения и не только успели поговорить с его командой, но не находят в этом факте никаких признаков вооруженного захвата, предотвратить который Временное Правительство не имело.

*⁴⁾ Рапорт войскового управления Уссурийск, квд. войска командующему войсками Приморского военного округа и управляющему военным и морским ведомством 1 окт. 1920 г. № 1078. По старым юрисдикциям, все казачьи войска и в гражданском отношении находились в ведении кавказского министерства.

возможности, так как оно или же, японцами, было лишено необходимых для этого средств.

Таким образом, опинаясь на соглашение 29 апреля, и, торгуясь из-за возвращения каждого штыка и патрона для вооруженной силы Временного Правительства, японское командование совсем забывало то же самое соглашение, допуская наличие третьей вооруженной силы и в городах и в нейтральной зоне вдоль железных дорог.

Ряд других более мелких осложнений чрезвычайно тормозил работу, порождая нервность и неуверенность среди служащих и населения в каждом следующий день.

Для меня лично появился опять весьма сложный, хотя и не новый уже, вопрос о кампенской армии.

В средине августа прибыл во Владивосток генерал Диттерихс, как уполномоченный Дальневосточной Российской армии. В своем заявлении председателю Совета управляющих ведомствами Бинксу он указывал, что «складывающаяся обстановка на Дальнем Востоке может понудить Дальневосточную Российскую армию, состоящую под командованием генерал-лейтенанта Лозинского^{*)}» оставить пределы Забайкалья до разрешения конференцией вопроса об «единении областей Дальнего Востока» и, что армия уполномочила его «путем непосредственных переговоров с Владивостокским правительством выяснить, на каких договоренных условиях могло бы состояться соглашение для перехода армии на территорию Приморской области».

При заявлении были приложены и выставленные армией условия соглашения, из которых наиболее существенные:

армия признает правительство национальное, некоммунистическое и независимое от ныне существующей советской власти в Европейской России;
армия подчиняется только главе правительства, сохраняет свою автономную организацию и руководствуется положением о полевом управлении войск^{**)} и т. д.

Этот чрезвычайно важный и сложный вопрос подлежал предварительному обсуждению особой комиссии^{**}) под председательством Бинкса, из управляющих ведомствами иностранных дел, финансов и труда.

Дело это, однако, приняло чрезвычайно медленный темп. Между тем, с Диттерихсом вышло некоторое осложнение. Как оказалось, он выехал из Харбина четырех офицеров, двух солдат и двух мальчиков, которые на купленной ими моторной подвеске и шинам должны были обуздаться рыбной ловле. Работа пошла, видимо, несколько в ином направлении, и 20 августа все рыболовы были арестованы агентами государственной охраны.

Диттерихс горячо протестовал, заявляя, что его люди никогда в подпольных переворотах участия не принимают, и «если мы боремся, то боремся в открытую, а не из-за угла». Арестованные в конце концов были освобождены, но и рыболовная затея также должна была прекратиться.

Эта история, конечно, не ускорила переговоров и они постепенно были замешаны другими надвигавшимися событиями.

^{*)} Сменяя уехавшего в Европу генерала Войцеховского.

^{**) См. страницу 366.}

В августе же чрезвычайно обострилось положение в Амурчино. Находившиеся там войска начали высказывать явное неповиновение Владивостоку. Орудевший в Амурчино партизан Шевченко, не только не подчинился назначенному Владивостоком начальнику, но и грозил короткой расправой политическим уполномоченным. Злоустная задержка с продовольствием для Амурчинского гарнизона еще более обострила положение^{*)}.

В дело вмешалось Народное собрание. Левое крыло грозило мне запросом. Наоборот, спрашивались «подкармливанием бунтовщиков». Буржуазная часть Совета министров ультимативно потребовала самого решительного ограничения прав института политических уполномоченных при войсках") и подчинения его управляющему военно-морским делами.

Целую бурю с правой стороны пытало и мое разрешение на вывоз для Благовещенского гарнизона кожи и бензина. Вопрос этот управляющий финансами былнесен на плenum Народного собрания. Это вызвало, наконец, мое резкую отповедь. Страсти несколько углеглись.

Благодари сильному партийному наажму рассосалась острота и в Амурчино.

Влияние обывателя значительно отдалось угрозой начавшейся сильной эпидемии холеры.

При всей густоте туч, собирающихся в августе над Приморьем, грозы все-таки не последовало, но трещини между коммунистами и правыми группировками значительно увеличились. Это отразилось и на работе Совета управляющих, где усилились противоречия и подросла циничная подозрительность. Стало более трудным и положение срединных связующих элементов.

В буржуазной части Совета управляющих начало возникать сомнение в целесообразности их входления в кабинет и разделении ответственности за чужую, в конечном выводе, политику. Так, 24-го августа, «исследование спиритуально исключительных обстоятельств, совершенно личного характера», ушел с поста управляющего делами тorgovli и промышленности Б. Ю. Бринер, а через месяц с небольшим покинул свой пост и управляющий иностранными делами В. А. Виноградов. Причина ухода последнего—расхождение в вопросах русско-китайских взаимоотношений. Окрыленное доброжелательным инициативом Москвы, подтвердившей потой своего представителя Каракана в марте 1920 года суверенитет Китая в полосе отчуждения Китайской Восточной железной дороги и отказ от причитающейся России части Боксерской контрибуции, китайское правительство обнаружило закрытии русской миссии в Пекине.

Китайский консул во Владивостоке дал слишком распространительное толкование этому акту и декларировал, в связи с закрытием русской миссии, отмену экстерриториальности русских граждан в Китае.

Виноградов считал необходимым занять решительный протест по поводу этой отмены, но его непосредственный помощник Смирнов, ру-

^{*)} Права полит. уполномоченных были ограничены—правом дачи заключений о кандидатах на командные должности, осведомлением о настроениях в армии, в связи с основными моментами политической жизни и культурно-просветительской работой. Вопрос этот затихнулся.

Конфликтный значительном более указаниями Дальбюро ЦК РКП, нежели политикой своего шефа, был иного мнения в этом вопросе и добавляя не только значительного смягчения тоне протеста, но и приложения к нему возложения о своеобразности пересмотра и благожелательном для Китая духе всех прежних договоров с царским правительством, так или иначе упомянувших суверенитет Китая. Точка зрения Скварского нашла поддержку в лице председателя Временного Правительства и председателя Совета управляющих.

Китайский консул Лесциц доказал использование и этот случай: в своем ответе недавству внутренних дел Приморья, он совсем обошел молчанием вопрос о протесте и с удовлетворением подтвердил только факт получения заявления о желательности пересмотра договоров.

Ввиду усиливающегося международного влияния в Харбине и несколько спонтаннных претензий Франции в отношении Восточно-китайской железной дороги, наметившаяся политика в отношении Китая казалась вполне целесообразной. Левое крыло Совета, разделявшее эту точку зрения, оказалось в большинстве. Оно не считалось с теми практическими последствиями, которые самым тяжелым образом отразились на живших на территории Китая русских подданных, сейчас же вслед за обнародованием отныне экстерриториальности, как-то: уничтожение русских судов, консулской защиты, подсудность русских граждан китайскому суду со всеми его своеобразными особенностями и проч.

Виноградов оказался в меньшинстве и ушел с своего поста.

Вышел из состава кабинета и Исаакович, а затем и Чиммерман. Это в связи с общими условиями вызвало кабинетский кризис, однако, в виду непрекращения председателем Временного Правительства прошения об отставке всех членов кабинета и, имея в виду срочную и неотложную необходимость разрешения вопроса по об'единению Дальнего Востока, решено было «попечь председателю Совета обратиться к Народному собранию с представлением об условиях, при которых возможно продолжение деятельности Совета управляющих в прежнем его составе».

Вместо ушедшего И. И. Чиммермана²¹³⁾ в управление делами финансов вступил А. И. Погребецкий.

С уходом чехов интэрвенция становилась чисто японской. Более или менее влиятельные представительства оставались у американцев и англичан, но и они постепенно сподились к нормальным консульствам, занятым, главным образом, вопросами экономического характера и разбором бесчисленных претензий граждан этих государств по прежним обязательствам различных бывших здесь правительств.

VI.

Разгром Семенова в Забайкалье. Правительственная делегация в Читу. Очищение ипонцами Хабаровского района. Активность Амурского правительства.

Середина и конец октября ознаменовались целым рядом событий, имевших весьма серьезные последствия для Приморья, а в частности и для Гражданского Правительства.

Верхнеудинское правительство, так своеобразно заявившее в Гангофе о своих претензиях на власть над всем Дальним Востоком, решительно перешло к реализации этих претензий.

При его содействии партизанское движение в Забайкалье, подкрепленное и другими замаскированными силами, оказалось настолько значительным, что вследо начало штурм Семеновской Читы. Составлявшаяся армия, так называемая, Дальневосточная Российская армия*), возглавляемая генералом Лохвицким, не имела особой склонности к защите Семенова.

При ее первом походении в Забайкалье, под командой генерала Водоуховского, не исключалась даже возможность свержения со власти самого атамана Семенова. Обычая между антисоветскими группировками издавна имела себе место и в Чите. Стороны в конце концов погиблились, но все же из предосторожности зиятельная часть Дальневосточной Российской армии была выведена из района Читы и разбросана вдоль железно-дорожной линии Чита-Манчжурия, Карганская-Сретенск.

По всем ли командованиям, или по другим причинам разброска этой армии была настолько не согласована с элементарными боевыми требованиями, что в постигшую ее в скором времени критическую минуту, она не была в состоянии развить всей присущей ей энергии.

Дружными, хорошо организованными, усилиями «партизан» Чита была быстро ликвидирована. Семенову удалось улететь на аэроплane.

Окруженный успехом, партизанский удар направился против разрозненных частей армии Лохвицкого. Они оказывали мужественное сопротивление, но почти вскору попадали в состояние полного скружения.

Оттесненная по частям армия вскоре очистила пограничный узел—ст. Карганску и с боем начала отходить к китайской границе в общем направлении к ст. Манчжурия.

*). Остатки быв. китайской армии, называвшейся чаще «китайской армией» в память недавно погибшего ее южда.

Находившиеся в Забайкалье японские войска хранили нейтралитет и, действительно, сознательно не противодействовали разгрому Семёнова. Японцы были связаны Ганьотским соглашением 17 июля 1920 года.

Наскоро образованная в Чите власть, из состава того же Верхнеудинского правительства, получила теперь свободный доступ и к дружественному ей Амуро, а создавшийся вскоре Амурский фронт быстро продвинулся уже и к северным пределам Приморья, к Хабаровску.

Момент был чрезвычайно удобный. Япония решила эвакуировать северную часть Приморья—всю полосу к югу от Хабаровска до Имана. Открылась полная возможность захвата Хабаровска амурскими войсками, т. е. упрочение влияния Читы-Верхнеудинска и в значительной части Приморья.

Во Владивостоке в это время назревал правительственный кризис. С выходом из Совета буржуазной части его состава значительно ослабла оппозиция и в тоже время укрепилось то течение, для которого план, проведенный новой Читой, не был праздебным. Это окрыляло читинских руководителей и усиливало их энергию и стремительность в проведении общего широкого плана. Им усердно помогал в этом находившийся в то время в Чите член Совета управляющих Приморья, вошедший затем и в состав делегации П. М. Никифорова.

С захватом Верхнеудинском Читы мысль о Владивостоке, как пункте съезда делегатов конференции по избранию Дальневосточного правительства, отпала. Таковым пунктом была назначена Чита, куда и должна была направиться Приморская правительственная делегация.

В состав таковой были избраны: председатель Совета—Биасик, управляющие ведомствами: труда—Никифоров, юстиции—Трутц и два члена Народного собрания—Кабан и Румянцев; первый—участник Ганьотского соглашения, второй—председатель крестьянской фракции большинства, всецело руководимый коммунистами, сам по себе человек неизначительный, но фанатичный исполнитель чужих руководящих указаний.

Делегация эта, соглашения которой подлежали ратификации Народного собрания, получила дополнительную директиву, которой указывалась: «невозможность образования центрального правительства в Чите до приезда делегации Временного Правительства»).

Допускалось лишь возможное: «образовать исполнительные комиссии для работ делового характера в зависимости от практических потребностей в следующем смысле: передъ до окончания работ конференции, в целях согласования практической работы областных правительства по отдельным отраслям управления утверждаются особые согласительные комиссии, состоящие из представителей всех областных правительств и действующих по директивам последних. Решения этих комиссий обязательны для отдельных областей и в пределах территории последних, лишь с согласия подлежащих правительства или их представителей».

*) О таком намерении со стороны Читинской конференции, на которой успели «специальными» представителями Амура и даже Камчатки и Сахалина, уже было сказано (см. Приложение № 3).

За отездом Бинасика председательствование в Совете было возложено на меня, но для большего спокойствия Совет, под влиянием социалистического блока Народного собрания, пронес в состав Совета членом без портфеля Б. М. Берлацкого, как моего заместителя.

Делегация выехала в Читу (через Хабаровск*), где была уже другая ранее отправленная делегация в связи с предстоящим суждением японцами Хабаровска.

Комиссия эта в составе уполномоченного правительства Цейтлина и представителя командования полковника Петрова выехала в Хабаровск в первых числах октября. Комиссия была снажена особой инструкцией для переговоров с амурскими властями и командованием, которой указывалось добиться от Амурского правительства возвращения в Хабаровск 3 пехотных полков и инженерного дивизиона, ушедших за Амур после японского выступления 4-го апреля, с включением их в состав войск Временного Правительства, после чего все войска Хабаровского района должны были составить особую группу, подчиненную через ее начальника командующему сухопутными и морскими силами Временного Правительства (Владивостокского).

Комиссия была отправлена в Хабаровск заблаговременно, чтобы иметь возможность до ухода последнего эшелона японцев занять этот город батальоном, перебрасываемым для этой цели из Имана, и кавалерийским полком из Анучино, а равно добиться заблаговременно освобождения всех групп военного и морского недомогания, находившихся в Хабаровске.

7-го октября имелось донесение из Хабаровска, что оттуда ушли китайские канониры и транспортные суда, с которыми выехали иностранцы и часть русских. Появились тревожные сообщения о появлении в Хабаровском районе больших шпек кухузов. Обнаружились в значительном числе и партизаны. На собрании их начальников обсуждался даже вопрос о зверистве партизан в городе.

21-го октября из Хабаровска ушел последний эшелон японцев. Охрану города немедленно принял на себя прибывшие роты пехотного (Ракитинского) батальона и резерв кавалерии. Начальником гарнизона был повышен Брокер. Гражданское управление находилось в руках уполномоченного Временного Правительства Милеена.

Одновременно с войсками Временного Правительства начали входить в город и Амурские войска в составе пехоты, кавалерии, артиллерии и железнодорожного батальона, в значительно большем, по сравнению с войсками Временного Правительства, числе.

Уполномоченный Пригорь Цейтлин, имеющий уже беседы с Амурским правительством и командованием, и лично видевшийся с ними, почему-то без своего военного сочельца, видимо, не возражал против входа амурцев в Хабаровск и вообще не особенно придерживался данной ему инструкции.

Еще 20 октября ему было приказано:

1) Потребовать категорической и полной смысла подчинения войск, перешедших на территорию Временного правительства, при чем никакие оперативные дей-

* Установилось безосновное сообщение по Амурской жел. дороге.

ствия не являются допустимыми без разрешения здешнего (т. е. Владивостокского, В. В.) командования.

2) Наказных изменений в порядке гражданского управления путем вмешательства военных властей.

3) Резервы милиции Хабаровской и Иманской должны использоваться по своему прямому назначению в этих пунктах и ближайших окрестностях.

Борьба их с хунхузами должна быть возложена исключительно на воинские части, в частности на Ракитинский батальон... и Забайкальский казачий полк, переданный из Амурино.

4) Использование воинского имущества в Хабаровске только с разрешения командующего войсками (Приморья.— В. В.).

Однако, к этому времени приходил не только ввод значительных вооруженных сил Амурского правительства в Хабаровск, но и смена начальника гарнизона этого города и даже отправка Ракитинского батальона на охрану железной дороги к югу от Хабаровска, а резерв милиции на борьбу с хунхузами.

В связи с этим Цейтлин докладывал, что сообщенные ему 20 октября условия являются неприменимыми для Амурского командования, но что оно отнюдь не будет вмешиваться в вопросы гражданского управления и что требуемое подчинение амурских войск Приморскому командованию будет осуществлено через прибывающего в Хабаровск начальника Амурской дивизии—Флегонтова.

Флегонтов действительно рапортовал о прибытии его частей в Хабаровск, а его начальник штаба докладывал о тяжелом положении с обмундированием и продовольствием, а также о недостатке денежных средств.

Все это, конечно, умно и умело проводимые формальности, за которыми совершенно определенно стоял главный факт захвата северной части Приморья и Хабаровска с его значительными еще запасами всевозможного имущества²¹²).

Последнее крутое средство— лишение полномочий и вывоз по Владивосток Цейтлина, явно проходившего чьи-то иные указания, посыпал вместо него новой комиссии в составе полковника Бутенко и Кашкадзина, наконец, новое подтверждение Совета управляющих ведомствами о категорическом прекращении дальнейшего ввода амурских войск—было только поспешным и издалеке жестом.

Физическая сила была на стороне амурцев, которые прекрасно к тому же понимали, что Приморское Правительство с ними воевать не будет.

Это ясно подтверждалось сообщением от 1 ноября, полученным из Хабаровска от председателя едущей в Читу правительственной делегации Приморья—Бинасика.

Он вскорь касался коренного вопроса о подчинении амурских войск, считая его «целиком делом генерала Болдырева», обяснял все недостатком плачущей информации и ориентировки. Полагал возможным пересмотр вопроса о снабжении войск Амурского правительства, обусловленного требованием полного подчинения (единственное средство воздействия на амурцев). Считал неотлагательным обмен амурских денег и отпуск 40 тысяч серебра (при и без того безнадежно падающей курсе буферок). И в за-

ключевое считал работу Цейтлина и его дальнейшее присутствие в Хабаровске необходимым.

Этия в сущности все и кончились. Весь юг Приморья до р. Уссури—линия передовых частей японцев—переходил в подчинение и обладание Амурского правительства. Фонды Приморья значительно понеслись. Перед столицей быстро усилившейся Читой, оно, в лице коммунистического большинства Народного собрания, представлялось уже обединенное и почтительным родственником.

VII.

Образование Дальневосточной Республики (-ДВР-). Проникновение Каштакской армии в Приморье. Моя ставка.

Владивосток, 1-го ноября.

Был американский представитель г. Смитт—утверждает возможность полного ухода японцев. Обычные замечания на необходимость финансовых и экономических мероприятий, но ничего реального, кроме враждебного отношения к закреплению здесь английского и японского капитала.

В 12 часов первое заседание президиума Совета управляющих под именем председательством. Долго обсуждался вопрос о выпуске загранштрафа серебра—последняя попытка в борьбе за понижение курса «буферов».

Разрешение англо-японской кампании занятия горнами изысканиями на Сахалине—это проба, как отнесутся к этому японцы, сообщившие о состоявшемся занятии ими русской части Сахалина лишь в порядке простого осведомления.

Представитель воинского управления Уссурийского каз. войска настойчиво просил оружия для борьбы с хунхузами в Бакинском округе.

Вечером говорил по прямому проводу с Хабаровском. Посланные туда на замену Цейтлина Бутенко и Кашкадамов подтверждают ввод амурских войск в город. Договор о подчинении этих войск Приморскому командованию (о подчинении естественно формальном) амурское командование, в лице политического комиссара Постышева, согласно подписать лишь из-за угрозы возможного вмешательства третьей стороны, т.-е. японцев. Положение было совершенно ясным, но присутствовавший вместе со мной у аппарата управляющий внутренними делами В. Я. Гуревич не соглашался еще в утрате Хабаровска. Он долго наставлял Кашкадамова: «вы понима, что... мы имеем в виду подчинение не формальное, но фактическое, хотя понимаем необходимость конкретных оговорок и уступок».

Последняя фраза губила все и с головой надавала уступчивость строптивого министра.

Положение действительно было ясным, и события ушли гораздо дальше вопроса с Хабаровском.

Уже вечером 29 октября, т.-е., когда приморская делегация еще не выехала даже из Владивостока, ей пришло рассмотривать наданную в этот день Читой «Декларацию конференции обединенных областей Востока»^{*)}.

^{*)} Полный текст декларации см. Приложение № 3.

При slанный текст декларации сопровождался, между прочим, заявлением находившегося уже в Чите члена делегации П. М. Никифорова. В этом заявлении Никифоров, считая для себя необязательными директивы Бременного Правительства, попросту требовал от своих, оставшихся еще по Владивостоке, сочинен по делегации телеграфных подписей под декларацией Бинисик, Трупп, Кабран и на все давно уже согласный Румянцев, поездка которых в Читу превращалась, таким образом, в простую прогулку, тем не менее добросовестно штудировали декларацию и выработали целых 10 пунктов с поправками к ней. Они решились даже пожурить своего нарушающего наказ сочиня Никифорова и постановили, что: «его действия и заявления, идущие вразрез с директивами Правительства, не будут и не могут быть признаны обязательными ни для Правительства, ни для Народного собрания»...

В этот же вечер делегация выехала через Хабаровск в Читу.

Что в Чите до сего времени предпринимали представителями и не особенно дожидались приморской делегации, видно из вступительных слов декларации:

«Мы, уполномоченные представители всего населения и всех областей Дальнего Востока, именем народа, нас избравшего, и правительства, нас delegировавшего, торжественно заявляем...» и далее: «догаданный до отчуждения народ через избранных своих представителей постановил».

Основные положения декларации были таковы: *)

1. «Вся территория бывшей Российской империи к востоку от р. Селенги, от Байкала до Тихого океана, включая области: западно-Забайкальскую, восточно-Забайкальскую, Амурскую, Приморскую, Сахалин, Камчатку, объединяется независимой самостоятельной Республикой (ДВР).

2. Все права бывшей Российской империи в полосе отчуждении Восточно-Китайской железодорожной линии переходят ДВР.

3. На территории ДВР устанавливается республиканско-демократическая власть.

4. Все вооруженные силы отдельных областей должны подчиняться единому командованию при Центральном Правительстве.

5. Всем офицерам, солдатам армий Компани, Каппеля, Семёнова гарантируется неприкосновенность, возможность возражения и мирному труду и своим службам.

6. Для выработки основных законов страны созывается Народное Учредительное Собрание по замону, выработанному конференцией на основе четырехчленной формулы и пропорционального представительства и не позднее шести недель со дня опубликования закона.

7. Конференция высылает Центральное Правительство из своей среды, которое устанавливает гражданские свободы, сохраняет институт частной собственности.

8. С момента образования Центрального Правительства областные правительства переходят на роль областных учреждений.

9. Устанавливаются дружественные отношения со всеми соседними государствами.

10. Признается автономия населяющих ДВР народностей».

В утешение Приморья и его делегатов добавлялось, что заседанием читинского Народного собрания 1 ноября принято постановление «о прекращении от ответственных работ в конференции до прибытия делегатов Владивостока». Это звучало иронией после принятия такого акта, как декларация,

*) На телеграмме № 0638 от 1 ноября Верхнеудинскому и Благовещенскому Следственным министрам.

В сообщениях Читы обрисовывалась и боевая обстановка к 30 октября.

«Группа Каппелевских войск генерала Благодарского, после удара партизанских частей, пошла на Акшу. Группа Унгерна потерпела сильное поражение в районе западнее Акши. Манчжурская группа, расположенная в районе Оловянная-ст. Манчжурин, потеряя связь по фронту, благодаря скрытим набегам партизан, проявляет плохо организованную активность. Партизанские части, очистив район восточнее Карымской, ведут наступление, конница преследует отступающего противника в районе Могойтуй, который занят нами».

Таким образом, смелая политика юдохновителей и руководителей Читинской конференции опиралась на несомненный успех над разбросанной, держащейся по частям кантемировской армией и на столь же несомненный доброжелательный «нейтралитет» японцев, связанных соглашением в Ганготре.

Из ряда переговоров Владивостока с членами делегации, связавшимися из Хабаровска с Читой, выяснилось, что поправки к декларации, которых делегация придавала особое значение и которые, через находившегося в Чите Никифорова, были доложены конференции, совсем пока не обсуждались.

Кроме того, стало известно, что конференцией выделен Деловой Президиум из семи человек, который в течение семи дней будет решать неотложные дела и должен будет выработать проект конституции центрального Правительства. Передавали также, что крестьянская фракция читинского Народного собрания будто бы заявила, что если приморские делегаты в течение этих семи дней не находятся в Чите, все вопросы, в том числе и состав Правительства ДВР, будут решены без них.

При первой же зачитывании декларации, с.-д. (меньшевики) заявили причины, по которым они отказываются от входления в Правительство, но обещали ему «поддержку во всех шагах по проведению демократической программы».

В состав вр. Делового Президиума правительства Дальневосточной Республики были избраны: председатель А. Краснощеков и члены—Иванов, Матвеев, Бреусов, Никифоров (депутат Приморья), Аникисов и Кузнецов.

Изданным президентом актом «о принятии власти» от 1 ноября 1920 года, адресованным всем областным правительствам, гражданским и военным правительственные учреждения, партизанским отрядам и всем гражданам Дальнего Востока, об'являлось:

1) «Всюду этого народа, выраженной на конференции в городе Чите через представителей об'единенных областей Дальнего Востока, по декларации от 29 октября сего года, вся территория от Байкала до Тихого океана об'является независимой Дальневосточной Республикой».

2) Согласно декларации конференции от 29 октября сего года и единогласного постановления конференции от 30-го октября сего года, вся полнота власти гражданской и военной во Дальнем Востоке, передъ до утверждения постоянного состава президиума правительства, вручается временному Деловому Президиуму правительства Дальневосточной Республики.

3) С 1-го ноября 1920 года временный Деловой Президиум правительства принимает на себя всю полноту общеизвестной власти, а потому существующие правительства территорий Дальневосточной Республики теряют свою общегосударственные функции и превращаются в органы общественного управления.

4) Все вооруженные регулярные силы переходят в подчинение единого высшего командования при правительстве Дальневосточной Республики.

5) Всем партизанским вооруженным силам и остаткам армий Колчака, Семёнова и Каппеля, где бы они на территории Дальневосточной Республики не находились, предлагается немедленно отдать себе в беспрекословное распоряжение главного командования или сложить оружие.

И этому акту, как и «декларации» конференции, нельзя отказать в категоричности и решительности.

Психологическая сторона момента учтена превосходно. Язык точный, краткий и понятный.

Владивосток. 2 ноября.

По докладам начальника штаба и главного начальника снабжений, отошлют стоя из-за недостатка средств. Финансовая депрессия, между тем, продолжается с непреклонной настойчивостью. Наше серебро (купюры чеканки) упало до 16-20 сен. (18-19 коп.) за рубль, несмотря на то, что анализ подтверждает его стоимость, как металла в 48-49 сен.

Американский военный департамент предъявил требование к Союзу маслоделов на 2 милл. долларов (4 милл. рублей).

Союз уже ликвидировал большую часть взятых у американцев тонн, но расплатиться не может. Назначенная ревизия тянется бесконечно.

В президенту Совета управляющих поступило заявление о создании своих полномочий финансово-бюджетной комиссией Народного собрания из-за непредставления Советом управляющих плана финансово-экономической политики.

Депутат Прокофьев готовит запрос по поводу катастрофы с серебром.

Ввиду этого решения занять Народное собрание законом о борьбе со спекуляцией, где по привычке будет упражняться словохитный В. Я. Гуревич.

По запросу о серебре выступил новый управляющий финансами Погребешин.

Финансово-бюджетную комиссию решено успокоить обещанием представить ей финансовый план через 10 дней. Берланский, подавший эту мысль, справедливо заметил, что, при сложившихся политических условиях, может быть, через 10 дней не понадобится и самого плана.

По слухам, в Чите не оставлена еще надежда видеть там меня в роли военного министра.

Генерал Андросский усердно скатает Чите военную академию и, конечно, видя приданныго—самого себя¹¹².

Японцы будто бы отзывают из Читы их дипломатического представителя Ватанабе и военную миссию. Кое-кто расценивает это, как желанную встречи с прибывающим на восток Каракиной—полномочным представителем Москвы.

Ошибки предложения Бутенко и Кашкальчика, направленные Трилеру (председателю Амурского правительства) в связи с Хабаровским вопросом. Разрешил им, если это будет необходимо по ходу дела, поездку в Благовещенск. Путь дальний, проезд сложный и не на приятных.

В Совете очень активен Б. Е. Смирский, фактически ведающий, с уходом Виноградова, иностранными делами. Всёцело работает на коммунистов, хотя и не принадлежит к их партии. Он имеет большое влияние на председателя Вр. Правительства А. С. Медведева^{314).}

Владивосток, 3-го ноября.

На улице снег и тайфун. Мелкие просители и драки. В Чите кипит работа. Деловой Президиум усвоил решительность и энергию конференции. Дождем посыпались декреты. По телеграфу получен важнейший закон о свободном хождении на территории Дальневосточной Республики всех денежных знаков, в том числе и советской России, кроме колчаковских.

Этот буйный вихрь в условиях Приморья не мог быть реальным, как не был реальный и целый поток приказов и распоряжений агентов новой центральной власти, о которой Вр. Правительство Приморья не имело никаких официальных извещений от своей полномочной делегации, ехавшей выбирать эту власть, и которая при всей обещанной «срочности» ее доставки все еще не могла докатиться до Читы.

Если вр. Деловой Президиум ДВР адресовал пока во Владивосток к «Приморскому Областному Правительству», то бесчисленные «Чупекаки», «Чуснабармы» и др., сопровождающие незадачливые для Приморья агенты Читы,слили свои, непременно внеочередные, телеграммы-приказы просто: «Председателю Земской Управы» и только.

Все это вносит сумятицу в умы. Закон о свободном хождении денежных знаков вызвал запрос в Народное собрание «о безусловно незакономерных действиях управляющего делами труда Никифорова», — теперь члены пр. Делового Президиума, — подписавшего этот закон.

Тем не менее декреты и приказы поступают. «Руста» (русское телефонное агентство) их усердно печатает. Гуревич оказывается с запрещениями, а общество недоумевает и негодует.

На экстренном заседании Совета управляющих опять обсуждали меры для удержания курса серебра.

Обед у дипломатического представителя Японии г. Мацуудайра. 10-го он покидает Владивосток, уезжает в Японию на новый дипломатический пост. Речи. Приветствия. Управляющий ведомством путей сообщения Кушнарев (коммунист) просил передать в Японии, каковы большевики на самом деле, — на что Мацуудайра оструожно ответил, что он «не предполагает заниматься в Японии пропагандой большевизма».

События в Чите, целый ряд постановлений новой власти, в сущности управлявших уже и Вр. Правительство и Народное собрание Приморья, побуждали выявить то или иное отношение и к событиям в Чите, и к выпущенным ею постановлениям.

5-го ноября, после долгих и жарких прений, Совет управляющих, иконец, выявило это отношение:

«Всемирно стремясь к возможно скорому прекращению гражданской войны, обединению областей и созданию центрального органа управления, Совет управляющих признал:

1) «Чтобы от 2 ноября временного Делового Президиума об образовании центрального Правительства и о распуске с 1-го ноября с. г. областных временных правительства является преходящим, так как, за отсутствием на конференции делегации Приморского правительства, не соблюдено обязательное условие, гарантирующее не только форму, но и существо объединения — добровольный союз областей.

2) Что правительство уполномочено входить в соглашение от его имени на конференцию делегацию в целом, но не отдельных членов ее.

3) Что распуск правительства приведет к конфликтам органов народного представительства там, где, как во Владивостоке, они живутся».

и постепенно:

1) «Вперед до достижения соглашения делегации Временного Правительства признать акты вр. Делового Президиума в Чите не имеющими обязательной силы на территории Приморского Временного Правительства.

2) Всем учреждениям на территории Приморского Вр. Правительства предложить и впредь выполнять распоряжения Совета управляющих ведомствами, который в свое время по достижении соглашения на конференции и по ратификации этого соглашения Народным собранием, не замедлит сложить свои полномочия, передав власть центральному Правительству Дальнего Востока».

Этот открытый «бунт» Владивостока несколько очистил атмосферу,нес некоторую устойчивость в работу государственных учреждений и в жизнь населения, но, конечно, не изменил хода событий, хотя и замедлил их темп.

Постановление Совета управляющих дало повод для новой агитационной волны. Появился ряд неподобающих телеграмм, осуждающих «предательство» Владивостока.

Читы продолжала посыпать декреты. Так, был получен декрет о передаче выдачи валюты из государственного банка и казначейства (каждый раз по разрешению правительства ДВР) и другие.

Судьба приморской делегации, застрявшей где-то на Амурской железной дороге, также начинала беспокоить Владивосток.

Постановление Совета управляющих Приморья от 5-го ноября, в свою очередь, раздражило Читу.

Явилась потребность для беседы. Председатель правительства ДВР Краснощеков говорил по аппарату с заместителем председателя Совета управляющих ведомствами Приморья — Берлинским. Присутствовали Гуревич и Кушнарев.

Оказалось, что приморская делегация находится еще далеко от Читы на ст. Кузига.

На фронте регулярные части и железнодорожные войска Читы заняли ст. Олонянку и Онон. Южнее идет борьба между партизанами и Семеновцами за обладание Борзинским трактом.

Читинское Народное собрание само распустилось. То же сделало и Верхнеудинское правительство, выделившее областное правительство западного Забайкалья.

Краснощеков негодовал на демонстрацию и недодчинение Владивостока, нешающие «так необходимому сейчас формальному обединению».

Берлинский заметил на это, что положение Приморья требует «сугубой осторожности и большого внимания к тем позициям, какие мы здесь зани-

ицем», и что только по приезде нашей делегации «конференция сможет разобраться в Приморском вопросе, разобрать сложный узел и совместно с ней найти ту или иную линию, которая действительно явится линией фактического обединения края. Без этих моментов до приезда делегации и участия ее в работах конференции Правительство наше считает работу конференции предварительной».

Гуревич добавил, что в Приморье сейчас приходится иметь в виду и опасность «толкнуть вправо умеренно-буржуазные группировки и уничтожить демаркационную линию, которая отделила их от воинствующей реакции».

Краснощекова, видимо, никакже не убедили эти соображения. Он ответил, что ему достаточно известно положение во Владивостоке (в этом, конечно, нельзя было сомневаться).

«Вы», — продолжал он, — «с такой же таинственной и сугубой осторожностью подходили к Хадабулаку^{*)}) и Чите... приезд вашей делегации не изменит положения... в понедельник вопрос будет решен, и спор будет иметь только исторический характер».

11 ноября удалось связаться по аппарату с приморской делегацией, захватившейся, наконец, до Читы.

Делегация несомненно опоздала. Из сообщения ее председателя Банаскина было ясно, что делегация не смогла даже сделать заявление от имени Вр. Правительства, и что и Совету управляющих и Народному собранию Приморья придется сделать одно: выяснить свое отношение к иначе избранному в Чите Правительству. Делегация была поставлена перед фактом избрания этого Правительства.

По принятому проекту Краснощекова, являющегося фактическим творцом читинских событий, правительство ДВР составляла семерка, обладавшая всей полнотой законодательной и исполнительной власти, при ней, ею же назначаемый, Целевой Совет министров.

В состав Правительства вошли: Краснощеков, Матвеев, Никифоров, Румянцев, Иванов, Бреусов и Кузнецов. Таким образом, и второй член делегации — коммунист Румянцев, оказался в составе правительства ДВР. Человек исключительный, он тем не менее был нужен в этот момент для нахождения на фракцию крестьянского большинства приморского Народного собрания. По изложению надобности, он быстро был снят с своего высокого поста и великодушно возвращен Владивостоку.

Остальные три члена делегации были в оппозиции краснощековскому проекту и не только теряли значение, но вместе с ним и необходимую возможность сношений с посланием их Правительством.

Им всегда приходилось очень торопиться при пользовании телеграфом, или что было еще чаще — таковой при их появлении оказывался занятым.

11 ноября был сформирован и Совет министров в числе 13 человек. Краснощеков принял на себя здание иностранных дел, Никифоров — государственно-политическую охрану и Румянцев — социальное обеспечение.

^{*)} Погода первой парламентской делегации Приморья.

Самостоятельный позиции Владивостока явился доказанной задержкой в той работе, которую, надо в этом признаться, до сих пор блестяще выполнял Краснощеков. В сложной обстановке он оказался твердым реальным политиком, неуклонно идущим к поставленной цели.

Упорство Владивостока надо было ликвидировать. Для этой цели были пущены в ход все так или иначе полезные силы: пресса, Народное собрание, профсоюзы, партизаны и пр.

Результаты почувствовались немедленно. Местные большевики решали 13-го приступить к выборам областной «семерки» и ликвидации Народного собрания.

Владивостокская милиция заявила о подчинении Чите. Действительно, инспектор милиции, как оказалось, получал директивы не от своего начальства—Приморского Управления внутренними делами, а от усилившего свою деятельность Дальнобюро ЦК РКП. Управляющий внутренними делами Гуревич заявил о выходе в отставку. Это, конечно, меньше всего оторвало коммунистов, склонявших без помехи столь важным аппаратом, как милиция.

Между тем, на плечи Бр. Правительства, при общем физическом затруднении, свалилась новая неожиданная забота: англичане доставили во Владивосток около 3.000 бывших русских пленных в Германию. Размещение и устройство их в переполненном городе, при залете огромного числа помещений интернатами, было делом не легким. Я принял заботы за себя. Отправными усилиями воинского ведомства дело было узято.

Тем не менее и это обстоятельство было использовано—Центральное бюро профсоюзов Владивостока усиленно ~~сразу~~ «требовало» исключительных забот Правительства о военнопленных и немедленной отправке их на родину. Между тем, ДВР, заявившее о запрещении пропуска через границу с советской Россией, упорно молчало на все запросы по этому поводу.

Эвакуация задерживалась. Военно-пленные начали пишать по всем правительству.

Все ведомства ссыпались приказы и распоряжения из Чить, исходу в управлении оказались свои люди, их противодействием работа стопорилась, служащие, сбитые с толку, с трудом несли свои обязанности.

По городу упорно ходили слухи о поголовной вооружении коммунистами грузчиков, об организации рабочих рот. Правительственные осведомительные органы менее всего осведомляли обо всем, кажется, только Правительство.

Это с одной стороны.

С другой—началось определенное оживление и в правых группировках. Действительная свобода печати обеспечивала возможность газетной «свежести» обоним враждующим крыльям. Только правительство не имело своей газеты и свободно подвергалось ударям с обеих сторон.

Эсеровская «Всем» все время оглядывалась налево, «Слово» печатало портреты бывшей царской семьи и взыходило о прелестях монархии. «Красное Знамя» упорно вело к власти Советов и, как к временному этапу на этой пути,—к Чите.

В. Г. Болдырев. «Директория Китая. Интервью»

12-го ноября меня посетила делегация несоциалистических группировок. Она просила решительного заявления о той позиции, которую в создавшейся обстановке предполагает занять Правительство.

Настроение делегации было весьма приподнятое и непринужденно враждебное к ДВР. «Все члены, как в фокусе, тянутся к нам—мы вам раньше не доверяли, ведь резкую кампанию в нашей газете («Слово». В. Б.), но теперь перед лицом общей опасности все счеты ликвидируются».

Я несколько согласился с этим, обращенным ко мне заявлением, вчерашнее настойчивое приглашение в Читу, переданное через Берийского Краснощековым.

Оять, видимо, обе стороны нуждались во мне и оять я предложил оставаться сажией собой, оттаяться поэти одиночка в этой новой вспышке весны затягивающейся ожесточенной борьбы²¹⁷.

В заявлении делегации учитывалось и настроение из Алеутской улице (штаб японского командования). Были ли правые в неведении? На что они рассчитывали? Ведь слишком еще свежо было в памяти юльское соглашение в Ганготре, по которому на роль «демократического буфера от Байкала до Тихого океана», меньше всего могли претендовать правые группировки Владивостока.

Кто же и кому был более нужен: японцы правых группировкам русского Дальнего Востока или наоборот?

Весьма резкой в отношении Читы была и представленная мне резолюция домовладельцев Владивостока. В этой резолюции, между прочим, домовладельцы говорили:

... «Представляя из себя покрывающее большинство постоянного и оседлого населения города, в наибольшей степени связанные с русскими интересами на Дальнем Востоке, не будучи безоружными, общее собрание постановило: по поводу попыток, так называемой, читинской центральной власти обратиться с протестом к Временному Правительству, японскому командованию и консультскому корпусу и просить, предъяв организаций и упрочнения законного порядка во главе с Временным Правительством, защити от попыток коммунистов захватить власть на окраине».

Что японское командование не осталось безразличным среди создавшегося общего напряжения—это тоже весьма скоро выяснилось.

12-го ноября я, в частном порядке, получил приглашение генерала Оон присутствовать на заявлении, которое он имел винду сделать приглашенным им и этот день вечером председателю и представителям всех фракций Народного собрания.

Причтение этого приглашения со стороны Народного собрания было большой ошибкой. Народные представители могли получить это заявление обычным порядком через свое Правительство. Но такова сила внушения и своих и, особенно, чужих штыков. Я был знаком с особенностями японских приемов и поехал посмотреть на это сидение.

В приемном зале уже сидели несколько смущенные депутаты. Ожидание тянулось больше установленных для сбора обычных четырти часа.

Что депутатов попытаются «поддержать»—в этом не было сомнения.

Я подозвал проходившего офицера штаба и передал, чтобы он немедленно доложил кому следует, что члены Народного собрания уходят. Это по-

действовало. Сейчас же пригласили в другой зал, где, вышедший генерал Оой, и наложила окончание сорокапятью раздающим печатного текста заявления.

На следующий день я, как вр. и. д. председателя Совета управляющих ведомствами, получил от Ооя извещение, что, виду создавшихся политических обстоятельств в здешнем крае, он нашел необходимым поставить в известность русское население о позиции японского командования и «в 9 час. вечера 12 ноября представителям всех политических партий и фракций сделал прилагаемое при сем заявление».

Содержание заявления таково:

«Господа представители всех политических партий и фракций! Сегодня я пригласил вас с тем, чтобы поставить вас в известность о позиции нашего командования и об его отношении к Вр. Правительству Приморской области, в связи с колебанием политической атмосферы в здешнем крае, в зависимости от обединительной конференции в Чите, во избежание возможного нежелательного конфликта. В видах поддержания порядка в крае я донесу до вашего сведения следующее:

Я не раз объяснял, что в районах расположения японских войск недовольствами коммунистическая власть. Судя по тому, что творится здесь под влиянием создавшегося риска по вопросу обединения Дальнего Востока, какое только что назначает защищаться, политическая обстановка обстоит весьма остро. Мы опасаемся, что в связи с изложенными не нарушился бы порядок и спокойствие в районах расположения японских войск.

Для обеспечения безопасности пребывания японских войск в крае, и также ради политического спокойствия в районах расположения наших войск, между японским командованием и Бревенним Правительством состоялось соглашение о прекращении военных действий и обмен меморандумами о буферном образовании, которые, независимо от хода обединительной конференции в Чите, имеют свою силу. Поэтому японское командование не может допустить, что бы какое-либо третье лицо, без ведома японского командования, осмелилось нарушить существующий политический порядок и спокойствие в крае.

Последняя фраза звучала явной угрозой. Кроме того, в содержании заявления была и существенная неправда. В заявлении говорилось об обмене меморандумами с Вр. Правительством о буферном образовании, чего в действительности не было*. Такой обмен имел место, но не с Вр. Правительством, а с представителем бывшего Верхнеудинского правительства—Шатовым и Ганготе.

Несколько подробнее отношение японского командования к наступающим событиям обрисовано в одном из документов, оказавшегося в управлении внутренними делами. В нем, правда, со слов японской гвардии, говорилось, что «мы (японцы) не приложим замечу существующего правительства и для предотвращения беспорядков, вытекающих отсюда, на них будут приниматься самостоятельные меры» и что это является «политикой местного командования, но она разработана в согласии с центром».

Кого на этот раз имело в виду заявление японское командование—Земское правительство или тех, с кем оно подписало соглашение в Ганготе?

Какое же отношение к создавшимся условиям было со стороны Вр. Правительства? Оно почти не реагировало ни на них. Все правительство к это-

* Заявление генерала Ооя могло иметь в виду лишь односторонний меморандум, поданный генералом Таханаги от 1 декабря, на свое имя, о непосредственных сношениях японского командования с приморским правительством, по вопросам, касающимся японских войск, даже в случае признания им ДВР.

иу времени представлялось в сущности одним его председателем А. С. Медведевым, но и он, покуренный и измотанный противоречивыми опекунами, думал об одном—о сложении своих полномочий и передаче их Чите.

Таким образом, все политическое руководство сосредотачивалось в Совете управляющих, но и здесь работа становилась крайне трудной. Добрая половина Совета была явными или скрытыми, если не верноподданными, то, во всяком случае, сторонниками Читы.

Тем не менее, Совет управляющих должен был высказаться, по крайней мере, по основному вопросу, касающемуся обединения областей ДВ. Это было поручено мне в заседании Народного собрания 18 ноября.

К этому времени был уже известен приказ правительства ДВР от 11 ноября, адресованный телеграфно просто: «Преднародсобранию и Медведеву», последнему, видимо, уже как частному лицу.

Этим приказом Народному собранию предлагалось издать постановление «о распуске Совета министров, избрать из состава Народного собрания представителей и избрать их в Земскую Управу, усилив областное самоуправление». Президент же Вр. Правительства должен был «издать указ о снятии с себя государственной власти и передаче ее центральному правительству».

В числе подписавших закон были: членающий еще управляющие делами труда, Никифоров, и не сложивший своих полномочий член Народного собрания Принория, Румянцев.

Столь простой и решительный метод подчинения, может быть, весьма удобный и целесообразный для Верхнеудинска и даже, пожалуй, для Амура, совсем не годился для Приморья в тех условиях, о которых говорилось выше, при наличии третьей, вполне реальной силы—интервентии, которая заявляла, славянским генералом Оой, пока еще далеко не устранилась от вмешательства в ход политической жизни Приморья.

Вновь пережидать 4-6 апреля ни у кого не было особой охоты.

Правительство, в лице Совета управляющих ведомствами, каким бы оно ни было, имело известные обязательства перед Народным собранием, а это последнее перед населением,—и так просто отмалнуться от всего в угоду Чите было нельзя.

Делегация Приморья не только не принимала никакого участия в том, что произошло в Чите, но, видимо, не могла даже диктовать Совету управляющих необходимых информации о том, что там происходит. Президент делегации Бинасик все время спасался «перерыва провода» и ограничивался передачей кратких срезей о совершенных уже фактах. Погутно он просил обсудить не только постановления Читинской конференции, но и действия самой делегации, не выполнившей, или не имеющей возможности выполнить те инструкции, которые были ей даны Советом управляющих, которые были утверждены Народным собранием и которые были положены в основу добровольного говора по выбору центрального Правительства в Чите.

Эти и целый ряд других соображений и были наложены мною от имени Совета управляющих в виде выступлении перед Народным собранием 18-го ноября.

Довольно продолжительная речь была закончена заявлением, что Совет управляющих, вперед по возвращении делегации и ее подробного доклада о событиях в Чите, твердо остается на своей прежней позиции, выраженной постановлением его от 5-го ноября^{*)} того года.

После горячих прений Народное собрание постановило:

1) «Декларация конференции от 29 октября является для него по содержанию в общем и целом признанной».

2) Выражает уверенность в возможность признания Центрального Правительства ДВР, не учитывая положение Приморья. Народное Собрание считает необходимым добиваться соглашения с образовавшимися в Чите правительством ДВР, на следующих основаниях:

1) Сохранение Народного Собрания с переименованием его в Народное Собрание Приморской области, с правом законодательства по вопросам местного значения.

2) Сохранение existing исполнительного органа, ответственного перед Народным Собранием, с исключением из его ведения функций управления военными и иностранными делами и обще-финансового законодательства, которые должны быть переданы Центральной власти.

Вместе с тем Народное Собрание считает необходимым высказать категорическое пожелание о включении в состав Центрального Правительства представителей всех existing-демократических партий, которое гарантировало бы действительное проведение в жизнь демократических принципов, декларированных читинской конференцией.

Выразила надежду, что избранные в Чите правительство, учитывая особое положение Приморской области, войдет на встречу пожеланиям Народного Собрания, таковых в согласии с majority Совета управляющих, а также призыва по линии сообщение Председателя Совета **), переданное по измому проводу из Читы, — считает необходимым отложить вопрос об окончательной ратификации актов Читинской конференции до получения удовлетворительных ответов на посыпанное, или до приезда правительственной делегации и переходит к очередным делам».

Это постановление, устанавливающее «буфер в буфере», и легко в основание состоявшегося вскоре соглашения с Читой.

Ускорению соглашения в значительной степени содействовал начавшийся развал внутри самого Совета управляющих, испытавший весьма сложный для Правительства опрос о пропуске на территорию Приморья, вытесненных из Забайкалья, остатков Каппеленской армии.

После разгрома Семёнова в Забайкалье, втянувшим в борьбу калмыцкую армию, продолжая испытывать неудачи, постепенно отступали силы ДВР к границам Китая.

Японское командование, занимшее роль почетного арбитра в этой новой братоубийственной схватке, около середины ноября попыталось, никоем, имеясь в такую. Посланный в Забайкалье небезызвестный японский полковник Исико телеграфировал из Харбина Краснощекову, что, инициируя нарушения заключенного между японским командованием и ДВР соглашения (Ганготра), он предполагает «немедленно отдать приказ о выходе всех партизанских отрядов на правый берег Ойона и к западу от реки Уны, к северу на линию ст. Жидкинская-Голинское-Нерчинский завод. В случае отказа иного будут затребованы военные силы главного командующего»...

^{*)} См. стр. 382 и 383.

^{**) M. C. Биннисика.}

В ответной телеграмме Краснощеков выразил готовность обезоружить партизан, наставив, в свою очередь, на полном разоружении армии генерала Верхбицкого⁷⁾ (каппеленцы).

15-го ноября Иомэ телеграфной уже со ст. Манчжуриня, на имя Краснощекова и Эйхе (чиновский главнокомандующий) повторил свою просьбу, «применить самые решительные меры по прекращению бесполезных действий партизан и сосредоточению их в определенных пунктах по линии,нюю вам предложенной», при чем добавил: «с сюю стороны, принимаю меры к недопущению передвижения с целью наступления сибирских войск».

В телеграмме этой Иомэ, как истый самурай, склонный к поэтическим образам, отводил достаточно места своим непосредственным ощущениям: «заносимый снежной метелью, дожу по местам столкновений и наблюдают результаты бесчисленных налетов партизан, и безгранично скорблю от действительного тяжелых исчадий кровавой бойни»... «Неужели (это относилось уже к Краснощекову и Эйхе)—красный окраинный кровью, снег скажет о наших блестящих заслугах в истории Дальнего Востока?».

Все эти телеграфные разговоры оказались только разговорами. Каппеленская армия в конце концов принуждена была отойти к границам Китая и, по разоружению, перейти на китайскую территорию.

Постановления здесь в весьма тяжелые условия, морально подавленная, начинающая голодать, армия эта, конечно, не могла рассосаться в Китае. В полосе отчуждения и без того скопилось огромное количество безработных.

В этих условиях армия естественно покатилась в сторону Приморья, перед правительстvом которого становился в упор вопрос: пропускать или не пропускать этих лозней, представлявших скорее токи беженцев с семьями, детьми, больными и ранеными, нежели грязный боевой материал?

Совет управляющих, обсуждавший этот вопрос в заседании 26 ноября, вынес отрицательное решение. Было постановлено: 1) «поручить управляющему иностранными делами обратиться с протестом к японским и китайским властям по вопросу о продвижении в Приморье по К.-В. жел. дор. беженцев, инвалидов и частей каппеленских войск» и 2) ему же «вынснить, откуда и с какой целью продолжаются в Приморье беженцы и части каппеленских войск»...

Я и три других управляющих ведомствами—С. Н. Николаев, И. А. Якушев и Г. И. Бострем—находили странным направление протеста к японцам и китайцам и остались при особом мнении, жалкая невозможным «поспирение въезд на русскую территорию Дальнего Востока русских граждан».

На следующий день Якушев, считая для себя принципиально и морально непреодолимым постановление Совета управляющих ведомствами от 26 ноября с. г., подробно мотивированным заявлением просил об исключении его из состава Совета и об отставке.

Постановление 26 ноября, оставленное крайне непринятный осколок у членов Совета, вызвало чрезвычайно оконченные толки и в обществе.

⁷⁾ Вступил в общее командование после оставленного армию и уехавшего в Харбин генерала Лоянцикого.

Японское командование реагировало на него двумя, представленными вине меморандумами: 26-го ноября—через проф. Хигути и 28 ноября—через начальника штаба японских войск генерала Такаянаги.

Первый опровергалось какое-либо участие японских военных властей в деле продвижения в Приморье каппеленцев, вторым—подтверждалось то же самое, с указанием, что переброска желающих направиться в районы К.-В. жел. дор. и в Приморскую область «должна быть решена непосредственными окончаниями с китайским правительством и с Приморским Бр. Правительством».

Далее сообщалось, что Семенов просил японское командование сказать ему покровительство, на что было выражено согласие, и что «поезд Семенова, под легальной охраной, направлен в Приморье», при чем «главнокомандующий японскими войсками решил так, чтобы с ответственностью заставить его удалиться из Приморской области».

Семенов действительно скромно, без особого шума, приехал в Гродеково, под сильной охраной японцев, закрепить здесь свое влияние и его претензии на возглавление Приморья. Столь стремительная и бесславная потеря Забайкалья, видимо, не охладила его стремлений к власти. Пока он был еще нужен Японии и не утратил окончательно надежд.

Бумажное решение Совета управляющих, не имеющего реальных сил его осуществления, совершило не измену хода событий.

29 ноября был даннут со ст. Манчокуря к Пограничной первый эшелон киппеленцев. 1-го и 2-го декабря эшелоны с больными и ранеными просочились через Пограничную и докатились до Никольск-Уссурийска.

Началось быстрое скопление эшелонов на самой Пограничной. Китайцы всячески энергично требовали немедленного их пропускации в Приморье, что угрожало забыткой путей и прекращением сообщений Харбина с Владивостоком, т.-е., прекращением транспорта и полной бездеятельностью Эгершельда (района разгрузок во Владивостоке) с его многочисленным рабочим населением (грузчиками).

Японское управление военными сообщениями, с своей стороны, гротескно приветило исключительных мер для расчистки путей, для восстановления пранильности сообщения и снабжения их войсковых частей.

Совет управляющих исключительно формально взглянул на этот вопрос, полагая своим бумажным решением приставить живой поток голодающих, больных и раневых людей, которые, как огромный вал значительного напряжения, стремился прорваться из чужой земли на свою территорию. Несомненно, если руководитель этой беженской армии понимал опасность Приморья, то сплошь масса просто недоумевала—почему ее, гонимую китайцами, непускают на русскую землю. В ее представлении Приморье не было советским и она, со слов ее пождей, не предполагала там встретить вражды.

Ввиду создавшегося угрожающего положения в районе ст. Пограничной и полного бездействия Совета управляющих, укрывшегося за своих близких протестом, кому-то надо было вмешаться в это дело.

В силу имеющихся соглашений ответственными за железнодорожные перевозки, при фактическом руководстве таковыми особым «Междусоюзным советом», являлись ведомства путей сообщения и, глашным образом, воинное.

Первое, руководившее коммунистом Кушнаревым, особой телеграммой управляющего Уссурийской ж.д. дорогой разило, что все «японские перевозки совершать лишь по нарядам начальника военных сообщений и комендантов станций, а от захвата паровозов и подвижного состава просить гарантировать дорогу японской командование».

Ясно, что все умыслили руки, перекладывая всю ответственность на плечи военного ведомства, т.е., фактически на меня. Я был болен эти дни, тем не менее начальником моего штаба 3-го декабря был срочно командирован на ст. Пограничную начальник военных сообщений и собрано экстренное заседание Междусоюзного совета по железнодорожным перевозкам.

В этот же день начальником штаба от моего имени был сделан личный доклад председателю Совета управляющих Бинниску о положении дел на дороге, и представлен мой письменный доклад Совету.

Бинниск заявил, что «у Правительства нет еще определенной точки зрения на этот вопрос» и не дал никаких определенных указаний. Он не возражал против проектируемых мер и одобрил командирование начальника военных сообщений.

Этот лудый ответ стоил того буяжного барьера, который большинство Совета думало преградить написк, подталкиваемых китайской вооруженной силой, капелланом.

Междусоюзный совет тоже вынес постановление—отписку, что он разрешает перевозку 1-2 эшелонов в сутки, «оставляя выполнение таких перевозок на распоряжение властей, которых это касается». Между тем, в районе Пограничной и близайших ст. набралось уже до 26 эшелонов. Китайцы требовали продвижения не менее 14 эшелонов в ближайшие трое суток, нали силой через границу высадившихся здесь людей.

Тем не менее, руководствуясь постановлением Совета управляющих от 26 ноября, штаб приказал приостановить отправку эшелонов с Пограничной. Без применения вооруженной силы приказание это было не реально, оно только усилило сложность положения и еще более раздражало общественное мнение.

Прибывший на ст. Пограничную начальник военных сообщений доложил:

«...я вывел заключение, что для них (китайского командования) совершенно непонятно, как русские люди могут так спокойно и безразлично относиться к судьбе своих соотечественников, если они, граждане другой нации, признали самое теплое участие в русских беженцах, женщинах и детях и перевозят их на свою территорию.

Я являюсь здесь очевидцем того позора, которому подвергаются здесь лучшие люди России. Сегодня на станцию Пограничную прибыл людской эшелон и, видя невозможность следовать далее по железной дороге, принужден был совершить свой дальнейший путь пешком... разоруженные изны, под вооруженным концом китайских войск, направились к своей русской границе».

Действительно, положение осложнилось до чрезвычайности.

Мне поняты суровая необходимость штыков и пушек преградить дорогу, когда это необходимо и когда этого действительно хочешь.

Я видел жуткую картину: беженцы—старики, дети и женщины со скотом и милицей скопцом между синяющимися отчесными линиями враждующих сторон на фронте мировой войны...

Понят бы посыпку Советом управляющих резерв милиции с твердым запланированием, что он огнем загородит дорогу в Приморье, но бумажный протест большинства Совета к японцам и китайцам—это было решение грустной беспомощности, не удачивающей ясно, как посмотрят на ее распоряжения новый неизбежный хозяин подчинения.

Преседатель Совета управляющих был в то же время и председателем особой комиссии, которая еще в августе, в связи с приездом генерала Дитрихса, должна была дать себе ясный отчет о находившейся, кто они: врачи? друзья? или просто обломок отработанной силы, который после событий в Забайкалье, естественно, покатится к последней границе, к берегу Тихого океана? Комиссия не удосужилась заняться этим вопросом, и в экстренную минуту правительство оказалось «без определенной точки зрения» по этому важнейшему вопросу.

Эшелоны пошли, неорганизованно заполнив полосу железной дороги. Ввиду этого я приехал смотреть на продвигавшийся в Приморье клинцев, как на совершающийся факт, и привести первы к упорядоченному расквартированию их, разверстие больных и раненых во госпиталии и других лечебных заведениях.

Это вызвало бурю в Совете. Мне приходил кардинальный вопрос о нарушение воли Совета и Народного собрания.

Но в то же время мне же было поручено особой директивой председателя Совета управляющих от 7 декабря сделать заявление в русско-японской согласительной комиссии о подтверждении протesta Правительства против проникновения в Приморье клинцев, при чем указывалось, что вопрос этот «продолжает обсуждаться Правительством и Народным собранием и будет разрешен сегодня или завтра», т.-е., 8 или 9 декабря, когда уже значительная часть эшелонов осела по линии от Пограничной до Никольск-Уссурийска.

Вопрос о моих «преступлениях» был вынесен на пленум Народного собрания. Голосование за непротух большинство Совета нашло в этом выход из положения. Здесь в процессе довольно острых прений, по странной случайности, с намеком о недоверии ко мне со стороны левого крыла Народного собрания выступил депутат Цейтлан, который 8 месяцев тому назад сообщил мне заявление социалистических группировок, во коммунистов включительно, о желании видеть меня во главе военно-морского недомыслия.

Я подробно изложил свою точку зрения на вопрос о пропуске и в то же время напомнил о событиях, связанных с 4-6 апреля.

Тогда я был нужен, и я, не колеблясь, дал свое имя, так как считал это необходимым в интересах Родины и русского дела; сейчас обстановка изменилась, и я ни одной минуты не останусь на своем посту, раз возникла хотя бы тень недоверия со стороны Народного представительства, идею которого я глубоко чую.

Я вышел из состава Совета управляющих, а 12 декабря покинул и пост командующего сухопутными и морскими силами Приморья⁽¹²⁾.

«Восемь месяцев тому назад», — писал я в прощальном приказе, — «после гибких дней 4-6 апреля, в тяжелые минуты почти полного государственного распада, мне пришлось вступить в исполнение обязанностей по военному и морскому командованию.

В силу особых условий международного характера, Приморье оказалось без армии и с разоруженным флотом.

Пришлось с первых же шагов начать тяжелую и упорную работу за восстановление и сохранение суверенных прав России на армию и флот, здесь, на Дальнем Востоке.

Несмотря на все затруднения, удалось сохранить горсточку русских войск; часть боевых судов флота получила возможность выхода в море»...

«Этот сравнительно небольшой результат, тем не менее, имел огромное идеическое значение, к его достижению приложили свои усилия все высшие начальники, каждый рядовой в армии и каждый матрос во флоте.

Всем им мой прощальный звон:

...«все для службы родному народу, непоколебимая верность интересам родной страны»...

Вся эта история с каппелевской армией была немедленно использована пранами группировками. Они оценили затруднительное положение правительства и посыпали соответствующую работу и в общество, и в среде самих армии.

Действительно, правительство не учло положения. Вместо того, чтобы перед исключительностью прорыва этой массы людей, которую, кроме естественной нужды, толкало и скрытое содействие посторонних сил, принять меры к ее полному обезврежению и привлечению на свою сторону головных элементов, Совет управляющих своим решением возбудил только ненависть к себе и бросил эту массу, которая вследствие все же сумела наделить до 10 тысяч бойцов, в руки враждебного лагеря, что, несомненно, имело огромное значение для событий, которые произошли затем и на следующем году в Приморье.

Уход мой был неизбежен и помимо истории с каппелевской армией. С каждым днем становилось все яснее и яснее, что, как Совет управляющих, так и вообще правительство Медведева, доживают последние дни. Медведев почти силой удерживали от заявления о сложении власти и передачи таковой Чите.

Вопрос о признании Читы, как центрального правительства Дальнего Востока, приближался к его естественному разрешению. Совет управляющих 18 ноября отложил окончательное решение этого вопроса до возвращения правительственной делегации, ездавшей в Читу. Народное собрание тоже согласилось с этим решением.

Делегация возвратилась. Ничего существенного к тому, что было уже известно о совершеншемся в Чите, она не прибавила.

В Совете управляющих опять не получилось определенного поддержанного большинством решения по вопросу о признании ДВР; одно из предложений было отклонено, а два других получили одинаковое большинство.

Вопрос был перенесен на обсуждение Народного собрания, одновременно с рассмотрением проекта закона о выборах в Учредительное Собрание Дальнего Востока, предложенного Читой.

Ясного отношения к вопросу о признании правительства ДВР требовали и японцы в целом ряде меморандумов (26 и 28 ноября и 1 декабря) на свое имя.

Ими высказывалось опасение, что в случае безоговорочного признания Прибрежьем Читы, они, японцы, впредь до начала официальных сношений с такой, могут столкнуться с фактами нарушения, заключенных Приморьем, соглашений с японским командованием.

Нарушение этих соглашений японское командование не считает возможным и будет охранять всеми мерами, о чем заблаговременно извещает Временное Правительство и, косвенно, конечно, претендующее на обединяющую роль правительство ДВР.

Кроме того, японское командование заявляло, что оно не допустит вывоза в Читу серебра, золота и других ценностей, которые, в силу состоявшихся соглашений, должны находиться в Приморье, как обеспечение жесткого Правительства.

Я, вполне сознавая, что Народное собрание, в лице его большинства, подготовлено к признанию правительства ДВР, и выступал на состоявшемся решавшем заседании скорее «для истории».

Стлично понимая сущность читинского демократизма, определив его политический смысл, я, тем не менее, создавала торопливость в распространении его на Приморье. Эту точку зрения я поддерживал в Совете и, пользуясь заявлением, сделанным его председателем, что каждый член Совета может от своего имени высказать мотивы выдвигаемого им решения, поскольку себе воспользоваться трибуной Народного собрания.

Я говорил, что приезд членов правительства для доказательства не рассеял моих сомнений в вопросе о признании ДВР.

...«в строго объективном докладе председателя делегации Бакасика про-
зывало лоти и не совсем определенно, признание, что соглашения в Чите и
сущности не произошло... Член делегации Кабинан просто поддергался от
вокализа и только член делегации Трупп в своей горячей речи мужественно
прекратил ту завесу, которой скрылся от нас то, что произошло в Чите»...

А произошло там вот что:

...«Владивостокская линия потерпела крушение, собравшись в Чите наиболее ответственные и самостоятельные зенти по вопросу об обединении они поняли, что им остается одно — стать перед совершеншимся фактом, отказалось от своих первоначальных условий, и исхать лишь того или иного подхода к этому факту, откастаться от того горного права инциденты, из которых они рассчитывали, как раннепрарная договаривающиеся стороны и, конечно, если бы не исключительность обстановки Приморья, этот подход выразился бы просто в капитуляции перед Читой».

Вероятно, и здесь, так же, как и в Чите, «доведенный до отчаяния народ» быстро предрешил бы судьбу Народного собрания, и в великой сибирской драме, эпизод которой разыгрывается здесь, у берегов Тихого океана, оказав-

лось бы два одинаковых акта, расыгравших в Чите и Владивостоке. Но этому мешает, как я уже сказал, исключительность сдешней обстановки.

Вот, учитывая эту обстановку, строго анализируя ее, надо найти решение, наиболее обеспечивающее интересы Родины и обуславливающее необходимость прекращения братоубийственной войны, безмерно терзающей страну и Народ. Я пока останусь в стороне международные силы, хотя они тесно связаны, и даже более—являются до известной степени основой того исключительного положения, которое имеется в Приморье, и, тем не менее, пока остановлюсь исключительно на особенностях наших чисто внутренних.

Что же мы здесь имеем?

Прежде всего, победно шествующий коммунизм, перед которым ясны преследуемые им цели. Он ищет средство для их достижения и, при дружной поддержке даже врагов, таковые находят. Для него все ясно и просто—это определенно звучит в речах ораторов коммунистической партии.

Так, депутат Контигин определению заявляет, что для него «на путях к великой цели даже Народное собрание такой пустяк, с которым не стоит считаться, и если Народное собрание нужно только, как средство, это можно и оставить». Мысль, что бы когда, ни в одном уголке необъятной России не осталось бы места, где бы не царили идеи коммунизма,—слишком заманчива. Чего будет стоить ее превращение—это пустяки. В целях дальнейших мировых завоеваний Россия—только средство, этап—не более.

Такая постановка вопроса ясна, определена и темпераментна.

Вторая особенность—это наличие умеренных социалистических групп, которые на территории Приморья не только не запретены по тюрьмам, как «социал- соглашатели и контр-революционеры», но и свободно говорят и даже ведут парламентскую борьбу с большевизмом.

Для них, по выражению депутата Бинасика, главным образом, важно тоожество принципов с точки зрения научного марксизма. И эта позиция пассивной борьбы, одновременно с поддержкой своих противников в их государственной работе, понятия и воззрения только в Приморье.

Дальше, крестьянство, Оно, в лице фракции большинства Народного собрания, сочувствует большевизму, но не признает коммунизма. Как сила, влияющая на решения Народного собрания, крестьянская фракция, я называю Кис за сражение, как болотая нереста, имеет много женщины, но, руководимая природным чутьем и житейским опытом, крайне осторожна и колеблется.

Она помнит те развлечения, которым в свое время предавался атаман Калмыков, но не забывает и то, что и теперь есть другие потенциальные силы (вроде гр. Гурко и ему подобных, которые, склоняясь получили надлежащие инструкции*), могут весьма понизить их строптивых.

Дальше, новая группа—это беженцы из Забайкалья, которые, в силу исключительных условий, перемешались с севенецкими и калпелевскими войсками.

Калпелевцы еще не так давно рассматривались нашей первой делегацией, как одна из слагающих сил в том демократическом строительстве, которое должно было явиться следствием об'единения всего Дальнего Востока.

* От большевиков т.с. от Дальнего РКП.

Группа эта в свое время называлась народной армией, в её рядах было много волжских и измайловских рабочих и крестьян с Волги, Урала и Сибири. На её знамени был начертан лозунг: борьба за Учредительное Собрание. И вот эта группа, составляющая остатки от, так называемой, каппелевской армии, совершившей беспримерный ледяной поход по Сибири, пробившись в Забайкалье, подвергается ударом другой народно-революционной армии, тоже борющейся за Учредительное Собрание (Дальнего Востока), пытающейся за пребывания родной страны, ей предлагается сложить оружие и вернуться к родным семьям и очагам, т.е. туда, откуда она силой военного счастья противной стороны была беспощадно изгнана.

Её гонят и из той чужой ей территории, на которую она перешла. Единственной отдушиной остается для неё Приморье, и она стихийно стремится попасть туда.

Наконец, последняя группа—буржуазные элементы. Эта группа, учтывая обстановку Приморья, убежденно не идет на соглашение, так как видит в таковом только отсрочку к воспарению того строя, при котором для неё неизбежны или порабощение, со всеми его последствиями, или исход в Чукче края.

Вот те настроения, которые спвелись в настоящее время в Приморье. Они создали ту особенную обстановку, разрешить которую, при наличии здесь иноzemной интервенции, так же просто, как это было в Чите, несомненно нельзя.

Вот почему надо подождать, посмотреть, куда пойдет читинский демократизм и, до создания Учредительного Собрания ДВ, ограничиться своими внутренними делами.

Исходя из этой же нестной обстановки, не трудно предвидеть, что даже в случае признания все же будет неизбежным глухое и упорное сопротивление, и его нельзя особенно строго осуждать. Все или на создание демократического буфера, при условии свободного волеизъявления всех договаривающихся сторон.

Это не произошло, и за Приморской областью остается сейчас формальное и моральное право быть осторожной в своих решениях.

Чтобы депутатам, сидящим на лениных скамьях, не показались односторонними мои суждения и пока отрицательные выводы о читинском демократизме, я должен заявить, что остаюсь совершенно последовательным. Так как своевременно уклонился от участия в осуществлении и другого—омского демократизма, проходившегося в жизнь два года тому назад небезызвестным омским национальным блоком.

Это дает мне право на осторожность, право сомневаться, что демократизм Читы имеет некоторые специфические особенности. Это видно и из того обстоятельства, что все ораторы из группировок, как защищавших читинское государственное образование, так и обещавших поддержку таковому, ненамеренно спадают с полка и поникают красноречие, как только подходит практически к оценке этого демократизма.

Некоторые из ораторов путают неизбежным последствием непризнания—разобщением гражданской войны, но мне кажется, что если Чита не

пойдет на идея войны, мы, при наших, более чем скромных, вооруженных силах, меньше всего будем думать о борьбе, но зато будем иметь возможность понять одно: хотят ли нас убедить прозаичанной государственной работой, или же просто покорить.

Итак, подождем.

Пусть «Красное Знамя» еще раз укажет, что «генерал Бодриев отбывает шаг на месте».

«Выдержка и осторожность не мешает»...

Я оставался в меньшинстве. В общем ненебежном ходе событий Земское Правительство закончило свою роль. На смену ему шла новая политическая комбинация. Учитывая обстановку, я стремился запедить опасную скорость этой замены.

Несколько это было правильно или ошибочно—покажут дальнейшие события.

Оглядываясь на весь этот период, с момента выступления японцев до выхода моего в отставку, я всегда стремился сохранить в весьма трующих условиях внутренних и международных достоинство и престиж России, а равно и восстановление ее материальных интересов, столь грубо пограничных выступлений японцев 4-6 апреля.

При назначениях, порой очень сильных слева (Дальбюро) и ударах справа, все же удалось сохранить необходимое равновесие и авторитет, которые требовались тогдашней обстановкой и учетом сил всех группировок, боровшихся на Дальнем Востоке.

Правительство Приморской областной Земской Управы передало всю полноту власти Народному собранию, которое избрало Исполнительный орган областной власти в числе семи лиц: председатель Антонов и члены: Гатальчий, Петкус, Якум, Кларк, Макаров, Кабеда и Николаев. Все, за исключением меньшинства Кабеды, партийные коммунисты или сочувствующие им.

К этой сепарации переходила вся работа бывшего Совета управляемых ведомствами, под непосредственным руководством Читы. Ведение иностранных сношений, перешедшее из Чите к Хабаровску, должен был выполнять Кожеников, товарищ министра иностранных дел ДВР, который жил уже здесь, во Владивостоке.

Сессия Народного Собрания была прервана до 15 января будущего 1921 года.

Командование войсками и флотом возложено было сначала на коменданта крепости—генерала Травникова, а затем на прибывшего из советской России молодого коммуниста Лепехина.

Эта государственная, или скорее областная комбинация, имевшая уже полное общение и зависимость от правительства ДВР, просуществовала всего около пяти месяцев и пала, как это и надо было ожидать, под удараами неонацистических группировок, объединенных давлением начавшегося в Приморье коммунистического уклона. Эти две силы временно были противопоставлены одна другой. В существовавших тогда условиях Приморья, победа белых была оставить и осталась за правыми.

Владивосток. 25 декабря.

С выходом в отставку, широко пользуясь отдыхом. Большую часть времени провожу на Русском острове, который чудесен даже зимой. Сегодня надо ехать во Владивосток. Просит позидаться Кожевников — титанич министра иностранных дел ДВР. В Чите, видимо, не теряют еще мысли вручить мне какой-то юркий пост по воинскому ведомству.

В 7 вечера «Стрелка» отчалил от Экипажной, где пробивая лед. Бухты почти вся подо льдом.

У А. познакомился с М-м П., бывшей владелицей Киндаковки (Симбирск губ.) со знаменитым «обрывком», воспетым Гончаровым в романе того же названия. П. покинула Москву в апреле 20 года, пережила массу испытаний. Упрекает англичан (сама англичанка) за наинность и несдержанность в отношении России.

В городе встретил генерала Андросского. Он ждет приема у Кожевникова и сообщает, что Кожевников «очень хочет меня видеть по понедельнику вечером предложением». Кожевников на днесь уезжает в Читу, заместителем ему назначен Цейтлин²²⁸.

Владивосток. 26 декабря.

Утром был мой заместитель по командованию генерал Транников. Жаловался на трудность своего положения — я просто строевой офицер, а не податчик. Хорошо то, что хотят и не сползти, а уже начал следить кое-с кем личные счеты. Во время беседы подали записку: «Кожевников ждет меня в 2 часа дня». Я ответил, что расплодятся свободным временем только между 12 и 2 и в эти часы буду дома. Свидание не состоялось.

Бечером был в редакции «Вечера²²⁹» на собрании кандидатов «демократического» списка в Учредительное Собрание Дальнего Востока (в Чите). Опять тянут в политический омут. Знакомлюсь с декларацией, составленной Л. А. Кролем.

Владивосток. 27 декабря.

Андросский сообщил, что имел беседу с Кожевниковым по вопросу о переброске военной академии в Читу, как центрального учреждения. Обещают полные гарантии и привилегии и материальные.

Андросский очень интересовался моим мнением, как профессора академии. Я ответил, что «сделанное предложение надо всесторонне обдумать, что же касается меня лично — я в составе академии в Читу не поеду, так как, может быть, попаду туда, как член Учредительного Собрания, если пройду таковым».

«Вам же самому, или кому-нибудь из состава академии было бы хорошо предварительно съездить в Читу — посмотреть, что там делается». Андросский, кажется, склонен поехать лично²³⁰.

Встретил «дипломатического» представителя кандидатов полк. Товчевича. И у него есть вопрос ко мне. Просил разрешения посетить.

Владивосток. 28 декабря.

Был Денисович. По его словам, армии понемногу устраиваются, находят, что в ней находятся многое привед, которые надо отнести. Хлопочет о земле

для наделения личного состава армии. Мысль о занятии меча... плутом — мысль похвальная.

Но свежи еще раны. Они будят воспоминания и прежнюю непримиримость к большевизму. В этом источник неизбежных осложнений.

Владивосток. 29 декабря.

Заходил главный начальник снабжения ген. Федоров и жаловался: «без вас очень теснят военно-морское ведомство».

Вечером приехал Кожевников. И на этот раз, как и в первый, его визит, у меня состоялось о нем впечатление, как об умном, дальновидном собеседнике. Он сообщил, что имеет депешу главнокомандующего ДВР о предложении мне сотрудничества по военному ведомству.

Я ответил, что давно отыск от сотрудничества, работая последние пять лет на крупных самостоятельных постах, а у нас самостоятельные посты заняты».

«Это ничего не значит,—заметил Кожевников,—занятие их временное, вас мы изначе и не могли расценевать».

Я очень благодарил за лестное внимание, но сообщил, что уже выставил свою кандидатуру в Учредительное Собрание, отказ от которой не считаю для себя возможным.

«А по какому списку и каким кандидатом вы идете?» — понтересовался мой собеседник. Он, как и многие, полагал меня в эс-драх.

Говорили о почти катастрофическом финансовом положении. Надеется на оживление торговли с иностранцами. У Кожевникова тот же неуклонный оптимизм, который так свойственен членам его партии, стоящей теперь у власти.

Владивосток. 30 декабря.

Холодно. Легкий тайфун. Говорят, что это полагается перед новым годом, особенно по старому стилю, что в действительности будто бы и было в прошлом году.

Ученые старцы, коллеги по военной академии, как оказалось, не особенно встревожились известием о возможности переезда в Читу. Наскучило колесить, Россию, хочется привычной систематической работы.

Отвозил карточку Кожевникову. Он уезжает в Читу, понидому, защищать больного Краснощекова. О последнем пущен слух, что это не то отравили, не то он уже умер от воспаления легких.

1921 год.

VIII.

Правительство В. Г. Антонова. Съезд «Несосов». Каппелевцы в Приморье. Дальневосточный Демократический Союз.

Сменившее Земское Правительство новая идет во главе с В. Г. Антоновым пользовалось в первые дни своего существования, пожалуй, большими симпатиями, нежели любое из бывших до нее правительства. И сущности, все остались по-старому. В ведомствах, которые возглавлялись теперь управляемыми со значительной примесью крестьянства и деревенского учительства, рабочий аппарат оставался прежний.

Чита пытались руководить энергичной посылкой декретов, но такие же, большей частью, оставались мертвой буквой в условиях Приморья. Это вскорь разумели и новые министры, при всей их почтительности по отношению к ДВР.

В наиболее важной области, в области финансов не только не удалось осуществить декрета о свободной ходячести советских денежных знаков, но пришлось помириться и с дальнейшим закреплением нены и с инструментом заменой буфером исключительно серебром.

Последствия неудачной девальвации весьма болезненно отразились на экономической жизни края. Разоренные, безработица и неосторожные начатые политические гонения быстро подготовили атмосферу неизвестности.

Рода менялись. Вместо нападения коммунистическому руководству, которое стало зоной для обывателя, приходилось переходить к обороне, нести ответственность за все недочеты и осложнения, не только свои, но и накопившиеся от целого ряда предшественников.

Мне всегда казалось, что коммунисты так же трудно проводить демократический режим, как буржуазному представителю невозможно осуществлять коммунистические начинания.

Опираясь на возраставшее вероятность,² японские группировки подняли голову. Интервенция, ставшая, после ухода других интервентов, исключительно японской, обуславливала не только безопасность, но и известное поклонение окажавшейся работе правых.

Революционная пропаганда в Корее побуждала японцев быть постоянно настороже, и поддерживать те русские течения, которые могли бы быть противостоящими большевизму и мешали бы его усилению в крае.

До Владивостока определенно доходили слухи о съездах в Харбине, о наложничествах в Дайрене, куда в это время перебрались, оставившие без территории, атаки Семёнов.

В. Г. Байдаров. «Фракции. Каппелевцы. Невероятно».

Идея съезда «несосов»—представителей несоциалистических организаций—в самом Владивостоке была близка к осуществлению. В связи с этим движением начали соединяться всевозможные организации, порой не имеющие и десятка членов в своем составе.

Главари движения стремились вовлечь в орбиту своего влияния и католическую армию через ее «диаконатического» представителя во Владивостоке полковника Лошевича, некроменного посетителя Народного собрания, завязавшего связи почти во всех группировках от самых левых до крайних правых. Лошевич имел связи и среди японского командования.

После моего ухода с поста командующего, Временное Правительство учредило особую комиссию по разрешению вопроса о проникновении католиков в Приморье. Комиссия эта сохранилась и при новой власти. Комиссия кое-что сделала по расквартированию и довольствию католиков, но тесного, искреннего общения достичь не удалось, видимо, из-за того. Главные руководители армии пока оставались в Харбине, где они окружались исключительно правыми группировками, где искусно муссировалась глубина оскорблений за непропуск католиков в Приморье. Весьма, агитации и против меня, агитации, не издавая, впрочем, успеха в основной толще армии. Мне был исполнен смысл этой агитации—я не претендовал ни на какую роль в этой армии и не имел за собой ни одного стечья так или иначе выраженного ей недоброжелательства²²²).

В Приморье католики осели группами: части III корпуса генерала Молчанова, куда входили наиболее прочные полки из ижевских и поткинских рабочих и уфимских татар, осели в селе Раздольном; части II корпуса Смолиня—в Никольске и севернее Стасска. Остатки весьма немногочисленных казачьих частей, руковоевимых, так называемым, «Союзом казачьих войск»,—в окрестностях Владивостока. Обособление стояла Гродековская группа, всецело придерживавшаяся семеновской ориентации. Впоследствии эта группа, вместе с некоторыми частями католиков, вошла в состав войск семеновского генерала Глебова, сформированного потом первым привербованцем Меркуловым.

Начавшиеся выборы в читинское²²³) Учредительное Собрание и просьба лиц, сгруппировавшихся около газеты «Вечер», принять в творческом участии, не только извлекли меня из политического бездействия, но и потребовали энергичной работы, в связи с начавшимся предвыборным периодом. Я должен был посетить части III-го корпуса в Раздольном: согласно выборного закона, армия принципиально участие в выборах.

Владивосток, 2 января.

Новый год встретил и провел на Русском острове. Утром еще попал на пароход. Холодно. Лед в бухте крепнет. «Стрелка», поддерживавшего сообщение острова с городом, вошл ледоход «Казак Хабиров».

На вокзале встретились с В. А. Виноградовым; он тоже едет в Раздольное. Со мной мои нераслучающие спутники Анчиков и Кларен.

В Раздольном встретил нас молодой генерал Сахаров и несколько лиц из штаба Молчанова, а также командиры частей.

В 4½ часа поехали в бывшее гарнизонное собрание—пустая ходовая казарма, где собирались более 1600 офицеров и солдат.

Дисциплина, погоны, плохое обмундирование, плохо скрытая тревога за будущее и явная, неприкрыянная привязка к большевикам; такое внешний облик того, что я видел.

Враждебствует день это два. Политические уполномоченные при начальниках гарнизонов, по-видимому с их точки зрения причине, всемерно торопят устройство капеллеша. В свою очередь, измотанные походами люди, только что перекинувшие неудачи в Забайкалье и уничтожение разоружения в Китае, особенно чутки ко всему, что нарушает их интересы иажду хотя бы временного отдыха.

Вражды доходят до столкновений и «выхода в расход» коммунистических агитаторов.

Сахаров обратился ко мне с кратким приветствием от имени собравшихся, я поблагодарил короткой же речью. Встретил много знакомых лиц и по мирной войне и по Волге, между прочим, своего адъютанта времен директора Валенского, только что оправившегося от рака.

Открыл собрание доктор Пономарев, после чего говорил довольно сухо и слишком по-интеллигентски, обычно прекрасный оратор, Виноградов. Для солдат-слушателей это было не по силам. Они казались безразличными к словам оратора.

Раздалось замечание: «ограничить генералов 10-ю минутами» и сист. Виноградов возразил, что он же генерал.

«А кто же вы?»—последовал новый вопрос. В. спокойно разжмая.

Эти реплики, их крайне вызывающий тон, изволили чрезвычайно храброго и спокойного я боя, но обычно весьма нервного и прямолинейного Сахарова. Тем не менее, он сдержался.

Я говорил простыми, понятными солдату словами. Я касался его бытия, глубоко затаянных солдатских душ. Слушатели оживились, послышались аплодисменты, слова сочувствия: «верно», «правильно», выразилось бурное «ура» Родине.

Я уже склонил с напротивостоящей трибуне, когда послышался вопрос: «А что нам делать, как гражданам, когда мы утеряны, как бармы, в море?»

Разъяснение на это новое враждебное замечание давал Виноградов, захотевший несколько поправитьпечатление его первой, довольно сухой речи.

Между тем, Сахаров грубо отказал в слове противостоявшему вперед большевику Продавцову, поинциальному, автору приведенного замечания, и приказал вывести, тоже проникшего в казарму, его товарища Кустока¹⁵². Это были члены честной большевистской организации. Их присутствие в казармах было встречено весьма враждебно и солдатской массой. Оба агитатора поняли сложность положения и просили предохранить их от насилия. Я поддержал эту просьбу перед Сахаровым. Неприкосновенность была обещана.

Но Кларен мне рассказал потом, что он видел, как нельзянули в воздухе руки и ноги. Неосторожных «товарищей» изрядно помяли. Это лишний раз

подтверждено надочне испранирской кризис, она побуждала капиталистов своеобразно понимать скободу слова.

Познакомился с генералом Молчановым. Сухой, высокий, с глубоко синевшими выразительными глазами. Нервный, с признаками недрастения. Очень храбр. Заботлив в отношении своего кортуса. Скоеобразно прост в обращении с подчиненными.

Владивосток. 2 января.

Был генерал Верябинский—командующий капиталистами, маленький, бритый, как будто скелет покрахмаленный, с заметным акцентом, в штатском. Внешнее впечатление не яркое. В беседе сдержан, вдумчив, почтителен, без утраченности. Благодарил от имени армии за почин, давший им толчок к движению в Приморье.

Касаясь вопроса об ближайших перспективах в отношении армии, Верябинский, видимо, учитывая ее настроение, полагает единственно возможным существование армии вне подчинения местной власти, перед которой приход армии становится просто, как свершившийся факт.

«Демобилизоваться нельзя, все равно 50-70 проц. уйдут в Гродеково и только усядут шашки Семенова. У него еще до 8 миллионов золота—это достаточно, чтобы владеть промзей... Люди в армии не приспособлены к работе, они хороши только, как солдаты».

Это мнение высказал и генерал Сахаров: «Если их вернуть безоружными, они разложатся и начнут переходить в Гродеково».

Верябинский добивается смысания с Ой, но тот гюки занят новогодними праздниками.

Армия сана располагала суммой, более чем в миллион рублей золотом, но, во время злоключений в Забайкалье, золото это было будто бы передано на хранение японскому полковнику Исомо.

У Верябинского чувствуется колодок в отношении Молчанова, как более популярного среди солдатской массы.

Владивосток. 4 января.

Большевистские «Красное знамя» и «Дальневосточное Обозрение» постыли ряд резких статей по гонорду набивания коммунистических агитаторов на митинге капиталистов 2 января в Радольном.

«Вечер» просил у меня опровержения. Я предварительно послал К. в морской госпиталь, действительную ли там находится один из побитых. Все оказалось правдой. Я посыпал кроткую записку в газету с порицанием набивания, как средства в политической борьбе. Случай этот был широко использован в предвыборной кампании не только коммунистами, но и друзьями противниками группы «Вечера».

Предвыборная агитация в разгаре¹²⁵⁾. В листонках «Вечера» приведена угроза Шейлина о разгоне Учредительного Собрания, «если оно будет не коммунистическое». А описание для этого есть. В Благовещенске, где определенно признали власть Советской России, но скептически относятся к ДВР, в местный Народной прошло 25 членов представителей буржуазии

¹²⁵⁾ Из его речи в местном Народном Собрании.

(26 голос) и умеренных социалистов из общего числа членов в 69 человек, т.-е. коммунисты (34 голоса) оказались там в меньшинстве.

Владивосток, 5 января.

Верховицкий жаловался, что беседа с генералом Оой совершенно не показала наименее существенных вопросов. В армии плохо с физиологией. Жалованье за декабрь не раздано. Единственный источник—Семенов, который сидит с 8 миллиардами в Порт-Артуре и ждет.

Верховицкий очень удивлен, что попал первым кандидатом в прогрессивно-демократический список. Это стараются местные торфово-промышленники и должностельцы.

«Собирают армии штабы, а нам до зарезу нужны деньги»,—сердитя, недоволенный своим избирателем генерал.

Денежный вопрос теперь самый острый не только в каштепесской армии: сегодня бандит, видимо, уклонивший меня, очень интересовался—будут ли теперь во Владивостоке наши (т.-е. русский) войска, и чем правительство будет платить в январе?

«Мукой и угольками»,—ответил я. В этом не было ни шутки, ни небинной антиправительственной пропаганды. Действительно, платить было нечего. Правительство, вместо заработной платы деньгами, переходило на оплату таковой продуктами. Благо запасы еще сохранились.

Встретил главного начальника снабжений армии Федорова—запыхавшийся и истрахованный.

«Что с памятью?»

«Да вот еле вырвался от просителей. Задумал, что «не выпустим из помещения, пока не уплатите земёг»,—а я их пущу: стрелять буду, грабеж,—хотя и револьвера то при мне нет».

«Уплатить—легко сказать. Мне отпустили вместе 75 тысяч золотом—25 тысяч серебром, пот и выкручивайся».

Не лучше финансное положение и нашей политической группы «Вечер»: вся работа ведется на добровольные пожертвования своих членов. Зато же надо ни кассира, ни ревизионной комиссии. Но без денег и здесь многое не сделать³²⁸).

Владивосток, 11 января.

Моя статья «Советский империализм», напечатанная в «Вечере», вызвала яростные наглаждки большевистского «Красного Знамени» и «особенно» каштепесского «Голоса Родины». Редактор последнего гражданин Воскресенский решил смешать веди, и теперь он «plus royaliste que le roi». Как различно можно подходить к одному и тому же вопросу, и как политика враждебна истине³²⁹!)

Владивосток, 12 января.

Пешком по льду отправился на Русский остров. До моего остроекого жилища около 14 верст. И, тем не менее, какое это удовольствие!

Владивостоку все можно простить—летние туманы и зимние тайфуны—ради его солнца. На тротуарах лежат поганки. Пешеходов много,

Большинство, конечно, по нужде—это служащие, оставшиеся круглый год на острове, ради сокращения квартирных расходов и вынужденного уклона от соблазнов города.

Общее обеднение многих тянет к окраинам. Доминки, наскоро сколоченные из разного хлама, растут, как грибы, строят просто землянки. Это новый элемент, продукт революционных потрясений—мелкий собственник—«засельщик». Он сплоченно и упрямо борется за созданное, на захваченных у города и ведомсти участках, свое гнездо.

Здесь, во Владивостоке, это уже серьезная социальная сила среди горожанских группировок.

На острове прочно осели бывшие железнодорожные служащие военного и морского ведомства, много и китайцев-огородников. Первый признак упадка власти—самовольная порубка лесов, начавшейся разрушение причалов, приставей и чудесных прочных шоссе, связывающих бывшие оборонительные сооружения острова.

Владивосток, 13 января.

Опубликованы результаты выборов во Владивостоку в читинское Учредительное Собрание. Коммунисты получили 15 мест из 26, остальные 11—оппозиция с преобладанием правого крыла (Меркуловский список—национал-демократы).

В Хабаровске неожиданный успех имели правые эк-эры. Не важные для коммунистов результаты и в Чите—там они получили всего 35 проц. общего числа мест.

Всобще чувствуется какой-то перелом. Во что он выльется—сказать пока трудно. Есть опасность нового уклона в сторону Семёнова. Он оказался предусмотрительным и владеет крупным козырем в борьбе— деньгами и некоторой поддержкой «друзей с острова» (японцы).

Несомненно одно: коммунисты рано взяли бремя власти—еще высоколет у них из рук. Обещать легче, чем давать, а давать здесь скоро будет нечего. Богатые запасы Владивостока напрасне. Налоговый пресс почти недействителен в области. Промышленные богатства края, благодаря длительному халту, далеко не дают того, что могли бы дать.

Японцы заняли главу здешнего командования. Новый командующий войсками генерал Танибина, по слухам, слишком правого уклона.

Владивосток, 14 января.

Новый год по старому стилю. Читал новое положение о военных комиссарах—открылся широкий путь кной молодежи⁽²²⁾). Для Приморья все это пока нереально. Военное командование во главе с Трениковым почти потеряло здесь значение, его никто и ни о чём не спрашивает.

Местное военно-морское ведомство передано на издижение Читы, это очень ослабчивает и военных и моряков. И те и другие прекрасно сознают, что Чита сама располагает пока только декретами.

Не исправит положение и новый выпуск совершенно обесценивающихся буферок.

В Никольске очень обостряются отношения между купеческими и милицией. Нечаев, начальник гарнизона Никольска, доносит, что он бессилен бороться, и просит о подчинении ему резерва милиции.

«Выходы в расход» практикуются обеими сторонами с одинаковым усердием.

Коммунисты возлагают большие надежды на организацию «Комсомола» (союз коммунистической молодежи). Они лихорадочно пропагандируют этот союз и в городе и в деревне.

Правительство Антонова вносит в русско-японскую консультативную комиссию вопрос о ликвидации Гродекова, при чем, если японцы, в силу соглашения от 29 апреля, не сделают этого сами, то правительство просит не мешать ему произвести это вооруженной силой, названной из Хабаровска.

Владивосток, 20 января.

На городской квартире полно ямы. Буржуазия, за которую мы еще продолжаем ломать коня, плохо заботится о своих защитниках. Мой домохозяин С. любит только самого себя, свой карман и, пожалуй, еще искренне уважает японцев, как реальную силу—один из ее основы для национального строительства и патриотизма.

Узнад, что я и С. Ф. Знаменский избраны в члены Учредительного Собрания. Свое депутатское место по Суйфунскому району (Раздольное и др.) я уступил доктору Пономареву, так как одновременно проходил и по Хабаровску, вместо отказавшегося Л. А. Кроля.

Несмотря на участие в выборах, буржуазные и демократические круги Владивостока относятся в общем весьма скептически к самому Учредительному Собранию Читы. Недостающее коммунистическое большинство там с успехом пополнено кандидатами от пойсовых частей. Таким образом, ход работы Собрания предрешается заранее, и поездкой туда могли бы быть достигнуты исключительно лишь информационные цели.

Эту роль и должен был выполнить от группы «Вечера» С. Ф. Знаменский. Мне же, в связи с невозможностью изъезжанием новыми событиями в Приморье, предназначено было более полезным остаться во Владивостоке.

Владивосток, 21 января.

Члены Учредительного Собрания несоциалистических группировок в Чите не поехали. Они готовятся к своему Съезду несоциалистических организаций.

Вообще, в воздухе пахнет осложнениями. Убийство американского лейтенанта Лонгдона^{*)}, именеме, видимо, романическую подкладку, получило значение политического события и подняло шум. С одной стороны, сплошно, первые даже причины, ушел куда-то японский броненосец «Микава». С другой—стало известно, что командующий американским флотом в водах Тихого океана, адмирал Клинс, едет сюда в качестве председателя след-

^{*)} Убит японским патрулем.

стенной комиссии по делу об убийстве Ландоха. Американские матроны устроили кошачий концерт перед японским штабом на Алеутской улице.

Большевики определенно готовятся к войне с Японией, и считают Владивосток потерянным. Видные коммунисты разъезжаются, главным образом, в Читу. Здесь, во Владивостоке, пласти почти умирает; финансовый кризис отчаянный, асигнации задерживаются сотнями.

Опять слухи о Семенове. Его заместитель по Уссурийскому казачьему войску, Сапинский, получил от генерала Оой любезное письмо, меч и фотографический портрет.

Ловчев сообщал, что, наоборот, финансовое положение капитулью критикует. Кое-кто намекает на кассу атамана Семенова. Об этом будто бы очень хлопочет притидший полковник Исоиз.

Члены «Читинской учредительной»—ес-сы, уехали в Читу. Вчера их заставили почему то не пропустить. Уехали и наши—Знаменский и Пономарев²⁰²).

Владивосток. 23 января.

Вчера приехал новый английский военный представитель—молодой капитан Пинисел (Prinsel). Он в декабре выехал из Англии.

«А как у вас на родине?»—задал он вопрос листа.

Капитан несколько смущился (трудно англичанину признать трещины в их собственном государственном механизме) и ответил:

«У нас очень хорошо».

«Но Красина⁴) то вы быть задержали».

«Да, хотели точно высчитать возможности торговых сношений с советской Россией. На Западе воевать некому—все устали, а у нас, кроме того, и 700 тысяч безработных».

По газетам, Черчиль меняет свой портфель военного министра на портфель министра колоний. Место Черчilla будто бы займет Лорд Дерби.

Англичане не хотят колебать своего влияния на море и под видом гравитационного маневра направляют значительную часть своего флота в Тихий океан. Я отметил это в своей очерашней статье в «Вечере»—«Бюджет Японии на 1921 г.». Почти третья 1½ миллиардного бюджета испрашивается на армию и флот. Как только японцы справятся с таким расходами! Не дай бог крепко стоявшая некогда начальница падать.

Кларен сообщила, что будто бы Москва предписала ДВР неуклонно проводить истинно-демократическую программу и аннулировала все декреты, до сих пор изданные Читой.

Никиторов вернулся из Москвы в Читу. Полагают, что он будет возглавлять правительство ДВР.

Японцы почему-то начали обмер казенных зданий и запись номеров на улицах. Это вызывает тревогу. Ходят слухи об оккупации. Называется даже день таковой—27 января, день прибытия нового японского генераломандирующего генерала Тачибана.

Хорошо, если бы это были только слухи. Оккупация будет неизбежна, даже если ее несколько сдобрят сенекишиной.

²⁰²) НРК внешней торговли РСФСР.

Владивосток. 30 января.

Сегодня первый день «капитёвской недели»^{*)}. Был в соборе, там молчали, многие в трауре, слезы при поминовении «убиенных в междуусобной бране».

Ульцы покинули народ. Классовая рознь «налицо»—пролетариата мало. На многих дожах старые трехцветные национальные флаги.

Всюду продают капитёвские значки.

Заходил во митинг, устроенный капитёвками в «Ильинском». И там масса народу. Застал конец речи кадета Кроми. Подъем. Пытался нарушить настроение товарищ Ф.^{**}, обвинивший себя тоже капитёвцем, но неудачно.

Митинг организован основательно: своим—«уро», коммунистам—«войной» и синим.

Владивосток. 31 января.

Китайский консул отказал в визе в Харбин генералу А. Отказ мотивирован будто бы строгим приказом правительства ограничить проезд военных в полосу отчуждения КВЖД. Неизвестно—результат ли это мужикского соглашения, происка-ли ДВР, или просто желание избавить Харбин от перегрузки русским военным элементом, с которым, по газетам, «нет сладу». Корректный А. в гиене и оторочен^{***}). Коммунисты прекрасно организовали свое сегодняшнее празднество. После вчерашнего начала «капитёвской недели» демонстрация «народ» вышла достаточно грандиозной.

«Хлеба и зрелиц»...

Улицы и сегодня полны, кстати и погода чудесная.

Впервые сочетание флагов старого национального, красного и флага ДВР^{****}).

В толпе, тем не менее, заметное утомление и знаниками и лозунгами, и даже знаками интернационала^{*****}).

Встретил американского представителя г. Смита.

«Разве вы еще не в Чите»^{*****}? — задает он мне интриганный вопрос. «Пока нет», — ответил я, и сообщил, что жду приезда семьи.

«Что же скажет мир (?) В. Б.), когда узнает, что вы не поехали?»

«А что он скажет?» — спросил я, в свою очередь, почтенного мистера Смита.

«Вы сами знаете, что он скажет» — увернулся от прямого ответа и мой собеседник.

Напор толпы прервал нашу беседу. И торопящаяся машина рванула к новому именному глиняномазаному ген. Тачибана.

Там уже масса гостей, саке, пиво, самцовчи... Генерал Такахмати повел меня к хозяину дома.

^{*)} Неделя сбора пожертвований и пользу пошедшей в Приморье Капитёвской армии (остатки армии Колчака).

^{**) Красное с синим квадратом у дракка и инцизками ДВР.}

^{***)} Вопрос касался моего отъезда в Читу, как члена созданного там Учредительного Собрания.

Тачибана довольно высокий крепкий мужчина лет под 60, с реденькой, коротко подстриженной бородкой. Сейчас же заговорил со мной по-японски. На выручку явился полковник Исомэ. Обменялись любезностями, при чем генерал заявил, что раньше он знал по-немецки, а теперь забыл, но «чувства выражаются не словами, а сердцем, а оно,—[тих, по крайней мере, перекликнется Исомэ]—по-прежнему любви к России и русским».

Это было очень любезно для первой встречи, я не остался в залу.

Подорвались с прежним главкомандующим генералом Оой. Он заметно подавлен, кажется—даже стал как-то меньше ростом.

Уход на вакантный пост в Военный Совет, видимо, не особенно это сближает. Ему ставят в минус неудачу прошлогоднего выступления 4-6 апреля.

Среди общего говора то и дело раздавался неистовый хохот—это «веселился» командир американского крейсера «Альбания» Мэ. Р.

Ему временно вторил неизменный посетитель всех раутов, обедов и торжеств небезызвестный петроградский врач Бари, кажущийся всегда наивеселее.

Как тесен мир! Кого только не встретишь на этом далеком клочке Приморья!

Исомэ советовал ехать в Читу... «там полная свобода».

«И торговля «без токсика»— добавил я склонив его недавнего интерью.

Хитрый полковник, выросший в довольно крупную фигуру за время пребывания на нашем Дальнем Востоке, был заметно польщен.

«Ведь, перво я сказал», добавил он не без спидовольной улыбки.

Мой заместитель по командованию войсками Приамурья, ген. Травников не такого бы то из бывшего шиншина. Его просто не замечают. Жалеются на трудность своего положения.

Говорят с Меркуловым и Сенкевичем. Оба против поездки в Читу, хотя и избранны в члены Учредительного Собрания. Одобряют борьбу против советской России, но опасаются борьбы против «просто» России.

Здесь же Антонов (председатель Правительства) и Цейтлин. Эти, наоборот, соблазняют возможностью поездки в Читу в вагоне уполномоченного по иностранным делам Сычурского.

Владивосток. 2 февраля.

День провел на Русском острове. Заходил к генералу Андогскому. Он в смущении из Читы определенного присяги нет, здесь жмут академию военные комиссары, сделавшиеся в сущности полноправными хищниками положения. Трениают мысль о финансах и о целесообразности новых «зигзагов», в которых так искусился почтенный Андогский. К чести его, он делает многое для академии и ухитряется в столице сложное время кормить и учений и административный состав подчиненного ему учреждения.

Владивосток. 3 февраля.

Финансовые реформы Читы остаются для Приморья просто бумагой. Японская монета и серебро совершенно вытеснили «буфера». Курс на серебро тоже падает.

Правительство, после радикального сокращения штатов, выплачивает жалованье пополам валютой (иена) и серебром. В будущем месяце гроят посадить на паек.

«Каганцевская неделя» идет тут. Местная буржуазия не раскошевлялась. Иностранные представительства уединяются от казаков, опасаясь, что это «будет вмешательством в наши внутренние дела». Кларен говорил мне, что одна из существующих японских фирм—не то Сузуки, не то Мицубиши—вместо обещанных 5.000 «премеринальных» центов 40 иен!

Военное ведомство отказали капителции в кроватях. В управлении главного начальника снабжения царят комиссар Повелухин, а сам начальник, генерал Федоров только скрепляет бумаги.

Скверный очень уговоривает покатать с ним в Читу, хватит таможенно-изъять и благоустройство.

Владивосток 4 февраля.

Рано утром проехал с Русского острова ген. Андогский и А. С. иими пронеслистане: японский взвод задержал их автомобиль у казарм 36 полка. Андогский показал матросскую карточку)—иёе подействовало, потащили к комендантству. На попытку разгнать недородумание японский офицер замах:

«Ваша русский офицер ходи гауптивахта».

При таких порядках трудно говорить о суверенности ДВР. Действительно, простой японский офицер генерала (чины, правда, считались отменными!) и во всяком случае начальника русской военной академии таски в кутузку... Такие поступки, несомненно, увеличивают карты сторонников большевиков. Хотя, в конце концов, как это всегда бывает у японцев, все оказалось «ошибкой», но факт насилия остается фактом.

Ангуский решил жаловаться в японском штабе. Там тоже пожалеют о «недородумании», тем дело и кончится.

В Никольск-Уссурийское, в виду особо дружественных чувств со стороны местного японского командования, капителции предоставлены самые скверные казармы, а в Раздолином продолжаются убийства «веницианскими» из японского штаба и контрразведки. Растет глухое одобрение. В этих условиях русской стороне трудно поддерживать «искренность и дружбу» с географическим соседом.

Владивосток. 5 февраля.

Опять смена кабинета. Антонов приглашает меньшевика Берланского для управления ведомством финансов. Назначается министром лидер крестьян: учитель Абонсов и кое-кто из самих крестьян. Последние, между тем, ряются доной. Им по смерти надоело законодательствовать. Вообще, Народное собрание давает на донов. Оживляет несколько неуговоренный депутат, кадет Кропъ.

Правая фракция и казаки против нового кабинета и отказались от голосования. Эсеры просто воздерживаются. Таким образом, новый кабинет избран большевиками, меньшевиками и большевистующими крестьянами.

*) Одного из членов японской военной миссии.

Внесен запрос о белом терроре в Жариково и Раздольном. Кроль, в свою очередь, штурмует правительство по поводу безобразий начальника инспекции Никольска — Харитонова.

Из Читы, по сообщению Кларена, окань телеграмма военного министра Матвеева: просят устроить мое прибытие, гарантируют проезд, последнее, видимо, необходимо⁸⁸².

Владивосток. 8 февраля.

В городах тревожные слухи, говорят о готовящемся выступлении под флагом Семёнова, который обявил о своем вступлении в командование дальневосточной армией, в том числе и калпелевцами, находящимися в Приморье. Это обявление вызвало у калпелевцев раскол. Наиболее прочные части, составляющие корпус Молчанова, настроены к Семёнову прahlдочно.

Получена нота президента С. А. С. Штатов о наполнительности отторженных частей России и иностранного вооруженного вмешательства. Это серьезное сдерживающее начало против агрессивных замыслов японских шанлистов.

Владивосток. 25 февраля.

Слухи около имени Семёнова, Гондати, Михайлова пока остаются слухами. Выступление с той стороны было бы даже выгодно для большевиков. Опять для них явилась бы возможность несколько отвлечь внимание населения от крайне тяжких экономических условий, сложившихся в Европейской России и в Сибири.

С другой стороны, усиление влияния Краснощёкова, диктаторствующего в Чите, обуславливает распространение власти Советов и на Приморье. Фракция крестьянского большинства в Народном собрании, руководимая читинским министром Рулянгом, уже заявила о ненужности постоянного парламентаризма. Эс-эры, устами депутата Трутна, возобновили кампанию за «единый социалистический фронт», и готовятся к бою с черными силами.

В марте, постепенно нарастая, обнаружился резкий перелом в настроении Народного собрания. Крестьянская фракция большинства, находившаяся до сих пор под влиянием коммунистов, начала проявлять самостоятельность. По запросу об открытие владивостокских грузов в советскую Россию на пароходе «Легия» спикерши удалось расколоть крестьянское большинство.

Сложившееся настрочное деревни, сильно влияющее на крестьянских депутатов, начало расщепляться, как процесс откоживания масс от коммунистов. Настроение рабочих, праца, не подкрепляло этих наездов, зато в кругах городской обывательщины, находившейся в тесном общении с беженскими элементами, заметно росло антикоммунистическое настроение, принимавшее порой окраску реакционного движения.

Несоциалистический съезд, открывшийся 21 марта во Владивостоке, явился первой попыткой обединить это движение, сформизить его.

Намерения некоторых участников съезда превратить этот съезд из «несоциалистического» в «антикоммунистический» и добиться пружления к работам демократических группировок и социалистов, противников комму-

нисма, как и следовало ожидать, не встретили ни малейшего отклика среди реакционно настроенного большинства Съезда.

Реакционные устремления исключенного, лишь слегка замуалированных «демократических» флером некоторых резолюций, заставили торгоно-промышленную группу отойти от Съезда, то же сделали и кадеты, ушедшее с первого же заседания.

Тем не менее открытие Съезда было обставлено большой помпой. Присутствовало до 20 организаций, большую частью фиктивных, вскоре сформированных из богатого запаса беженцев в Харбине.

Съезд выработал особую программу, предусматривающую создание Временного Правительства. Принятым по созданию учредительного Съезда, отказ от гражданской войны и пр.

В совет Съезда вошли два брата Спиридон и Николай Меркуловы — местные аборигенты, князь Крапоткин — беженец, женец казанской губернии и В. Ф. Иванов — адвокат, кажется, тоже из Казани, или Екатеринбурга, несколько легкомысленный, но недурной и весьма темпераментный оратор. Совет этот сразу же начал энергичную организационную работу, быстро оторвал военные группировки и особенно капитолевскую армию от влияния правительства Антонова. Последнее было непросто сделать, так как новый командующий войсками Лебедев, как коммунист, естественно не могпустить глубоких корней в ее рядах, хотя в толще рядовой массы и был преобладающий процент Ижевских и Воткинских рабочих***.

Группа национал-либералов, руководимая Меркуловыми и имеющая в Приморской Народной собрании всего несколько представителей, с образованием совета несоциалистического Съезда, начала более энергичную, организованную работу и еще более усилила значение парламентской оппозиции. У правительства, терявшего почву, было слишком много уязвимых мест, при все более и более усиливающихся финансовой крахе и безработице****.

В правом лагере к этому времени возникла новая организация, весьма склонная к поддержке Семёнова, так называемое, «Русское обновленное Общество», с недостаточно определенной политической физиономией и склонностью к коммерческим махинациям.

Организация, в которой главнее надо составляли торгоно-промышленники, вывяллась в отдельную группу «прогрессивных демократов».

Группа «Вечера» оформилась в Дальневосточный Демократический Союз.

В обращении инициативной группы этого Союза, опубликованном 11 апреля 1921 года, говорилось:

«Создавшееся на Дальнем Востоке политическое и экономическое положение настоятельно требует скорейшего организованного объединения всех действительных демократических настроений граждан, считающих необходимым отставление на Дальнем Востоке, не только на словах, но и на деле, демократического государственного строя, при котором действия исполнительной власти находились бы под постоянным и действительным контролем юридического представительства, а личные и публичные права граждан были бы вполне обеспечены».

«4-го мая состоялось организационное собрание, на котором была принята платформа союза с общим лозунгом: «ни коммунизма, ни реакции»;

платформа союза демократов, как беспартийных, так и принадлежащих к демократическим партиям (социалистическим и несоциалистическим), без необходимости оставления последними рядов своих партий.

Выдвигаемое платформой союза, как основное положение— осуществление народоправства на Дальнем Востоке должно было, по мнению его членов, послужить к «скорейшему изгнанию интервенции, угрожающей национальным интересам России», так как, «при установлении демократического строя, обеспечивающего гражданский мир и правопорядок», сами собой отпадают формальные предлоги для пребывания войск интервентов на Дальнем Востоке.

Далее платформой намечались очередные задачи деятельности союза, при чем указывалось, что «рою» будет добиваться своих целей, как путем парламентской работы, так и путем устройства бюро защиты прав граждан от произвола власти, митингов протesta, демонстраций, путем прессы и устного слова и, наконец, путем сплочения граждан для энергичного отставания, как своих прав, так и прав народа на власть, без вмешательства во внутренние споры каких бы то ни было посторонних сил».

Ведя ожесточенную борьбу с кампанией поднимать голову реакции, союз—«мертворожденное дитя», по определению враждебной прессы, насыпалось весьма чувствительные ушары и налево. Сильный интendantом основного ядра сотрудников «Вечеръ» не только увеличивал тираж, но и быстро начал приобретать большое политическое значение.

Союз имел и лучших ораторов в Народном собрании.

Конечному успеху союза предстояло: отсутствие стремления к широкой организации масс и почти полное равнодушие к вопросу о захвате власти. Руководящая группа союза совершенно ясно сознавала, что пока не изгнана интервенция, никакое правительство не будет прочным, а при столь быстрой смене властей, в свою очередь, нельзя было серьезно думать о какой-либо перемене к лучшему и экономической жизни края. Он поездил последние здешни, прожил остатки скопинившегося здесь имущества. Интервенция для оправдания своего бытия, все время сталкивала гражданин русские крымы, не давая ни одному из них усиливаться настолько, чтобы установить порядок в крае и изладить экономическую жизнь.

Союз стремился показать торицущимся сторонам истинное значение интервенции, признавал к взаимным уступкам, как единственному средству прекратить бесполезное взаимонистребление.

Это был призыв к соглашательству—да, но пока существовала интервенция и ее настоящем виле, другого выхода не было. Добросовестная взаимная речь меньше всего соответствовала интересам страны¹⁸⁶.

Такая точка зрения не соответствовала духу руководящих кругов капиталистической армии, собственное положение которой продолжало оставаться крайне неопределенным. Ее пытались темпераментные устремления владивостокских и харбинских националь-демократов (меркулонцы). Их она и отдала впоследствии силу своего нечаянного голоса при выборах в новое Приморское Народное собрание.

31 марта была произведена первая попытка переворота, при чем главную роль в таковой играл каштелевский полковник Глудкин, более склонный по симпатиям к грозеевскому, т.-е. семеновскому течению, вернее—Глудкин представлялся храбрым, весьма решительным и крайне честолюбивым офицером анархического склада.

Эта попытка, носившая чисто военный характер, с значительными признаками семеновщины, не захватила наиболее прочно организованных частей армии и была быстро ликвидирована национальными силами Правительства.

Неуспех этого «переворота», единственного жизни его руководителя (Глудкин ранен себя при попытке к самоубийству), объясняется будто бы недостатком оружия у восставших глудкинцев. Во всяком случае попытка эта не получила, видимо, той поддержки, на которую она рассчитывала со стороны меркуловской группы.

Последняя или не могла, или не хотела помочь во-время. Может быть она просто не хотела работать на Семёнова. Приморский трон можно было занять и самим.

Антоновское правительство хотя и подавило восстание, но не имело уже ни достаточного авторитета, ни сил, как для расследования горошинных его источников, так и для принятия мер обеспечения от новых попыток в этой направлении.

Оно организовало самооборону среди рабочих, обезвредило многочисленных гручинков, выпустило ряд военных и земельных, но все это были уже меры только обороны, за которыми чувствовалась предрешенность и неизбежность конца.

В рядах каштелевской армии правительство утратило всякое влияние. Оно бесповоротно уходила во вражеские ряды. Японское командование проводило свою политику: обеим сторонам оно обещало «дружественный нейтралитет» и «разоружение начинавшего боя».

IX.

Переворот 26 мая. Правительство Меркуловых.

Апрель и первая половина мая прошли в большом напряжении. За это время значительная часть военных, скопившихся в Гродеково, под тем или другим предлогом стала просачиваться во Владивосток. Влияние гродеконцев значительно окрепло и в Никольске.

Больше того—наблюдалась солидарность командующего войсками коммуниста Леникина со ставленником Семёнова Савельевым. Они обединились общей задачей—сочетанной прямой против каппеленцев²²¹).

Сессия Народного собрания прервана с 9 апреля до 14 июня, надо думать, что больше она и не собирается. Ходят слухи о решении консульского корпуса обнинуть Владивосток международным городом.

За отказом демократических группировок Владивостока от активных выступлений, руководящие круги киппеленцев все более и более связывают свою судьбу с Советом Съезда националистических организаций, находящимся под исключительным влиянием бр. Меркуловых. Совет съезда был в весьма тесной связи и с Семёновым, жившим в это время в Порт-Артуре, и с его штабом, руководимым весьма честолобыем генералом Клерже.

Благодаря сохранившимся значительным средствам, положение Семёнова, несмотря на столь бесславный исход из Забайкалья, было весьма прочным. Он находил широкую поддержку и в Харбине, где, не без участия остававшегося в тени И. А. Михайлова, был образован, так называемый, «национально-экономический союз», куз на основах «экономического обединения» вошли, между прочим: бывший председатель Екатеринобургского правительства (1918 г.) П. В. Иванов и индюшаты из сибирских маслорепон, во главе с Шинкевичем, а также руководители «Всероссийского крестьянского союза» Славинский, Ульянин и другие²²².

Харбинские «национально-экономисты» поддерживали претензии Семёнова на роль Верховного Правителя России и имели уже почти готовое для него правительство, с П. В. Ивановым во главе.

Правительство это, не имеющее пока ни территории, ни поданных, попало широкую пропаганду своих идей. Читался ряд докладов, главным образом, на экономические темы, рассыпались программы, вербовались сторонники. Но все это пока ограничивалось Харбином и, как прежде, захватывало, главным образом, беженские интеллигентские круги, оставаясь чужды для широких масс населения.

Как на поддерживавшую его вооруженную силу, Национально-экономический союз рассчитывал на Гродековскую группу, презинную Семёнову, из

отошедшие в Монголию части Унтерна и на Каппелевскую армии, находившуюся под значительным влиянием бр. Меркуловых.

Широкие экономические перспективы соответствовали широкие военные задания.

Все эти предположения, тем не менее, не осуществлялись. И Семенов, и национал-экономисты остались ни с чем. Их усилия подготовили лишь совершение неожиданное торжество меркуловцев.

Устех меркуловцев в значительной степени обусловливалась их активностью. Поддерживая связи с Порт-Артуром и Харбином, получая материальную поддержку от Семенова, группа эта энергично собирали вокруг себя силы, готовые к выступлению. Она учила создавшееся изолированное положение капралов и, не колеблясь, согласилась на организацию при их содействии власти, в случае свержения правительства Антонова.

Сумела эта группа заручиться и доброжелательным содействием японского командования. Если единицы в Токио представители националистических организаций, В. Ф. Иванов и князь Крапоткин, не имели тай никакого успеха, то Меркуловым удалось во Владивостоке установить довольно прочные связи со штабом японского командования.

События назревали. Во Владивостоке стали просачиваться военные элементы из Харбина и других пунктов Китая. Прибыли и связи с учёжением в заседаниях съезда националистических организаций, генерал Лохвицкий, наиболее опасные члены «Совета казачьих войск» и народной специалист по переворотам, бывший начальник штаба и военный министр Колчака, генерал Д. А. Лебедев.

В мае Лохвицкий был арестован и содержался при Особом отделе на Корейской улице.

Находившаяся в деревне японцев гостиница «Централь», из которой год тому назад гремелась Земская Управа—помещение Земского Правительства,—сделалась местом спешнейший, главным штабом меркуловцев.

Неуловимая для власти, постоянно охранявшая японскими часовыми, гостиница эта являлась чрезвычайно удобным наблюдательным пунктом и надежным убежищем на случай тех или иных действий.

20 мая произошла как бы репетиция назревающего переворота. Под каким-то предлогом вооруженная рота японцев выстроилась у Владивостокского вокзала против штаба русских войск. Здание штаба было окружено, все служащие выведены на улицу и обвинены арестованными. Командующего войсками Лепехина в штабе в этот момент не было. Одновременно было произнесено нападение и на Особый отдел штаба на Корейской улице. Ворвавшаяся вооруженная группа белых разгромила помещение и освободила находившегося здесь в подвале арестованного генерала Лохвицкого.

После некоторого времени все сотрудники штаба были обнажены свободными, удалились и грозившие Особый отдел «незвестные в новой форме».

Происшествие это породило значительную тревогу в рядах Правительства Антонова и серьезные опасения среди коммунистов. Заявления и протесты, сделанные Антоновым и уполномоченным ДВР Цейтлинем, практического

результата не имела. Было ясно, что неминуема кровавая схватка, несмотря на все заверения японского командования о недопустимости таковой.

Антоновское правительство располагало во Владивостоке резервной живой силы в виде особого батальона с пулеметами и конным эскадроном. При сочувствии весьма многочисленных грузчиков и других рабочих, несомненно, достаточно подготовленных коммунистами, оно могло бы оспаривать победу во Владивостоке. Но в других пунктах все преимущества были на стороне переворотчиков: Никольск, Раздольное и др. пункты, кроме особо сформированных отрядов, имели и прочие организованные части капреленцев.

Услыть себя войсками из Хабаровска правительство Антонова не могло в силу Русско-Японского соглашения 29 апреля 1920 г., реанимировавшегося японским командованием.

Содействие могли оказать партизаны, но и они, в силу некоторого национализма на них со стороны владивостокского командования, если и оказали такое в скрытом виде, то по исключению лишь в небольших размерах.

Решающее значение имели японцы. Их содействие на этот раз определенно переходило на сторону правых группировок. Правительству Антонова, как и ряду его предшественников, осталось только с честью умереть.

Развязка не заставила себя долго ждать. Около 10 часов утра 26 мая в центре Светланской улицы проходили, сопровождаемые милицией, партии разномастные арестованные военные (белые). Около дома Кунста и Альберса находившиеся на улице толпа, подогретая вышиными среди нее агентами Меркуловых, потребовала освобождения арестованных. Смущенные лихаческие не оказали никакого сопротивления и покорно дали себя обезоружить.

Находившийся в то время гражданин Г., когда-то бывший рабочий, а теперь владелец местной табачной фабрики, выбросил трехцветный старый русский национальный флаг, избрался на ближайший фонарный столб и горячей, страстной речью приветствовал первый шаг к «национальному обезпечению и свержению власти коммунистов».

В то же время высилась группа вооруженных людей из гостиницы «Централь». Во главе ее были генералы Лебедев и Глебов. Постоянцы и милиционеры были немедленно обезоружены. Переворотчики захватили здание Областной земской управы. Отсюда и начальству уже открытое руководство восстанием.

Одновременно белыми были захвачены штаб, гауптвахта, управление внутренними делами и другие наиболее жизненные пункты города. В очень короткое время важнейшая западная часть Владивостока была в руках повстанцев. Там на всех зданиях рвали уже трехцветные флаги.

Первое серьезное сопротивление было оказано красными у дома № 3 по Полтавской улице, против здания Городской Думы. Здесь помещался один из отделов государственной политической охраны, особенно непримитивной для переворотчиков и горожан («Чрезвычайка»).

Первая попытка захватить это здание была встречена живым огнем с его балкона и окон. У белых оказались убитые и раненые. Тротуар у здания городской управы и стены самого здания были обильно обрызганы кровью.

Глазевшие горожане с ужасом шарахнулись во все стороны. Все дальнейшие попытки нападающих оказывались такими же неудачными; число жертв росло. Защищавшие здание несколько человек из милицейского резерва не выказывали никакого намерения к сдаче. Это продолжалось весь день 26 мая.

Главные силы правительства были сосредоточены в посточной части города и, так называемом, «Гнилом углу». Оттуда постепенно началось их наступление вдоль Светланской улицы и по берегу бухты «Золотой Рог», где были сочувствующие коммунистам матроны с судов сибирской флотилии.

В свою очередь, разиняли наступление и переворотчики. Стороны сошлись почти на средине Светланской улицы в районе портных флигелей, занятых в то время Центральным бюро профессиональных союзов. На этих зданиях, в связи с переменным успехом борющихся, поочередно маячивали то флаг ДВР, то трехцветный флаг дореволюционной России.

Я знал как раз против этих зданий. Перестрелка и мелкие схватки тянулись в этом районе не только 26 мая, но и на следующий день. Неотступно сопровождая воюющие стороны, японцы незаменимно прекращали бой, как только какой-то привил более или менее борьбовый характер.

Я несколько раз должен был переходить нейтральную зону, чтобы попасть к себе домой. Как-то ночью двух-трех человек на крыше моего дома, устанавливающих красный флаг — значит, победили красные. Действительно: они только что сняли трехцветный флаг, выставленный моим хозяином. Над его квартирой, для большей иерархии, давно уже висел японский флаг. Подданство той или другой из браждавших сторон он предпочитал демонстрировать соответствующим флагом над крышей занимаемого ими дома. Этот, не лишенный остробумния, прием практиковался в эти дни узников.

Наконец, по каким-то спорожжениям, красная сторона была разоружена иконцами. Вскоре, примерно, таким же порохом было «сломлено» сопротивление красных и в Шеффнеровских казармах, где милиционеры оказывали сопротивление рабочие Дальневосточного судостроительного завода и местные жарросы. В Шеффнеровских казармах отбивались, как в бесте, охранявшие японизмы, видные деятели-коммунисты и агенты правительства, в том числе и Цейтлин. Там же находился и глава правительства В. Г. Антонов.

Здание на Подтавской улице «сдалось» тоже только на третий день. Его защищал один мужественный милиционер, лежавший на крыше за каменной трубой, над которой разнёсилось защищаемое им знамя ДВР. Он каждый раз спирально отстреливался при всякой попытке со стороны его врагов. Быстро склонился побинцией толпы, которой он показывался время от времени из-за скрывающей его трубы. Толпа ему аплодировала, посыпала пищу и мешала пронестию против него решительных мер.

Я, к сожалению, не знаю его краечной судьбы, но живо, как красивый эпизод, исполняю красную трубу, красный с солнцем флаг и его упорного защитника.

Борьба закончилась в «Гнилом углу». Со стороны красных там дрались и партизаны. Вмешательство японцев было не в их пользу. Они, вместе с наиболее непримиримыми защитниками правительства Антонова, ушли в сопки.

Более легко совершился переход в Никольске.

Еще 29 мая во Владивостоке имелось следение о разоружении никольской милиции и о переходе на сторону капитулянцев части дивизиона народной охраны, а на следующий день экстренный выпуск «Слова» подтвердил утренние сообщения газет о перевороте в Никольске. И милиция, и дивизион народной охраны сдали оружие капитулянцам. Командитой городи назначен командир II корпуса ген. Смодри. Общее руководство событиями находилось в руках командающего капитулянской армией ген. Верхбицкого.

То же произошло в Раздольном и др. пунктах. Власть коммунистов была ликвидирована.

Переворот на севере докатился до Спасска. Во Владивосток вошли части III корпуса генерала Молчанова, наиболее тесно связанные с Меркуловыми. Части эти предупредили закрепление во Владивостоке семеновцев, принимавших весьма деятельное участие в перевороте и явившихся авангардом, подготовившим вступление в законные права «Верховного Правителя»—Семёнова, находившегося в это время в Даирене.

Совет съезда несогласных кинеденно выдвинул из своего состава правительство мити, называвшее себя Приморским правительством, что показывало распространение его претензий на власть не только над Приморьем, но и над Амурской областью.

В состав пятерки вошли оба брата Меркуловых, городской голова Владивостока—Бремеев и два малоизвестных гражданина—Макаревич и Адерсон. Председателем правительства был избран Спиридон Меркулов, человек чрезвычайно хитрый, честолобый и энергичный. В доисленное время он был одним из крупных сотрудников бывшего зрея генерал-губернатором Гондатти, хорошо знал край и местные условия. Вместе с братом своим Николаем, в прошлом—капитаном парохода на Амуре, а теперь, капитаном нескольких промышленных предприятий в районе Владивостока, образцом грубой силы и упрямой язва, эти два человека фактически сделались господами положения.

Николай Меркулов, именний сыном и в японском штабе и среди первых капитулянцев, взял на себя заведомые иностранные и военно-морские дела.

Значительное влияние в правительстве получила после переворота командающий капитулянской армией генерал Верхбицкий, который вместе с своим штабом прочно обосновался во Владивостоке.

Соперником ему по влиянию на правительство являлось подчиненное уссурийское казачество, во главе с его атаманом Савицким и генералами Савельевым и Глебовым, сыгравшим весьма крупную роль в только что законченном перевороте.

Пытался играть некоторую роль и «Совет казачьих войск», во главе с «наследником прав» известного атамана Дутбна—генералом Анисимовым. У Совета были свои избранные части—небольшие отряды оренбургских, уральских, сибирских и семиречинских казаков. В Совет входило представительство и от амурских и уссурийских казаков.

С главой правительства С. Меркуловым я познакомился при несколько исключительных условиях.

В первые дни после переворота я как-то беседовал с посетившим меня американским представителем г. Смитом.

Доложили, что меня просят только что прибывшие посетители. Я вышел. Оказалось, меня ждали видеть министр юстиции нового Правительства Разумов, которого я видел первый раз, начальник осведомительного отдела подкован Михайлов и какой-то совершенно незнакомый человек, оказавшийся представителем усурийских казаков.

Я спросил прибывших о цели их визита, а также понтересовался—имеют ли они личное дело ко мне, или исполняют чье-либо поручение?

Разумов очень почтительно заметил:

«Мы прибыли по поручению президента Правительства, он просит вас пожаловать к нему».

В окно виднелся стоящий у подъезда военный автобус.

Это «пожаловать» в устах министра юстиции, подкрепленное начальником осведомительного отдела, мне не особенно понравилось. Оно очень напоминало вежливое заявление об аресте.

Я отметил, что сейчас занят беседой с американским представителем и оправдываясь через 20-25 минут.

«Вы или пришлите за мной машину, или, если располагаете временем, благоволите пройти на балкон и обождать».

«Гости» предпочли обождать на балконе.

Закончив разговор со Смитом, я сделал некоторые распоряжения по дому на случай возможных неожиданностей, и мы отправились.

Сытланская улица, по которой мчался автомобиль, полна народа.

Меня доставили в здание Областной Земской Управы. В кабинете президента находился С. Меркулов во френче и высоких желтых сапогах. Сбоку в кресле сидел генерал Верхбицкий.

Последовало, Меркулов извинился, что побеспокоил меня.

Я довольно резко заявил ему, что хотел бы знать причину, по которой меня второй раз катают при столь пышном конвое в «секретном автомобиле»).

Меркулов обяснил, что сегодняшнее приглашение вызвано общественной тревогой, в связи с появлением огромного плаката у здания занимаемого чехословацким управлением (обычное место расклейки сенсорных известий).

В плакате сообщалось, что, во главе со мной, я формирую новое правительство. Известие это будто бы глубоко встревожило капитальскую арию и вызвало недовольство «национал-патриотов».

В голосе Меркулова звучала нотка скорби и покорности прозывисту божьему. Он недурный актер и хорошо знает, что делает.

Я заметил, что сообщение это очень напоминает мне сообщения газет, имевших место в прошлом году, сейчас же после январского переворота, свернувшего Разумова, и после апрельского выступления иронии. Тогда это сообщали левые газеты, теперь об этом пишет «Слово» (лей-орган мерку-

^{*)} Первый раз, сейчас же после переворота, по распоряжению генерала Лебедева, интересовавшегося задержанными из германских военными материалами.

ловцев) и как нечто новое—плакат у помещения японского жандармского управления.

Редакция сообщения почти одна и та же, одно и то же соответствие с истиной.

Мою сторону определенно принял генерал Верябинский, после чего Меркулов выражал, вместе с новым извинением, искреннюю признательность за высокое столь прискорбного недоразумение.

Мне даже предложена была охранныя грамота в моей собственной редакции. Свидание на этом закончилось.

Обратно доктор доставил на автомобиль, но на этот раз уже только в общество шиффера.

Плакат оставался на своем месте, вызывая пересуды «политиков» и горожан.

Цель этой шумихи была ясна: со мною считались и военные круги, и общество. Это не было в интересах нового правительства, неожиданное появление которого вызвало недоумение и раздражение даже в умеренных кругах. Меня надо было пыгнинуть. Кое-что в этом направлении удалось.

Одни (левые) шипели, видя меня на автомобиле среди Меркуловщёв, другие, меркуловские патриоты, благодарили, читая о преступных замыслах, сообщенных плакатом.

Владивосток все же был провинцией, и Меркуловы учитывали это психология.

Меркуловы проделали то, что только что собирались проделать в отношении меня и с таким же, как Меркуловы основанием, Антоновская власть. Член Народного Собрания Л. А. Кроль рассказывал мне, что между 23 и 24 мая обсуждался вопрос о моем аресте. Пронцировали меня будто бы семеновские агенты, распространявшие сведения о моем участии в готовящихся событиях. Спрашенный по этому поводу Кроль, с изгодочанием откликнулся:

Х.

**Первые дни Меркуловщины. «Киоду—мару». Второй съезд несосов.
Приморское народное собрание.**

После переворота резко изменился даже внешний вид Владивостока. Всюду трехцветные флаги. Улицы стала наряднее, появился военные и погоны, особенно кадеты. Их на этот раз втянули в политическую передрягу и они чувствовали себя маленькими героями. По Светланке начались автомобили, но уже с другими пассажирами, с новым начальством. Страсть к новому автомобилю оказалась общей у всех властей и правительства и озябшего раздражала пешехода, особенно в сырую погоду, независимо от того—инделись ли в автомобиле команда куртки коммуниста или бурая зеленый пиджак.

Автомобили символизируют «начальство». Пешеход теряет в обычайской оценке; он по сравнению с едущими в автомобиле просто «серая нехота» на общем параде с гарнирующей кавалерией. Автомобиль оттеняет социальное неравенство, у них он пока только власть и капитал.

У нового правительства с первых же дней его существования создалось два крупных осложнения: персек—в иле оставшегося, как наследство от старого правительства, Народного собрания, с поддерживавшим коммунистов большинством, которое меньше всего нужно было Меркуловым, и возникший со дня на день приезд «верхового правительства» атамана Сеченова, как законного наследника гравя Колчака.

21 мая состоялось частное заседание наличных членов Народного собрания, без коммунистов, игравших в нем до сего времени руководящую роль, а теперь, с 26 мая, ставших нелегальной партией. Было постановлено прервать работу Народного собрания в установленный срок перерывом, т.е. с 1-го июня. На собрании присутствовал, между прочим, и председатель нового правительства С. Меркулов, заявивший о желательности сотрудничества Народного собрания с Правительством.

Желания это не было искренним, так как чуть ли не на следующий же день был выпущен указ Правительства о распуске Народного собрания и о передаче всех его дел в ведение управления внутренними делами. Вместе с тем назначались новые выборы в новое Народное собрание, без коммунистов, которое должно было существовать до сентября 1921 года, когда, в свою очередь, должен был быть собран Учредительный съезд. Это характерное для председателя нового Правительства действие только подтверждало слагавшееся о нем мнение. Чтобы оградить старое Народное собрание от бесприемного роспуска новой, явившейся захватным путем, властью, обра-

западу «Совещание демократических партий и организаций Владивостока».

Инициатива совещания принадлежала Дальневосточному демократическому союзу, основным ядром являлась крестьянская фракция большинства Народного собрания. Кроме неё и Демократического Союза, в состав совещания входили: прогрессивно-демократическая фракция Народного собрания, кадеты, народные социалисты, группа правых эсеров.

Совещание значительно расширило свою первоначальную задачу о защите прав Народного собрания и считало уже необходимым «регулирование политического положения, созданного событиями 26 мая, путем переговоров с Вр. Примурским Правительством по вопросу о преобразовании последнего на выработанных совещанием основаниях».

Ко времени этих переговоров внимание правительства было отвлечено в другую сторону. На рейде «Золотого Рога» (Владивосток) бросил якорь японский пароход «Киоду-Мару», прибывший из Даирэна с «верховным правителем» атаманом Семёновым и его штабом, с генералом Клерке во главе.

По ходившим тогда разговорам, Семёнов был введен в заблуждение и выехал из Даирэна в глубокой уверенности, что он едет, нетерпеливо ожидаемый населением и войсками. И действительно, во Владивостоке собралось большое число его сторонников, сюда прибыло уже и его правительство во главе с Таскиным. Ждали «правитель» и многочисленные кандидаты на служебные посты, главным образом, беженцы из Харбина и Японии. Были горячие сторонники и среди местных правых группировок.

Однако, Меркуловы оказались весьма предусмотрительными и, как уже указывалось, заняли Владивосток своими войсками раньше, чем успели туда проникнуть сторонники Семёнова, главным образом, из Гродекова. Несомненно, Меркуловы приняли некоторое участие и в создании «непредвиденных обстоятельств», задержавших отъезд Семёнова и помешавших его прибытию сейчас же по окончании переворота.

Между «морским штабом» Здание, где заседало меркуловское правительство, и «Киоду-мару», где жил Семёнов, начались упорная вражда, скоро перешедшая и во приходу военных сил—приверженцев Меркуловых и Семёнова.

Владивосток, 1 июня.

Вечером я, Кроль и Арбатский беседовали с С. Меркуловым, показывали, по выражению А. Н. Кругликова, «живую фотографию» действительности, создавшейся в связи с последними событиями. Меркулов заявил опять о полной неприменимости Семёнова.

В борьбе военных группировок пока победили командующий кавалерии ген. Вероятский, Стадленник и сторонник Семёнова—Савельев принуждён вернуться в Гродеково.

Васедание пленума Народного собрания не состоялось. Настроение в общем напряженное.

2 июня.

Был английский консул г. К., приглашал на их национальный праздник. Очень интересовался, какое решение было бы наиболее правильным в отношении Семёнова.

На заседании крестьянской фракции восторжествовало мое мнение о реконструкции власти. У крестьян большой единогласно, под давлением ветвей из деревень.

Приступали на этот раз и представители с-д—Богданов и эк-эр —Плеханов, а также «бутербродники» из бывшей «Дальневосточной Трибуны».

Было принято окончательное постановление относительно власти, близкое к тому, чего желали крестьянине.

Круглов и Кроль понесли постановление Меркулову.

Обострение между каштелянами и сенешальцами растет. Начальник гарнизона Никольска сенешальц И. защищает каштелян Сахаровым. Решительное племя в борьбе переходит к командиру ижевцев—полковнику фон-Валу, установленному сыски с местными рабочими кругами.

Получено сведение о решении консульского корпуса не допускать высадки Семёнова.

3 июня.

Был на заседании крестьянской фракции, зачитал им выработанные комитетом Демократического Союза четыре пункта о реконструкции власти. Меня спросили эк-эр. Мансетой снял бороду, выбрит по-английски, кто-то — постку заметил, что это «результат блестящей сенешальцы». Время, действительно, тревожное.

Был у англичан. Поздравил консула. Приездство скромное, каждому гостю бакал шампанского и несколько любезных слов.

Коммунисты начинают проявлять деятельность—через профсоюзы формируют «рабочую партию».

Пущен слух о соглашении Меркуловых с Семёновым и об отъезде последнего.

Правительство особого указом лишило президиум Народного собрания его полномочий, но в тот же день отменило этот указ. Колеблется.

4 июня.

Ночь пошла тревожно. Обострение между кашелянами и сенешальцами достигло крайнего напряжения. Ижевской полк всю ночь под ружьем, конду патрули.

Перед приходом в Совещание крестьянская фракция предвызывается обнажтывается социалистическим блоком. В составе проектирующей власти («Семерка») крестьяне требуют для места себе, одно уссурийским кашелям и два социалистам, между тем с-д и эк-эр от участия в соглашении с Меркуловыми отсыпались. Кроме того, крестьяне обостривают, конечно, по указке того же социалистического блока, и вопрос о «шансоне», т.-е. о назначении правительства, настаивая на назначение «Приморского»—Приморского, подаяя, что присвоенное Меркуловыми название носит признаки агрессивности в отношении ДВР, считающего Приморье своей территорией.

В частных беседах крестьяне побаиваются Семенова и опасаются — «как бы не было чего» за их связь с коммунистами, в случае, если атаману удастся выдвориться в Приморье. И они боятся в своем беспокойстве. Их ведь прежде и острее всех приходится переживать последние смены властей, а таковые менялись здесь уже добрый десяток раз.

5 июня.

Владиосток занят исходом борьбы, первое, исходом соглашения Меркуловых с Семеновыми. Выдвинут вопрос об отступниках. На «Киноду-мару» боятся прозеинить. Говорят, что Семёнов согласился на представление ему мнения верховного главнокомандующего, не подчиненного правительству (?).

Меркуловы исключают нахожду на второй съезд несоциалистов, назначенный на 10го июня, который и вырвет вопрос о власти.

Встретил вновь назначенного управляющего делами правительства С. П. Руднева. На мое поздравление он заложил руки:

«Я временно и только потому, что нет работников,—один Спиридон Меркулов, да и тот прохаживается в однород от переутомления».

«Ну, а как с Семеновыми?».

Руднев покрутил головой: «уж очень круто повернули».

В жесте, сопровождавшем это замечание, было мало успокоительного.
б июня.

В шеду близости второго съезда несолов и явно праждебной к Народному собранию позиции капитального коалиционирования, главной реальной силы в данный момент, шансы Союзования на возможность реконструкции власти становятся весьма сомнительными. Тем не менее к С. Меркулову были направлены особая комиссия, выделенная спешением, с целью познакомить через него правительство с выработанным Союзением постановлением. Оно сводилось к следующим пунктам:

1) «Верховная власть преобразовывается по соглашению с общественными группировками с правом персонального отвода отдельных кандидатов.

2) Верховная власть особым актом объявляет о своем преобразовании и назначает председателя Совета управляющих и членов формируемого им кабинета, ответственного перед Народным собранием.

3) В первом заседании Народного собрания (3 сессии) председатель Совета управляющих зачитывает декларацию Совета управляющих, а также указ Бр. Правительства о распуске Народного собрания, о назначении новых выборов на основании всеобщего, прямого, равного и тайного голосования.

В декларации отмечается: а) необходимость установления истинно-демократического строя, б) недопущение на территории Бр. Правительства атаманщины, если бы она не возглавлялась, в) недопустимость агрессивной политики и инициативы действий в отношении ДВР.

4) Народное собрание, послушав декларацию и указ, принимает переход к очередным делам и прекращает свою деятельность, заканчивая 3 сессию.

5) Совет Верховной власти образуется из 7 лиц, в том числе не менее 2 от несоциалистических группировок, 2 от крестьян, 1 от казаков. Относительно двух оставшихся мест социалистам, несоциалистам или срединным группировкам, вопрос подлежит окончательному разрешению».

Ознакомившись с принесенным постановлением, С. Меркулов сначала было рассказал о полной неприменимости пункта о созыве Народного собра-

ния даже на один день, для его самороспуска, однако, после обмена мнений, категоричность его заявления значительно изменилась. Договорились, что постановление Совещания сегодня в 6 час. вечера будет рассмотрено правительством.

«Буду его защищать, в крайности устроям общее с вами заседание», — прокричительно закончил беседу, «покорный промыслу божьему», хитрый Меркулов.

Он сильно жаловался, что в связи с появлением Семенова, весьма трудно ликвидировать остроту положения.—«На пароходе у атамана нечто невообразимое, грохавая съта... а денег нет»¹⁴¹).

8 июня.

Английское консульство в затруднении, как поступить ввиду протеста, заявленного представителями севастопольских военных группировок против постановления консульского корпуса о недопустимости высадки Семенова.

Заходил Б., рассказывал харбинские комбинации, в связи с Владивостокским конфликтом. Он смущен положением на «Море» (Семенов) и упрашивает «Сушу» (Меркуловы) в излишнем, хотя и искусном коварстве.

Были «украинцы» из кооперации «Чумак». Они тоже скорбят о гибельности конфликта и всецело сочувствуют, хотя и не бескорыстно, «Морю».

Беседовал с ген. Верхбицким о роли срединных сил. Он определенно за монократию власти. Состав меркуловского правительства, по его мнению, подобающе этому вполне удовлетворяет. Вопрос, конечно, в том, справится ли это правительство с создавшейся обстановкой. Общественная база правительства не особенно прочна. Но сейчас на его стороне руководящие круги армии, а это пока все.

Появился новый печатный орган «Рабочий», издание Бюро профсоюзов, с резкой оппозицией правительству. Социалистический блок усилил обработку крестьян, тянет из-под влияния срединных сил. Правительство в отношении крестьян тоже бездействует, и не мешает этой обработке. Оно уничтожает свободу слова и печати, и слишком занято борьбой с Семеновым¹⁴²).

10 июня.

Обещанного ответа Правительства по поводу постановлений Совещания нет. Его, конечно, и не будет. Этого не хочет армия и большинство в Правительстве. В 9 час. вечера состоялось последнее заседание Совещания — решено выслушать мнение каштелянского командования. Прибыли приглашенные на заседание генералы Верхбицкий, Молчанов и Пучков.

По заявлению генералов, Правительству сочувствует и население и армия. Последняя предпочитает в настоящий момент сохранить эту власть без изменения. К Народному собранию отношение самое отрицательное.

Эти заявления предрекали судьбу дальнейших попыток Совещания. Народное собрание было распущенное. Вскоре распалось и само Совещание.

Начались выборы в новое Народное собрание. Отсутствие в выборах коммунистов, обвиненных противозаконной партией—«сатанисты», а вместе с ними отсутствие почти всех рабочих, конечно, уменьшало значение создаваемого представительного органа и делало его однобоким орудием правительства; тем не менее демократические организации, в том числе и Демократический союз, считая необходимым создание меркуловщины оппозиции, возможной в тогдашних условиях—решили принять участие в выборах.

Пошли на выборы и местные эсеры. Борьба за время выборов велась, естественным образом, между правыми (национал-демократы) и демократическими союзами.

13 июня.

На улицах много новых лиц—это депутаты второго несоналистического съезда. Представительства самые необыкновенные. Между прочими, встретил знакомого из Токио Г., он и очень популярный в правых группировках списках Нестор присланы депутатами от русской колонии в Японии.

По газетам, Унтер призывают всех к подчинению «законному императору Российскому Михаилу Александровичу», который находится будто бы где то в Забайкалье.

Северов на «Патрокле» бежал из бухты. Предполагают, что он стоит где-нибудь вблизи залики Янковского. По газетам же, будто бы высадился в Океанской*).

Звонил от имени правительства И. И. Сахаров предупредить о желании президента правительства побеседовать со мною. Я ответил, что около 8 час. вечера буду дома. В назначенный час приехал С. Меркулов, начал с извинения за задержку ответа на постановление Совещания демократических организаций.

«Все время повторяет борьба с Северовым. Я еще отошел. Вчера пристали же теперь вновь чувствуя себя боевым. Цель моего приезда просить вас принять пост председателя Русско-Японской согласительной комиссии; Ангольский**) должен уйти, давят кашемиры и выдвигают вас».

Я заметил, что среди многих неудобств, связанных с занятием этого поста, есть одно, имеющее значение для интервентов. До сих пор я сносился и держал себя, как равный только с японским генералом-командующим. Как равные стороны мы подписали и сдали Русско-Японское соглашение 29 апреля 1920 г. Теперь я должен буду понизить свой ранг.

«Подиоте, генерал, такое ли теперь время... Людей нет. Рекомендовал полковника Унтербергера, да я его совсем не знаю», горячо заявил Меркулов, явившийся несомненным, что я был очень нужен на этом посту.

Предлагаемый пост был единственным реальным постом, откуда твердо и настойчиво можно было бороться против обид, причинявших наследию измени. Только с этого поста можно было отстануть и постепенно возвращать принадлежащее русскому народу имущество, захваченное японцами.

*1) Дачное место в 18 верстах от Владивостока.

**) Начальник военной академии ген. Ангольский знал это место с первых дней переворота 26 мая.

По этим соображениям, год тому назад я вошел в состав этой комиссии при Земской правительстве. Значение этого поста не изменилось с переменой власти. Расчеты наши с интервентами далеко не окончились.

«Я подумаю о вашем предложении», — ответил я Меркулову, — «но с условием самой широкой полномочий комиссии, исключающей подчинение ее председателя не только кому-либо из министров, но и самому Совету министров в целом».

«Ну, конечно, достаточно, если вы будете с нами спариваться», — быстро согласился Меркулов.

«Затем я остановлю за собой право политической работы, а вы знаете, что я нау по склону праждебной маи группировки».

На следующий день я обещал дать окончательный ответ.

17 июня.

Вечером на частном заседании у Б. видел харбинских кооператоров, стбренников Семёнова²⁴⁰). Часть из них кандидаты на министерские посты в его проектируемом правительстве. Серьезно доказывают возможность обращения к власти атамана и осуществимость его фантастических операций против Забайкалья.

На съезде несогласных торгуются с Семёновым.

Крестьяне в своей резолюции требуют ответственности правительства перед Народным собранием.

По словам Меркулова, у них нетто на б. линей продовольствия для калмыцкой армии. Денег тоже нет.

18 июня.

Состоялось мое назначение председателем русско-японской согласительной комиссии.

Вечером был Хоминов и Тжелев — последний советник ведомства иностранных дел. По словам Тжелева, японцы и другие иностранные воздерживаются от каких бы то ни было официальных сношений с правительством Меркуловых. Даже сам председатель правительства ограничивается беседами с начальником японской военной миссии. Вот причина столь настойчивого приглашения меня в комиссию.

Тжелев показал текст проекта соглашения с Семёновым, лично он горячий сторонник этого соглашения с предоставлением Семёнову «теоретической роли».

Гадают о будущем несуществительстве атамана, в случае, если соглашение с ним не осуществляется. В Америку, Китай и Японию его будто бы не пускают. Придется жить в Гродеково или Посьете.

К ночи создалось очень тревожное настроение. Оказалось выступление сененковских группировок. По крайней мере их шеи, расположенные в морских флагманах на Светланке, все время под ружьем, в полной готовности. Меня остановили их патруль. Я спросил подопечного командира подкапитана ф.-Вала:

«Поддерживают ли вас рабочие?».

«Нет, они только возмущаются от всяких выступлений».

19 июня.

Третий день. Погода дневая. Пароход «Искатель», поддерживавший сообщение города с Русским островом, переполнен празднично одетой публикой. Масса японских судов тянется также к живописному острову—на пляжу в районе «3-го полка» у них спортивные состязания. Так огромная толпа гостей и зевак; крики японцев, саке и вино. Невольно сознаешь, кто здесь хозяин¹¹⁷.

21 июня.

Вчера в городе демонстрировалась «семеновская сила»—казачий полк. Чудесно пели.

Бригада Семёнова с Меркуловцами вынесена на второй Съезд несогласных, где открытые безоговорочные сторонники Семёнова потерпели поражение. Новый совет Съезда во главе с Лихоцовым, Андрющенко, ген. Лохвицким и др. вошел на стороне Меркуловых, за которыми в конце концов и осталась окончательная победа. Семёнов принужден был покинуть Владивосток.

Стороны не жалеют красок для очернения друг друга. Получился особый моральный облик и потерпевшего неудачу атамана и его счастливых спарников бр. Меркуловых.

В процессе борьбы военных группировок изолируется бригада Глухина, не признающая ни Семёнова, ни Верховного. Эта бригада решила подчиниться непосредственно правительству. За этой бригадой охотится ген. Лохвицкий, тоже претендент на обединяющее гланнооконцование.

Новый акт исключительной личной любезности японцев: полковник Гони—исполняющий обязанности президента их стороны в Русско-Японской согласительной комиссии, на извещение о моем визите просил не беспокоиться и разрешить ему приехать ко мне.

На первое пречя, понятному, придется ограничиться вопросами материальными и связи, т.-е., тем, что, по выражению японцев, «относится к вопросам гуманности». Все мои козыри в моем все еще прочно сохраняющемся личном авторитете среди японцев. Правительство в политическом отношении—пустой звук.

В отношении Семёнова Гони выразился, что атаману придется покинуть где-нибудь вроде Посыти (из Владивостока он выехал в Гродеково), «пока Китай не разрешит выехать на его территорию, и пока войска атамана будут продвигаться на запад».

При последней фразе я посмотрел на Гони—он улыбался, как всегда. План похода Семёнова в Забайкалье, конечно, известен и им.

22 июня.

Заезжал японский дипломатический представитель г. Ватанабе—всегда придерживается ориентации на ДВР. Не знаю, насколько это искренно, может быть, это просто «так надо».

Пронизненяет над Семёновым и считает нереальным «буфер в буфере»—белое Приморье в «демократическом» ДВР.

Жалуется на трущность положения и у себя дома—в Японии; учитывает рост оппозиции к военной партии. Полагает необходимым соглашение будущего Народного собрания Приморья с Читой.

30 июня.

Работа в Русско-Японской согласительной комиссии налаживается туго. Японцы по тактическим соображениям выживают и тормозят деловую работу.

«Пока правительство не присягнуло, мы можем говорить и решать только вопросы, касающиеся гуманности».

А с кем идет стон—опять «появились» хунхузы, с которыми и правительство и население, лишенные оружия, борются бессильно. Тормозятся инцидентами и другими вопросами, а с ними тормозится и жизнь.

Прибывший из Харбина Б., являющийся сторонником работы одной сплошненной военной группой, заявил: «я не придаю особого значения общественности, ее всегда можно создать, имея деньги». К сожалению, у Б. нет денег, и он лишен возможности проверить свою теорию.

Меркуловы, как люди практики, успешно ведут борьбу с оставшимися во Владивостоке агентами Сеченова, будирующимися слух о новом перевороте, они постепенно упрятывают их в тюрьму.

Вот учреждение, которое не может сокрушить даже революция. Оно имеет название и зависимости от устремлений и искренности власти, но сущность его остается неизменной⁴⁴).

Поднимается вопрос о возвращении России переданной большевиками Китаю полосы отчуждения КВЖД. Японцы по этому поводу заявляли мне:

«Это вопрос очень большой и мы его непременно будем изучать».

Дело безнадежное, так как все вопросы они изучают очень долго,

Вопрос с возвращением захваченных грузов тоже затягивается. Японцы откладывают его до Народного собрания⁴⁵).

2 июля.

Р. пишет из Харбина, что отношение ко мне там неблагоприятное все будто бы из-за аварийной истории на р. Хор, где красными были зверски убиты офицеры, вывезенные из Никольска в апреле 1920 года. Я ни с какой стороны не причастен к этой ужасной бойне, она произошла до моего прихода к власти, и, наоборот, занимал пост управляющего военно-морским ведомством при Земском правительстве, я, вместе с А. Н. Кругловым, бывшим тогда управляющим внутренними делами, поднял это дело, добился назначения особой следственной комиссии. Трупы были разысканы, переданы родственникам. Наиболее нуждавшимся сиротам оказана помощь.

Сегодня с большим успехом, при огромном стечении публики, прошло устроенное Демократическим союзом предвыборное собрание. Мне пришлось скрестить оружие с лучшим оратором правых В. Ф. Ивановым. Я использовал некоторые промахи его горячей речи и вопросом—«насколько еще стоят они, правые, собираются держать в тени русский народ?»—вызвал бурю окавший в зале. После выступления Иванова по личному вопросу, дело В. Г. Болдырева (Директора Конца. Интервенты—

едва не закончилось потасовкой его и иных сторонников. Выступали представители всех группировок до коммунистов включительно. Последние, широчею, под флагом профсоюзов.

7 июля.

Крайне обострился вопрос с хунхузами. Область стражет от грабежей и убийств. Через Русско-Японскую согласительную комиссию я заявил японцам о необходимости пересмотра штатов русской милиции и её вооружения, писал, что «из прилагаемых в копии документов и общей схемы хунхузских очагов, можно с достаточной наглядностью усмотреть, что размеры деятельности хунхузов становятся переходящими всякий предел терпимости»...

Весьма часто хунхузские очаги были на виду стоянок японских гарнизонов, обжитых, в силу соглашения 29 апреля 1920 г., охранять порядок и спокойствие мирного населения. Но так говорило соглашение, иначе было в действительности.

Хунхузы, видимо, имели основание не особенно стесняться присутствием непрощенных охранителей русского населения.. «не ограничиваясь обычными драками и оброками с русского населения, они производили вооруженные набеги, убийства, грабежи, поджоги, насиловали и уводили с собой женщин, при чем передан были случаи насилия над малолетними детьми»...

Японцы ограничивались отписками, уведомляли о посыпке небольших отрядов и определенно тормозили попытки о русской милиции. Несомненно, на хунхузах была построена чья-то определенная игра.

21 июля.

День открытия Народного собрания. Большой наплыв публики. Большинство городская интеллигенция. Налицо все иностранные представители, много японских офицеров. В зале вся власть—Правительство и Совет управляющих ведомствами.

Архиерей служит молебен.

Советские эмблемы на стенах зала задрапированы трехцветным флагом.

Меньше всего в зале депутатов, крестьяне еще не прибыли. Кворума нет, между тем правительству во что бы то ни стало надо открыть собрание.

Правительственная фракция, националь-демократы, нарочно рассеялись по всем секторам, чтобы скрыть линзовую пустоту зала.

Я в случайной соседстве с кн. Крапоткиным, который, как старейший из депутатов, после прочтения премьером Колесниковым указа об открытии Народного собрания, вошел на председательское место и не особенно твердо заявил, что кворум есть, а затем обозвал Народное собрание открытым.

Крапоткин заметно волнуется. Все время называет Народное собрание Государственной Думой.

Выбрали секретари.

На кафедру входит президент Правительства С. Д. Меркулов.

Он бледен, волнуется. Сухая, деловая, но по-своему образная речь не столько к депутатам, сколько к собравшейся публике. Реверанс в сторону армии и союзников, вызвавший аплодисменты зала.

...Тяжелый ответственный момент переживают честные русские люди... ликуют лишь большевики и коммунисты—эти шипящие языки—голоса «сталинские»... так начинается речь президента.

Перечислив положительные факторы, необходимые для спасения Родины, которые порождают надежду в кажущемся безнадежном положении, Меркулов в первую очередь отмечает «русских людей»...

... Я имею в виду,—говорит он,—всех живущих в России и любящих Россию, без различия племен и наречий... Второй фактор—геройская армия и третий—соколы.

Отношение Правительства к «коммунистической власти, к вопросу о том—вести ли нам актинговую борьбу с ней или вести борьбу мирную, культурную», оратор определяет так:

«... Мы полагаем необходимым по возможности вести мирную борьбу, приложить все усилия к тому, чтобы тут, у нас, жизни устроить немножко лучше, чем там, у них: что бы они, видя это лучшее, имели самый убедительный факт, во-первых, и во-вторых, чтобы те, которые в этом уже убедились, повернули мужество для дальнейшей борьбы»...

Но... «если нас вынудят, мы, стремясь к защите населения, к самооброне, вынуждены будем, в таких случаях нарушить также принципы мирной борьбы и пойти, против своего желания, с оружием в руках защищать безопасность и порядок».

В отношении народа Меркулов заявил, что «вообще в истории никогда нельзя было спасти национального дела, не опирайся на народ, и если даже этот народ в тот или иной момент ошибался, что приводило к печальным последствиям, тем не менее это не меняет общего положения, нельзя спасти национального дела, не опирайсь на народ»...

Даже эти выпуклые места, не лишенные содержания и некоторой своеобразности языка, прошли без особого подъема. Впечатление мешала монотонность речи и сухой, склоки гнусавящий, голос оратора¹¹⁶).

Меркулов сменил командующий армией генерал Верховинский. Дао Георгия, странная полуточка при погонах форма, подъясок акцент и некоторый излишек пафоса: он приветствует депутатов: «Бог помочь Народному собранию», и благословляет за внимание к армии.

... Великий и тяжелый путь прошла армия, путь страдания и искупления... На наших знаменах кровью были написаны заветные слова: Слава России, ее свобода и Всероссийское Учредительное собрание... В состав армии вошли лица различных оттенков политической и общественной мысли. Армия братски открыла свои обятия для разных национальностей, ибо армия своего нового члена не спрашивала, как он верует и во что верует, в спрашивала лишь, любит ли свою родину больше, чем себя, и готов ли пожертвовать жизнью для нее. И только обединенная этой высокой идеей спасения родины, армия является монополитом целей».

Дальше зачитывается приветствия¹¹⁷). Аплодисменты. Повестка следующего заседания. Конец.

У выхода работает американский кинематограф.

Вопросы внутренней политики, вопросы хозяйствственно-экономические—программа предстоящей деятельности правительства—были изложены в «декларации» и. д. премьера Колесникова. Однако, декларация эта меньше всего походила на программу. Бесцветная по существу и по форме, она не остановила на себе должного внимания Народного собрания.

Колесников, недурной чиновник, немножко, кажется, и коммерсант, мало известный не только в крас, но даже и во Владивостоке, с первых же шагов своей крайней ответственной деятельности пришелся, как говорится, не то двери. Он добросовестно принимал все удары оппозиции, направленные против правительства, защищал его, как мог и умел. Его не особенно горячо поддерживало и правительственные большинство Народного собрания, оно грезило своим любимцем, веселым и легкомысленным «латоустом» В. Ф. Ивановым.

Иванов был очень нужен и правительству и его большинству в Народном собрании. Как адвокат и недурный оратор, он мог говорить и говорил горячо и увлекательно на любую тему.

Между тем и правительство, кроме С. Меркулова, и Совет управляющих ведомствами, и особенно правительенная фракция Народного собрания не были ни именами, ни ораторами. В последней, кроме 5-6 лиц, остальная масса представлялась горожанином обывателем и чиновником. Входящие в это большинство «правые» крестьяне, почти всегда беднолетние, выдвинули лишь одного весьма «популярного» впоследствии крестьянин-Фронтовика германской войны, человека себе из-уме «халидонского мудреца» (из д. Халидон, Приморской области) Бардина. Он иного чуда нечаял, увлекая депутатов и публику, и демонстрировал «настроение земли», исключительно до просушки портвояк под своим депутатским креслом.

В связи с частыми переменами властей деловые крестьяне не особенно любили высказываться и предпочитали слушать. И в группе крестьян, сидящих в крайнем левом секторе, выступал, главным образом, их лидер—учитель Абомов и лидер южнинских и эту группу корейцев—кореец Ким. В фракции, так называемой, «трудовой крестьянской партии», прошедшей под флагом пресловутого «Всероссийского Крестьянского Союза», действительных крестьян не было.

Роль Приморского Пуришевича выполняли депутаты большинства, енисейский казак Донченко и О.

Оппозиция—Демократический союз и Примыкающие к нему единички, впоследствии «дикеры», а также и «х-зы»—была значительно сильнее интеллигентуально.

Неутомимым и едким застрельщиком и в то же время хорошим оратором был кадет Л. А. Кроль, считавшийся блестителем парламентской этики и традиций. Некоторые речи Кроля были и содержательны и остроумны. Особенно удачно отвечал он на реплики с мест.

Часто досаждали правительству и большинству Народного собрания демокро... живой и гватый, всегда чрезвычайно осведомленный, Пашковский, темпераментный Кругликов и внешне смиренный, но временами этой и

едкий Знаменский. Целым оратором в союзе был и опытный военный юрист депутат Старковский.

Удэры Демсоюза нередко скрещивались и на левом крыле, на эс-эрах. Оттуда выступал массивный рыжебородый Мансветов. Хороший оратор, он «рубил» своих врагов с особым характерным ударением на последнем слоге последнего слова в каждом предложении его речи, нередко горячей и всегда более или менее содержательной. Он, по его словам, «призвал Народное собрание».

Колоритны были «маститые—старейшие»: изящный рюрикович, старый земец кн. Крапоткин и прошедший по списку Демократического союза старый кооператор, бывший народоволец, А. В. Сазонов.

Оппозиция штурмовала правительство запросами. Обыкновель из парламентского большинства часто был бессилен перед ухищрениями интеллигентов из оппозиции. В этих случаях В. Ф. Иванов был незаменим. Как юрист и адвокат, он конечно, разбирался в тонкостях запросов, и если не всегда был доказателен, то во всяком случае постоянно был готов к ответу...

Действительно, когда Иванов в первый раз стал премьером, выступления власти сделались значительно более колоритными.

В этом отношении его первая речь, как премьера, представляется достаточно интересной, что бы на ней остановить некоторое внимание.

Темпераментный и довольно несдержаный премьер, в определении за-зоч власти шел значительно дальше весьма хитрого и сдержанного председателя Правительства. Он открыто высказал то, на что Меркулов только напекал, особенно в отношении Японии и в отношении советской России.

В своем выступлении Иванов так характеризовал переворот 26 мая: «Майские события—это не продукт искусственного создания, а историческаяineизбежность, естественное движение масс под влиянием крайней необходимости, движение против недавнего умирания за жизнь и существование...» и... результат некоторого участия интервентов,—следовало добавить оратору, без которого 26 мая единолично было бы невозможным.

«Наша основная задача—это скорейшее и, по возможности, безболезненное прекращение гражданской войны, поддержание социального равновесия и сохранение гражданского мира»...

Для национального возрождения он видел два пути: «оздоровление масс и разумная внутренняя политика»...

Иванов уверял, что «население тоскует о порядке, твердой и сильной власти, о мирной жизни»...

«Наша система—это система демократического правового государства. Наши принципы: закон, свобода и порядок. Волютиз эти великие ценности в жизнь силами одной исполнительной власти невозможно. Для этого необходимо поддержка со стороны общества в лице его представителей»...—Главная и основная задача наша—это созыв Учредительного съезда, который призван установить постоянную власть и выработать конституцию края.

В области финансово-экономической политики Иванов больше всего уделял внимания жалобам на предшествующее правительство... «от пайшей власти мы получили руины» и «долг в 1.600.000 рублей».

В вопросе о хлебе его точка зрения, что хлеб «одинаково необходим для всех, и бедного и богатого, для левого и правого»...

Касаясь внешней политики, Иванов полагал, что большевизм «открыл блестящие возможности для европейской дипломатии проводить политику свободных рук, построенную на ослаблении и расчленении России. Он заявлял, что со стороны других держав «не будет проявлено альтруистических чувств», а будет лишь «национальный эгоизм—неутирающий принцип международной политики всех народов».

«Наше отношение к советской России и ДВР,—а никакого различия между той и другой мы не устанавливаем,—можно характеризовать так: мы эти образования не признаем... и будем вести с ними непримиримую борьбу»...

В отношении Японии он полагал, что «простой национальный расчет показывает японскому правительству сохранить Приморье, как национальный буфер между советской Россией и Японией, вполне лояльный и дружественный к последней»...

Это только основа, спорные пункты речи полной красных, порою сильных, образов, срамящий и неглубокого, но увлекательного задора.

Иванов, противореча себе, питал гражданскую борьбу, волююю молодых капиталистических коммивояжеров, легко ищущим оценку, плохо понимал психологию массы, но красно пел о борьбе, насыпал мечты о победе и невольно подогревал задуманный Меркуловским поход на Север.

Посещаемость Народного собрания сторонней публикой была огромная. Там была постоянная, временами интересная, трибуна, часто занимательное зрелище.

Заменяя, как товарищ председателя, предпочитавшего мирно сидеть среди депутатов председателя Народного собрания, старого, узкого, а в прошлом опытного дельца—Лихонюка, я часто с председательского кресла принужден был сдерживать порывы наиболее пылких посетителей, стремившихся вырваться из рамок установленной дисциплины в назболее боевые дни.

Другим товарищем председателя был лидер левой группы крестьянства Абонин. Секретарями: молодой, начинавший учений, заметно англонизированный и слегка чудачивший—Широкогоров¹⁴⁸) и товарищ городского головы, ктитор местного собора—Лясер.

Наиболее крупным событием, привлекшим внимание Народного собрания за первые месяцы его существования, было кровавое столкновение между «Союзом грузчиков» и «Владивостокской трудовой артелью», избившее место на Эгершельде¹⁴⁹) 2 сентября 1921 г.

Парламентская комиссия, которой поручено было расследование этого дела, была создана при моем участии, и мне же от ее имени пришлось выступить с обширным докладом по этому весьма характерному и в бытовом и в политическом отношении вопросу.

«Союз грузчиков» существовал с 1917 г. Согласно уставу (§ 1 а), этот союз имел целью «защиту экономических интересов и прав своих членов и

¹⁴⁸) Место погрузочных работ во Владивостоке.

поднятие умственного и нравственного уровня их». Конечная цель — «умножение власти капитала над трудом» (§ 1, i).

Поддержка союза превышающей властью, ощущение со стороны государственности тогда партии (коммунистов) ставили союз, наивысшей сильной профессиональной организацией, в особо привилегированное положение. В союзе числилось до 4.800 человек. Средний заработок грузчика доходил до 9 рублей в неделю.

«Владивостокская трудовая артель» организовалась в начале весны 1920 года группой безработных офицеров, занимавшихся грузовыми работами. Впоследствии в артель вошли рабочие, ранее бывшие в союзе грузчиков, солдаты и безработная интеллигенция.

Это была конкуренция союзу, считавшему себя монопольным распоряжителем всеми погрузочными работами Владивостока.

Несмотря на закон (8 июня 1921 г.) о свободе труда, изданный геркуловским правительством, Союз грузчиков постоянно оказывал противодействие артели. Правда, он заявлял, что «никаких насильственных мер к рабочим без конкуренции применять не будет», но артель только благодаря конкуренции и могла получать работу.

Два разных мировоззрения на вопрос о труде в конце-концов обусловили наличие вражды. Планы регулирующего правительства аппарата не было, существовало множество труда, но оно бездействовало. Единственный решающим аргументом оставалось силовое внушение сторон, сначала в виде кулака, а затем и бомбы.

«Когда мы убедились,—заявили члены артели следственной комиссии, что защиты юнктуза не дождались, мы решили сами защищаться. А решив защищаться, естественно, избрали и тот способ защиты, который казался нам наиболее действительным при учете сил и обстановки».

2 сентября стороны встретились при перегрузке и перевалке резины на пароход «Шинный». У представителей артели оказались с собой револьверы и бомбы, у союза грузчиков, как у классовой организации, принадлежавшей к известным профессиональным наемникам, численное большинство, которое они имели намерение использовать в переговорах.

Слова оказались бесполезными. Раздался револьверный выстрел и отгушительные взрывы бомб. Союз грузчиков потерял одного убитым и 8 тяжело ранеными.

Помолчание юнкской команды и милиции прекратило свалку. Конечно, заблаговременное появление милиции предотвратило бы столкновение, но власти бездействовали или, во всяком случае, опоздали принять необходимые меры. Кровь пролилась.

Происшедшее это, глубоко вовлекающее все слои населения и особенно рабочие круги, вызвало резкое осуждение Народного собрания. Оно признало наличие бездействия со стороны власти и совершение недопустимость примененных членами артели средств, для защиты их экономических интересов¹⁴⁸.

26 сентября.

Кабинет все еще формируется. Денег попрежнему нет. Многие уже гадают, сколько времени осталось до прихода красных.

Японский главнокомандующий ген. Тачибана не возобновляет контракта на аренду квартиры. Для съывателя и это представляется весьма показательным.

28 сентября.

В Народном собрании весь вечер занимал вопрос о Дайренской конференции^{*)}. Около часу скрепил Колесников и столько же времени торкался в воздухе слов «златоустый» премьер Иванов. Формула перехода, предложенная Демократическим союзом, почти собирала большинство. Раскол антисоветов крестьян, после чего упорно начали настаивать на своем предложении и национал-демократы.

Формула их, собравшая большинство и 44 голоса, кроме протеста конференции, исключала и требование о возврате в распоряжение правительства оружия, захваченного японцами.

Заседание закрылось глубокой ночью после скандала с выходкой депутата Кроля, крикнувшего большинству, упрекавшему оппозицию в отсутствии патриотизма: «Этому правительству оружие? — Никогда!»

Я выступил в этот вечер с обширной мотивированной обычного для каждого заседения заявления Демократического союза о необходимости создания комиссий военно-морской и по иностранным делам, неуклонно отвергающей правительственные большинством Народного собрания будто бы из-за недоверия к оппозиции.

«Миказа» (японский броненосец), потерпевший на днях серьезную аварию около острова Аскольда после похода в северные воды нашего побережья, вернулся и стоит на рейде.

Чудеса: его стянули в самый разгар тайфуна. Сейчас в Золотом Роге уже три японских боевых судна. Полагают, что это демонстрация против Америки, однако, остро вмешавшейся в работы Дайренской конференции.

Может быть, и «Миказа» «сел» на камни, чтобы дать повод заменить его другим боевым судном въ Владивостоке.

7 октября.

К. сообщил о наступлении на Спасск красных — это созвало с расположением об эвакуации из спасского района семей военно-служащих.

Правительство назначило делегацию на Вашингтонскую конференцию: Хорнат, Окулич и кто-то из Народного собрания. Под видом участия в этой делегации будто бы собираются проехать в Германию Н. Д. Меркузов. Идея Русско-Германского сближения заметно крепнет в здешних пропых кругах.

^{*)} Конференция в Дайрене осенью 1921 года из представителей Японии и ДВР, а затем и советской России. Основной вопрос конференции — эвакуация японских войск из Приморья. Соглашение не состоялось.

Вечером у А. познакомился с одним из бывших членов архангельского правительства кн. Куракиным. Он очень удивлён и возмущается, что его дети, оставшиеся в советской России, не только призывают к режиму, но даже имеют возможность носелиться.

Там же встретил молодого офицера, прибывшего из Бары на пароходе «Франц Фердинанд». Заданные условия жизни он считает значительной худшиной заграничных и все же бесконечно рад, что оказался из родине.

Полагал, что его сразу заберут на фронт,—такое представление у эмигрантов, его бывших товарищей. Все они стали англофобами.

Рассказывал о случае не особенно лестном для характеристики английских войск. Это было у Баку, где более тысячи англичан будто бы положили оружие перед 300 большевиками. «Офицеры в панике срывали погони»²²⁾.

4 октября.

В сегодняшнем заседании Народного собрания эс-эры неожиданно внесли запрос по поводу смертного приговора над осужденными из шайки «21», терроризовавшей город убийствами и уводами жителей, особенно детей богатых граждан, в сокни в целях пытательства денег²³⁾.

Оппозиция голосовала за замену смертной казни (хотели сказать, это была демонская игра на популярность—бандиты стояли своего приговора) другим наказанием, большинство же—за иннициативу в деле суда.

Страсти разгорелись. Поклевавшее затем выступление члена Демократического союза Павловского в связи с незаконным расходованием правительством 636 000 рублей, подкрепление крайне неприятными для власти документами, вызвало грубый скандал находившегося в публике редактора «Вечерней газеты» В. Н. Иванова²⁴⁾, бывшего в нетрезвом виде.

Начался настоящий скандал, пришлось прервать заседание.

Партизаны утвердились в Полтавском районе, где уже давно упрочились клевые коммунисты. Таким образом, рождается сообщение (замысланная весть Уссурийской жел. дор.) к Пограничной и еще более суживается территория приазовского правительства.

6 октября.

Во флотских частях Владивостока определенное засилье симоновских придержников во главе с контр-адмиралом Б. На концерне перекличке на судах поют «Боже, царь храни»—старая окиская история и, вероятно, с тем же конечным результатом. Своенравные командиры, с которыми не может спрашивать власть, не опирающаяся на насы.

Морские суда в значительной степени укомплектованы моряками, бывшими на «Франце Фердинанде» из Месопотамии. Большинство—бывшие командиры судов Черноморского флота, убежденных Врангелем после падения Крыма. Все это отличные матросы, хорошо знающие службу, политически—против правого уложения.

Суда ремонтируются, постепенно вооружаются; внешне большой порядок. Меркульоны не скучаются на расходы по флоту. Ложают семеновские на-

²²⁾ На следующий день бандиты из шайки «21» были расстреляны во время побега, при чем случайно был убит один из верховых издирателей.

строения в свою пользу. В этом направлении работает изысканный флотилией адмирал Старк.

Хуже дело в сухопутных войсках: там прежняя острая праездебность между маннелевцами и семеновцами. Один из активнейших руководителей переворота ген. Лебедев весьма мрачно расценивает «бстаноку» и настаивает на необходимости создания высшего военного органа, авторитетного для всех взаимно праездущих частей армии.

Не совсем гладко и в Народном собрании. Правительство имеет там большинство 43 голоса (блок несоциалистов) из общего числа депутатов в 75 человек. Но едва ли это большинство будет постоянным. Приходится усиленно ухаживать за казаками, которые только и обеспечивают отменение большинства²²¹).

19 октября.

Переконы в составе кабинета. Председатель Народного собрания Лиондов принимает портфель управляющего государственными финансами. Генерал Верхбицкий назначается управляющим военным ведомством с подчинением только верховной власти. Его консультенту ген. Лохвицкому, все время демонстрировавшему себя Народному собранию, придется, по шутливому выражению Широкогорова, «плить танцевать свои неизменные *«pas d'argent pas de crédit»*» («ни денег, ни кредита»).

В беселе я заметил премьеру Иванову, что японцы, кажется, сердятся за статью «Русского края» о захваченном ими оружии.

«Полноте, они, наоборот, просят, чтобы мы их ругали—это скрепляет их дружбу с ДВР».

14 октября.

Завтрак в кавалерийской полку. Старые традиции. Настроение полка монархическое. Присутствуют верхи власти. Член правительства Н. Д. Меркулов—каскад промятых фраз, произнесенных могучей грудью и голосом.

В речи премьера Иванова—помимо старой императорской армии. Популярный генерал М. возышает и укрепляет авторитет власти и начальства.

Захмелевший командир полка Зеленцов произносит тост «за здоровье государя императора» (покойного).

Я с удивлением смотрю на военного министра Верхбицкого. Сидевший рядом Андрушкевич заметил:

«И грустно и приятно, сегодня ведь праздник монархиков²²²».

Верхбицкий резко сдерживает командира полка и говорит о народе, под упрямое бурчание командира о «монархии».

Встает молодой бригадный генерал Сахаров, мужественно и твердо говорит тост за Всероссийское Учредительное собрание.

Я перезахожу приветствие от президиума Народного собрания.

Какой же из лозунгов при этом бесшабашном разброязе добьет до солдата?

В помещении, где происходил завтрак, были трубачи и чудесный хор песенников. Я видел возвращающиеся с парада эскадроны. Лихие бравые «бабы на хорошо созерцаемых конях. Они готовятся к борьбе. За какой из произнесенных лозунгов?

17 октября.

В утренних газетах большая сенсация—убийство Цейтлина. Убийство совершено в квартире старшего врача переселенческой больницы А. Б. Монсона на Эгершельде. Убийца—трое неизвестных в пленной форме. Верхний якога, исключительно до тайного проезжания Цейтлина в японском жандармском управлении, откуда он руководил местными большевистскими организациями и подготовкой задуманного переворота.

Необходимо отметить, что за время своего нахождения на посту уполномоченного ДВР во Владивостоке, при правительстве Антонова, Цейтлин приобрел обширные знакомства и в политическом представительстве Японии и среди японского командования. Он очень быстро сделался и наиболее ответственным работником среди местных коммунистов, хотя сравнительно недавно вошел в состав партии²⁵⁴⁾.

21 октября.

Председателем Народного собрания вместо Лихонова, принявшего пост управляющего финансами, избран, выдвинутый большинством, Н. А. Андрушкевич, получивший, однако, всего 37 голосов за и 24 против.

Андрушкевич известен пока, как автор остроумных заметок в редактируемой им газете «Блоха» и в «Слове», а также, как один из видных членов совета Съезда неосоциалистических организаций.

На вечернем заседании сильно говорила Кроль по запросу о цензуре. Тем не менее интерес к Народному собранию начинает гадать. Некоторые изложили внимание к мелочным насущным заботам дня.

26 октября.

В газетах опять телеграмма «Кокуса» об эвакуации японских войск и о выдаче в связи с этим оружия Дальневосточной (исследовской) армии.

Поездка делегации в Вашингтон не состоится..

Фракция эсеров лишиться своего лидера Мансветова, у него что то кроше головной чахотки, слет в продолжительный отпуск.

27 октября.

В комитете Демократического союза предположена постановка инициативы «Суд над советской Россией». Хроническое безденежье не позволяет развивать работу в полных размерах. Благодаря полному отсутствию агитации, союз провалился на выборах во владивостокскую городскую думу. Любопытно отсутствие интереса к выборам: из 150.000 населения голосовало всего 4.000 человек. Случай здесь небывалый.

Ходят слухи о распуске Народного собрания, как долго стоящей затеи, мешающей «работе» правительства. Говорят о созыве третьего съезда неосоциалистов.

Читал письма с мест. Мрачно. Почти анархия. В одной из деревень, чтобы не допустить богослужений, выбили окна и напакостили в церкви.

В некоторых стоянках отношение к капитанам весьма сдержанное, особенно на Сучане, где где правит стачечный комитет. Влияния Владивостока никакого.

Везде в городе и в области много политики, но совсем нет денег.
28 октября.

А рассказывал о познаниях русского военного судна «Батарен», изловившего у японских берегов американский пароход, вооружен коммунистами под английским флагом. Недурна комбинация.

Среди пассажиров был игравший видную роль в недавние гражданства за время Земского и Антоновского правительства коммунист Якум.

Задержанное судно было отведено в ближайший японский порт*).

Капитан парохода спросил:

«Откуда взяты замки к русским орудиям?»

«Куплены на сименовском базаре (во Владивостоке)», ответил ульбаясь командир.

Много чудес творится во Владивостоке. Кроме ружей и пулеметов, в которых так нуждались все правительства, там можно, оказывается, приобретать уничтожки даже пушки, хотя и в разобранном виде, по частям.

В Народной собрании очередной скандал. Касаясь интервентов, бывший на трибуне депутат Оленин резко заявил по адресу чехов:

«Пусть будут прокляты чехи, а все, кто с ними—предатели».

Преждествовавший в это заседание Андрушкевич не остановил увлекшегося оратора. Слово взял представитель ведомства иностранных дел Колесников, заявивший резкий протест против выступления депутата (Оленина). Подзадоренный с лест., председатель неожиданно и резко оборвал Колесникова.

Поднялся неизвестный скандал, едва не кончившийся потасовкой депутатов Донченко и Курманского.

Опять обострились прения по запросу о цензуре. Мне пришлось выступить против правого депутата Руднева, требовавшего сажей суворой цензуры для печати, наряду исключительности переживаемого времени, а также и потому, что «народ наш еще дитя, и требует отеки».

Я говорил:

«Свободная мысль выражается только свободным словом»..

«Наш народ, по словам депутата Руднева, дитя. Да, граждане депутаты, дитя, которого долго и искусственно задерживали в темноте, но видите, что стоит поры этого дитяти к свету, вы видите, что вместе с новизной, которую он хотел сорвать с своих глаз, он разметал тысячелетнюю государственность, уничтожил века созданное строительство, разрушил духовные достоинства нации, и полународ, грязный, голодный и ослабленный тянет всех назад в ту тьму и нежестость, в которых, боясь вольного духа, отечески старались удержать это стомиллионное дитя».

«...Я на-днях видел тяжелое зрелище: цензор кроил гранки набора, кромсая по собственному разумению человеческую мысль. Редактор вышел,

* Судно было обнаружено у русских берегов бежало к японскому побережью, преследуемое «Батареей».

Сотрудники подавленно жалчали, а я испытывала чувство безграничного стыда и за цензора и за тех, кто послал его на это дело»...

30 октября.

Раут в Версак. Хозяин раута—новый председатель Народного собрания Андрушкевич. Среди огромного количества гостей консульский корпус, журналисты, до полноты японских офицеров и моряков.

Нарушал «объединение» японский профессор Х.: он скорил с хозяевами и уверял, что «России больше нет и не будет, как нет старой римской империи».

Лучше дело шло у казаков и крестьян, приглашенных на раут. Их объединила русская песня с надрывом и слезой, как умеют петь только в России^{***}.

Сегодня изъять торжество—прием у японского консула по случаю дня рождения Никола, там же собрались члены японской колонии и все японские представители от армии и флота, во главе с генералом-командующим ген. Танибая, который и принимал приветствия. По заранее заявленной просьбе японцев, общее поздравление (от всех консулов и русских политических и общественных деятелей) сказал С. Д. Меркулов. Очень заметен юношеский перелом в отношении к его правительству. В этом зале он был персоной.

Как раз удачно для Меркуловых было получено радио о занятии Петропавловска на Камчатке войсками Бочкирева, отправленными с особой экспедицией, возглавляемой бывшим крупным промышленником Бирчевым и предназначенной для организации управления Камчатским краем.

Присутствующий на рауте Колесников не преминул сообщить мне, что японцы, в связи с этим радио, просили уже покровительства для их резидентов на Камчатке, на что скептически настроенный В. заметил:

«Не к добру это—опять готовят какой-нибудь трюк».

У А. показывали письмо, шедшее из Петрограда в Харбин всего 16 дней — это лучший показатель, что те восстания в Сибири, о которых ежедневно сообщает «Русский Край», никак не мешают нормальной работе почтовых соединений по Сибирской магистрали^{***}.

2 ноября.

Русско-Японскую комиссию осаждают просьбами об отпуске конфискованного японцами пороха—и все для целей охоты. Все сделались охотниками. Рыночные цены на порох значительно упали.

Вечером в Народном собрании впервые единодушное, за исключением эсеровской тройки, постановление о борьбе против ставших нестерпимыми, насытив хунхузов.

Миролюбивое настроение нарушила речь депутата Павловского по поводу указа об усиленной охране. Цитируя речь Шинтарева в Государственной Думе, он недвусмысленно обозвал правительство «хулиганами».

Я, представительствовавший в собрании, понял, что это слова приведенной цитаты, и не остановил во время оратора.

Начался неописуемый скандал. Министры бежали из ложи. Следом за ними покинул зал и правительственные большинство.

Я обяжал перерыв, затребовал стенограмму и затем по возобновлению заседания, выяснив свой недосмотр, предложил исключить Павловского из заседания. Попутно обнял замечание и депутату Оленину за призыв о поддержке правительства, обращенный к публике.

Предложение было принято; тем не менее атмосфера нражды и раздражения не утихала, пришлось закрыть заседание.

Борьба Демократического союза, против цензуры увеконечена появившейся сегодня в «Слоне» интересной карикатурой: я — «Илья Болырец» с «Добрейшей Старкоиничем» (Старковским) и «Алешей Кроличен» (Кроль) идёт из «Чудище Озольского» — цензор Озоль.

Павловскому грозят дуэлью и 102 ст. От меня требуют извинения перед председателем Совета управляющих и т. д.

Правительственная «Вечерка» неизвестует.

Ни дуэли, ни извинения даже в виде «соболезнования» премьеру, конечно, не было.

Вероятно, в связи с тайфуном и обратительной погодой в виде снега, дождя, грязи и леденящего ветра, у всех не в порядке печень. Злоба шипит изо всех устов.

Генерал Молчанов опубликовал в газетах письмо на имя председателя Народного собрания по поводу выступления депутата Куржанского (правый), будто бы склонившего армию. Белый Куржанский оказался и «говарищем» и «агентом большевиков».

Письмо это вызвало всеобщее возмущение. «Командирю иного, у каждого свои претензии, но всех не угодишь. Во что обратится Народное собрание, если со всех сторон в него будут направлены пули револьверов и угрозы насилия? Мы же осуждали, когда слушали рассказы о Чите, что там единогласные постановления в Учредительном собрании принимались под стук партизанских прикладов», — так выражались наиболее смехотворные депутаты.

К части большинства, поддержанного и советом съезда мессосов, отношение к этому письму было выражено самое отрицательное.

12 ноября.

Вчера горячо заботировался в Народном собрании законопроект об изменении указа Правительства, касающегося применения ст. 279 ч. XXII старого способа военных постановлений (смертная казнь).

После скандала с выступлением Павловского, министры не посещают заседаний Народного собрания. Начался поход и против меня, как председателя Русско-Японской согласительной комиссии, за игнорирование власти.

Город пугают наступлением семеновских войск (таковые все еще существуют) из Гродекова, руководимых генералом Глебовым и полковником Глуским.

Говорят с Н. Меркуловым. Он «никогда чувствует что то неладное: в Дагестане поворот — туда вызван Блохер (главнокомандующий ДВР). Правда, все затянется еще месяца на два, но в общем в воздухе некорошо».

«А как история с Глебовским наступлением?»—спросил я Меркулова.
«Да ничего, рассасывается».

Местные англичане говорят о сильном изодорожании жизни в Англии:
«Многие переезжают во Францию, там гораздо дешевле, но нет приступы».

15 ноября.

Опять сделал пожизн об освобождении иппо-командование наших
русских грузов.

Арестован полковник Глудкин, наиболее резкий паразитель сепара-
тизма в армии.

Кругом жалобы на отсутствие денег.

Заходил вождь здешних «засельщиков») Даудсон. Они прочно ор-
танизовались и на выборах и горожанку землю оказались весьма влиятельной
общественной силой.

По мнению Даудсона, эти крепущие паксы обединят и поведут за
собой установление права собственности вообще и мелкой земельной соб-
ственности в частности, т.-е. то, что закрепит захват или чужой земли.

Я сказал, что мысль многих давно уже фиксируется на этом новом
общественном образовании—мелкой буржуазии, весьма цепкой и стойкой
в борьбе за мелкую собственность.

Мне вспомнилось, как они с видами и топорами в руках отставали
чье-то крыльце нарушающее утвержденную городом распланировку улиц.
Наряд милиции оказался бессильным.

Народным собранием довольно гладко принят закон о принятии ст.
279 кн. XXII кн. В. П. (смерть казнь). Протесты Кроха пропали даром.

Сосредоточился и крепнет новый триумвират—Н. Д. Меркулов и генералы
Верховинский и Молчанов.

Арестован руководитель переворота 26 мая генерал Лебедев. Появился
слух, что какие-то «поястники», после боя с партизанами, заняли Ольгу**).

В мелких приных газетах ряд клеветнических выпадов по моему
адресу. Вместе с редактором В. Ивановым в этом упражняется какой-то
Клетников, выдающий себя за адъюнкта Б. В. Савинкова, а теперь что-то
проходит личного секретаря у премьера Иванова.

16 ноября.

В Народном собрании бюджет, первая смета государственного кон-
тrolля прошла гладко.

Обстоятельно и довольно эффектно выступил сегодня премьер Иванов
по поводу запроса об издании указа № 49 (нарушение конституции) об
усиленной охране. Вызрежками из захваченной переписки он установил
факт готовящегося заговора, руководителем которого был убитый ком-
мунист Цейтлин. Выступление было назначено на 18 октября.

*) Мелкие собственники-докладчицы, обвиняя захвативших передком по охрани-
мам гроба на городских или краинских землях.

**) Небольшой порт к Северу от Владивостока.

Относительно заговора будто бы даю ведомъ переговоры с представителями оппозиции Народного собрания и капраловскими офицерами во Владивостоке и Радольной¹²⁷.

«Исключительные меры вводились нами не для того, чтобы подвергнуть население террору, а наоборот, чтобы избегнуть проявления краха... Эти меры не репрессии, а превенции»,—таковы были заключительные слова премьера.

Беседовал с одним из руководителей харбинской газеты «Русский Голос» Востротинским. Он задержался во Владивостоке перерывом сплошного, высыпанного взрывом на железной дороге. Смотрят на положение вещей пессимистически. Новая складка, по его мнению, избежана.

29 ноября.

Совет старейшин Народного собрания постановил считать рождественские каникулы с 25/XII по 25/I.

Среди депутатов ропот—не дают денег. «Предпочту любую частную контору, где платят»—всемутченно заявил мне Старновский.

«А разве есть еще такие конторы?»—заметил я по поводу его воззрения. Действительно, с деньгами плохо.

«Слово» неожиданно взяло меня под защиту и крайне резко высказались против именных и резких газетных вымогателей Кленникова и К-и; считает, что ответственность за это падает на патрона Кленникова, т.-е. на премьера В. Ф. Иванова.

Факт этот обратил на себя внимание—«Слово» в свое время (1920г.) не мало трудилось над моей персоной. Это неожиданный показатель новой трещины в правительственные группировках. Там продолжается глухая, упорная борьба.

Беседовал с начальником штаба японских войск ген. Иосимура. Вопрос касался возвращения захваченных японцами после 4-6 апреля 1920 г. военных грузов. Официально, как и следовало ожидать, «нет», а неофициально для целей «гуманности» и по частям—«да». Что-же, будем возвращаться для целей гуманности, другого выхода пока нет.

Спросил Иосимуру:

«Придется ли вы значение приезду Блюхера в Даирен?».

«Никакого»—было коротким ответом.

Конечно, цена этому ответу небольшая. Все же вопрос об эвакуации, инцидент, вопрос назревший.

27 ноября.

Был на празднике артиллерийского дивизиона в Глинном углу. Видно, холодно и давно неремонтированной казарме. Наряд артиллеристов с юнгами произвел впечатление хороших кадровых солдат. Офицерство, большую частью, кадровое. Эта роскошь только в специальных войсках. Командир дивизиона грузин Бек-Мицедов с добродушным приветливым лицом и чудесной шевелюрой. Весьма популярен в армии, прекрасный начальник, заботливый хозяин и отличный артиллерист.

Прибыл конвой сапер—у них тоже сегодня праздник их части. Народ видный, дальний, большинство «спецы» из рабочих и мастеровых.

Прождала С. Меркулов и Вержбицкий. Первый без заметных сдвигов утомления его почти единоличным управлением.

Вержбицкий нездоров, прихрамывает, с палочкой, без оружия. Он у себя, почти по-домашнему.

«Главковерх» Н. Меркулов пишет зарывьем и энергией. Воплощение физической силы с крепким царским сложением и повадками матерого амурского шинкера, прикрытого молчанием пальто и дорогой шляпой. С ним неразлучен генерал Молчанов, худоба и бледность которого еще разче оттеняются рядом с плотной фигурой Меркулова. Говорят, что от прежнего демократизма Молчанова не осталось и темы.

С. Меркулов, Вержбицкий—Н. Меркулов, Молчанов—это то, что правит сейчас Приморьем.

Зарывши говорил Молчанов, в корпус которого входили артиллеристы. Смыши:

«За зарывье представителя президиума Народного собрания и нарова... Протискиваюсь сквозь толпу приглашенных и кланяюсь.

Здесь, в этой войсковой части, все иначе—просто, деловито. Здесь чувствуется ильинское руководство. Здесь учитывают революцию и о народе говорят, как о хозяине страны.

За завтраком С. Меркулов размывил его любимую тему: «все от позиции бога. Наша работа здесь, в Приморье—чудо».

Я передал приветствие Народного собрания, а потом просто, живыми примерами из жизни и личного опыта двух больших пойн, охарактеризовал современную роль артиллерии и необходимость бережного отношения к ее настоящим опытным кадрам.

Хотелось говорить, я чувствовал, что и пожилые и юные артиллеристы предпочитали эту речную им тему пышному застольному тосту.

«Первый раз слышу представителя Народного собрания без политической темы»,—слышу сочувственное замечание со стороны соседа ген. С.

Артиллеристы тоже готовятся к братоубийственной войне. Мир их малых молодых жизней. Они будут драться упорно.

22 ноября.

Запрос по поводу усиленной охраны (указ № 49) отклонён всего лишь 32 голосами—это, конечно, очень мало для обострения доверия кабинету.

Глухая затяжная борьба с властью чувствуется и в Народном собрании. Она утомляет обе стороны.

Президент Народного собрания Андрушкиевич сообщил мне, что С. Миркулов готов был к роспуску Народного собрания на 4 дня, чтобы провести закон о гибельных судах.

Бостал против этого комитет несесс-года. Вопрос пока на весу.

Последние дни успехи: адмирал Старк разогнал и пленил большевистский флот (суда, увезенные из Владивостока в зону переворота 26 мая), застигнутый им в бухте Ольга. Вчера привели последнего беглеца «Лейтенанта Дицымова».

Газеты пишут об успехах на Сучане и в Амуричко.

В. Г. Бондарев. «История, Колчак, Интервью».

28 ноября.

На Вашингтонскую конференцию правительство командирует Колесников и Бодикко, без какого-либо участия Народного собрания.

Таинственные «белые повстанцы» теснят красных; видно, близок захват Имана.

Во Владивосток пришел японский стационар «Ивами», бывший русский «Орел», плененный у Цусимы в 1905 г. После «Хиэна» (русский «Ретвизан») это—второе проявление японской незадачливости в отношении русского национального чувства. На борту «Ивами» новый командующий адмирал Теккучи.

Ген. Лебедев выскользил заграницу. Глудкин еще под арестом.

Ген. Молчанов со штабом и генерал Слюдин выехали на север—это в связи с продвижением и успехами «белых повстанцев». Для Народного собрания все это движение тайна.

30 ноября.

В Народном собрании в состав фракции трудовой «крестьянской» партии (автеры—полковник Попов и кооператор Славинский) вошел отделившийся от национал-демократов князь Крашенинников.

Сюда же пересочетал и сибирский автомобилист-областник А. В. Сахаров. Эта фракция пытается в состав вновь формирующегося правительства большинства, тщетно пытающемся ликвидировать свою роль в Народном собрании. Члены этой фракции связаны с правительством деловыми коммерческими интересами. Они под японской «Всероссийской Крестьянской Союза» организовали особое коммерческое предприятие, ставшее почти монопольным органом снабжения армии и флота.

Сообщают о взятки повстанцами Имана и о разоружении их, в свою очередь, японцами—отобрали 15 винтовок. Этого «требуют» условия Русско-Японского соглашения от 29 апреля 1920 г.

3 декабря.

Вечером с удовольствием слушали игру А. Холодно и неосознанно уютно у них и, тем не менее, как оживляет и обогащает искусство! Меня все время преследовала мысль—возможно ли это наслаждение, дает ли хоть музыка временный душевный покой и отдых в кажущейся кошмарной обстановке советской России? Или, может быть, мы здесь преувеличиваем, не будучи в состоянии заглянуть за созданную мертвую грань, которая отделяет нас от мук, страданий и смерти, преувеличиваем, не видя другого, не видя проблесков новой жизни среди родного народа.

А оттуда опять вести. С непонятным любопытством, как на что-то из другого мира, смотришь на конверт, марку, почерк. Это Н. П. пишут сыновья из Москвы. Почти бодрые строки: «сыты и не будем мерзнуть»...

Вот препел современного счастья!

Содержательны и вполне грамотны, конечно, по советской орфографии, письма внуков. Здесь же берегут пресловутый «ъ» и только по экономическим соображениям пытаются обойтись без твердого знака («ъ»).

У меня имеется целый научный трактат весьма образованной лингвистики, права, несколько опустившейся под ударами личных несчастий и тяжелых условий современной жизни, где научно обосновывается символическое значение буквы «ъ» (+, крест и держава), тесно связанное, по мнению автора, с судьбой России.

Это тоже борьба за «аз», стоявшая жизни сожженому на костре протопотому Аввакуму. Сторонница «ъ» умрет, но не так эффективно. Умрет — ей тесно и скучно в мире без лишней буквы в алфавите¹²²).

9 декабря.

Праздник георгиевских кавалеров, генерального штаба и академии. Торжественный молебен. Парад при огромном стечении публики. Заптрак, речи.

Мне передавали сегодня справку обо мне простых казаков — «блуду-ли я старую линию за народ». Вопросом, куда идет моя линия, интересуются и злые рабочие — при моих случайных встречах с ними я определяю чувственную атмосферу добромыслительства¹²³).

Происходит ликвидация гродековской (семеновской) группы. Глик — ген. Глебов арестован несколько дней тому назад. Надеются, что это обединит все вооруженные силы. Надолго ли?

Белые повстанцы неуклонно продвигаются на север к Хабаровску.

С. Меркулов выпустил воззвание с призывом к борьбе с «сталинизмом» — большевиками.

Постепенно открываются карты в начатой Правительством большой, сложной и опасной игре.

19 декабря.

С освобождением грузии опять зажимка.

В японской военной миссии имеется сведение о проходе через Благовещенск в сторону Хабаровска в эшелонов красных войск, будто бы не выражавших особого желания сражаться в гражданской войне.

Уходит премьер Ильин, вернее — его заставляют уйти из-за каких-то служебных недочетов. Проще говоря, — у С. Меркулова нашелся более надежный и презентабельный кандидат.

Правительство и президент Народного собрания сегодня обеднили — вместе присутствуют в соборе на панихиде по покойному императоре Николае II. Мне говорили, что церковь полна народу. Сегодня же империалистическая «чайка чай» в «Русском обновленном обществе».

Был в Народном доме на заседании правления «Общества народных чтений», куда я избран членом правления. Возложили на меня руководство санктейобразовательной и юбилейной комиссиями. Общество спешит в этом году 35-летний юбилей, очень ослаблено сменой властей и разбросано, а такое и острым беззанежает¹²⁴).

! 22 декабря²²⁰).

Третий день жестокие морозы.

В заседании президиума Народного собрания решали вопрос о первые сессии. Предположено сделать это постановлением самого Народного собрания, при чем полагалось считать этот первый простой отсрочкой заседаний, отнюдь не представляющей Правительству возможности единоличного законодательства.

В ближайшую субботу назначено последнее экстренное заседание для проведения «временных правил» по предоставлению правительству возможности использовать ежесекачно шестую часть сметы 2-го полугодия 1921 г.

Идет разговор о мобилизации офицеров.

Заключен заем, вернее ссуда, по которой правительство, по заключению Павловского, ничего не получит.

В печати появилось интервью депутата правительственный большинства Подгорбунского, резко подчеркивающее зависимость Правительства от Совета несоциалистического съезда, что особенно выразилось при составлении нового Совета управления, в связи с уходом премьера Иванова.

Я, да и многие другие из исполненных, были удивлены серьезностью темы интервью со стороны более чем посредственного депутата Подгорбунского.

Это, несомненно, какой-то ход, знаменующий появление опасной трещины между Правительством, вернее — С. Меркуловым, решившим опираться исключительно на армию и наиболее реакционную часть несоков, и правительственным большинством.

23 декабря.

На интервью депутата Подгорбунского последовал чрезвычайно резкий официальный ответ председателя Правительства.

Ответ этот и по форме и по содержанию — оплеуха правительству большинству, роль которого, как роль совета несок-съезда, сводится этим документом к нулю.

«Зачем же я изменил клятву из чистовой, что бы замырять ими в Семёнова? — «Не для того, конечно, чтобы создать вместо него Меркулова!» — горячился депутат Оленин.

«Вы три месяца прикрывали грехи правительства, а оно третирует вас, как холопов», подумал я, слушая возмущенного Оленина.

Серьезное замечание спокойного, выдержанного Андрушкевича: «Мы их породили, мы и убьем».

На заседании президиума стало известно, что правительство, не считаясь с постановлением совета старейшин о возобновлении заседаний с 24 января 1922 г., решило издать указ о распуске Народного собрания до 14 февраля.

Председатель Народного собрания — Андрушкевич предложил собрать необходимое число (50) подписей, чтобы получить обусловленную положением о Народном собрании возможность требования открытия заседаний

Народного собрания 24 января, если бы указ правительства действительно был выпущен.

Выпуск указа будто бы задерживается, вследствие несогласия премьера Иванова контракт-ассигновать этот указ.

Предрешена задача премьера и части министров.

Пятьдесят пядней, на случай требования досрочного открытия Народного собрания, уже имеются.

24 декабря.

Сегодня последнее экстренное заседание Народного собрания. Зачитан весьма резкий протест Спектра казачьего Съезда, как ответ на вызов, брошенный вчера им официальным сообщением Правительству большинству Народного собрания.

Кроме того, принято пожелание Народного собрания о скорейшем созыве Учредительного Съезда для выбора новой постоянной власти, вместо настоящей — временной.

Протест и пожелание, выдвинутые и принятые доселе первым правительству большинством, произвели огромное впечатление. Аплодисменты всего зала. Один из депутатов оппозиции, показывая в сторону большинства, заметил:

«Мы — союзники народа, а вот они — его реальные защитники».

Настроение напряженное. Несколько законопроектов протаскиваются на курьерских.

Еще удар по правительству — избирается «комиссия для приставления населения в местности, освобожденных от южноукраинцев» — это гляз на север, в район успешных действий такназванных «повстанцев». В комиссию вошли: Лихондов, Данченко, Улитин, Пашкевич и я.

Перед закрытием заседания весь президент демонстрировал на эстраде. Президент объявляет, что следующее очередное заседание Народного собрания 24 января.

Раскол правительства большинства имел слишком большое значение на дальнейший ход событий. До начала этого раскола, если оппозиции и удалось поколебать, правда, и без того нечто-то престиж правительства, то все же практические результаты ее работы были наль.

Меркуловы все более и более развивали свои самодержавные наименности, почти самовольно распоряжались финансами, разматывая остатки тех товарных ценностей, которые еще уцелели от прежних властей.

Плати за все восхищайся, постепенно теряющими юридическую ценность, правительство уело влияло на их реализацию, и тем самым держало в своих руках всех кредиторов казны, в том числе и значительный кадр служащих и даже депутатов Народного собрания.

Парламентское большинство, при всей скромности его интеллекта, бывшее до сих пор пальмовую Меркуловых, все же начало просоревать, что оно только ширма для их махинаций.

Большинство это сплошь и рядом становилось, как перед спиртозависимым фактом, перед вопиющими заслугами правительства и должно было прикрывать такие же своим ветром.

В интервью депутата Подгорбунского и сущирились все неудовольствия большинства, а также отмечался и уход Меркуловых в сторону наиболее реакционной части несоциалистического съезда. Помимо этого было предупреждение доселе верных союзникам.

Чрезвычайно резкий ответ председателя правительства С. Меркулова на интервью Подгорбунского, его крайне задекларированная оценка не только роли большинства, но и породившего правительство совета несос-съезда, были открытым вызовом и тому и другому.

Вражда обострилась, большинство Народного собрания начало дробиться. Сторонники Меркулова образовали новую фракцию «национально-демократического союза», во главе с наиболее ярким реакционером Рудневым. Эта фракция, совместно с крайне правыми представителями крестьян, пыталась создать новое большинство для Меркуловых, отвергающее уже не только идею ответственности Совета управляющих, но начавшее поход и против самих себя, т.е. против самого Народного собрания.

В противовес этой комбинации выделились небольшая монархическая фракция во главе с депутатом Олениным, которая, вместе с входившей раньше в состав большинства фракцией националистического съезда и остатками национал-демократов, провела резкий поход против Меркуловых.

Это был достаточно продуманный ход, он вырызал у Меркуловых инициативу открытого заявления о их склонности к опоре на монархическую идею, и не только отдельял, но и делал временной руководящую группу несоциалистов, в том числе и большую часть совета их съезда.

Нажим оппозиции и развал в большинстве были крайне неприятны правительству. Неприятны особенно потому, что в это время, как потом обнаружилось, Меркуловы, совместно с высшим комицким составом капитанцев, не только готовили, но и начали поход против красных.

Подготовка велись в глубокой тайне, о ней не знали даже многие из состава Совета управляющих ведомствами. Демократический союз и легкое крестьянство были тревогу; каждое заседание Народного собрания начиналось их требованием немедленного образования военно-морской комиссии и комиссии по иностранным делам, при этом в мотивировке требований явно намекалось на готовящуюся военную диктатуру.

Путешествие, хотя и расколотившееся уже большинство, боясь подвоя «соглашателей с ДВР», неизменно проигрывало эти требования.

Но тайное, наконец, стало явным. «Повстанцы», оказавшиеся скрытыми капитанцами, взяли Иван и начали усиленное продвижение на Хабаровск.

Успех поднял шансы правительства. В связи с одержанными боевыми успехами и присоединением Камчатского края, жгли резонанса этих успехов на Амуре и в Забайкалье. Более же горячие головы, как и всегда, в подобных случаях, печтали не только о Сибири, которая считалась, охваченной волнением, но и о... Москве!

Печать трубила побасу и невоздно клеймила «предателей-соглатателей» из состава Народного собрания. Делалась попытки к поднятию революционного порыва, служанка нюхобыи о чудесном избавлении то одного, то другого брата из Меркуловых. Путатый обыватель, составлявший прежнее правительственное большинство, готов был к расхищению.

Принуждение, вероятно, состоялось бы, особенно, после столь крупного успеха, как занятие Хабаровска.

«Les Insurgés blancs viennent d'porter grande victoire dans la région d'Amour par prise de Khabarovsk»^{*)}. Так извещались иностранные представители для информирования своих правительств.

У Меркуловых захружились головы, в сущности, они имели к этому отношение. Ини, в сравнительно короткий срок, была проделана огромная работа. Они не только мащето ликвидировали широко-задуманный большевистский заговор, но и загнали местное бюро коммунистической партии в подполье.

Широко и умело организованы «воинственные» движения. Урок прошлого года в Забайкалье не прошел для них даром. Но они переподчили свою возможность.

Опережая на достигнутые успехи в верки китайской армии, Меркуловы рвали не только с той общественностью, боязня которой они пришли к власти, но и повели штурм, как на мешавшее им Народное собрание, так и против совета нессо-съезда, сотрудничество с которым они считали для себя уже не обязательным.

Народное собрание ощетнилось, сплотившись на протесте против указа правительства о его распуске до 14 февраля, которым Меркуловы хотели развязать себе руки для развития военных действий.

Глубоко оскорбились и нессо-съезды. Они ронки, наконец, что были только на широком, которого просят уйти, так как он уже сделал свое дело.

Вразда загорелось с новой силой.

Фронт требовал подкреплений, но на вооруженные группы семеновской ориентации, на усурийские казаки этого подкрепления не давали. У последних в Гродеково для решения своих вопросов, в том числе и вопроса о вооруженной поддержке похода на Север, создавался очередной казачий круг. Надо было удержать казаков на своей стороне: их фракция в Народном собрании, еще кое-как обеспечивала хотя и нитточное большинство, а главное—они нужны были для закрепления боевых успехов.

В Гродеково с этой целью должен был поехать Н. Меркулов; туди же послали свои делегации и Народное собрание и совет нессо-съезда.

^{*)} «Белые воинственцы одержали большую победу в районе Амура занятем Хабаровском».

Гродеково, 25 декабря.

Утром в составе делегации Народного собрания выехали из Владивостока в Гродеково на открытие казачьего корпуса. Вагон грязный. Тесно—правительство не очень заботливо к депутатам. Тем не менее, казаки и крестьяне, начавшие «заутраивать» сейчас же с отходом поезда, видимо, чувствовали себя прекрасно и очень быстро организовали не очень стройный, но достаточно шумный хор.

В нашей купе собирались депутаты Зебзеев, Бардин («халкидонский мужичек»), ген. Анисимов и какой-то молодой человек, только что прибывший из советской России и теперь командированный делиться своими впечатлениями с населением области²²².

Гродеково—большая, богатая станция в широкой плодородной долине. Белые дома с огромными усадьбами, занятими хозяйственными постройками, огородами и садами. Чувствуется большая съестность и приволье. Главная тяжесть по обработке земли ложилась на арендаторов-корабцев. Сейчас в Гродеково тихо. Знаменитое гнездо опустело. Картурионные здесь сеновозы только что диннулись на Хибинский фронт. Правительству, наконец, удалось этого добиться.

На железнодорожной станции Гродеково хозяева—японцы.

На вокзале встретили представители воинского правительства и местные энтели-казаки. Появились сразу на ужин с чудесными пельменями и обычной выпечкой... Контрабандный дешевый китайский спирт здесь под рукой. А казаки отличные хозяева:—соленой,вареной и всякой другой снеди, а также пальник и настоек—изобилие.

Гостеприимство и радушное исключительное.

Хозяин депутат Понявин имеет 9 душ детей. Всегда, энергичен и, по-видимому, счастлив; семья во всяком случае сыта. Где теперь в остальной России можно себе позволить роскошь иметь столько детей и не бояться, что они погибнут от голода?

За ужином много и хорошо пели. Заленал отец П., крепкий старик, основательный хозяин, знаток и любитель песни.

Гродеково, 26 декабря.

В поденью прибыл в Гродеково член правительства Н. Д. Меркулов. Большая почта. Впереди его экстренного поезда шел броненосец со всеми принадлежностями для боя и железнодорожных туманчиков на случай повреждений дороги, которые стали теперь обычными.

Встречали воинское правительство, почетный караул, станичные атаманы с булавами и местная знать. Поднесли хлеб и соль. Меркулов производит выгодное внешнее впечатление— энергичен, бодр, с хорошими голосовыми средствами.

Открытию круга предшествовал молебен и «вечная память» павшим на поле брани.

Собралось более 50 депутатов. Северные округа, охваченные гражданской борьбой, заподозри с присыпкой своих представителей.

Президент, войсковой атаман Сандацкий, открыл заседание, очертил будущую работу круга и предложил послушать приветствия.

Первым говорил довольно долго и толково Меркулов. Он охарактеризовал работу Правительства, созданногося, в связи с началом военных действий, настоящее положение и энергично звал казаков к поддержке.

Я выступил от имени президиума Народного собрания, указал на заслуги казаков в прошлом, как строителей и защитников земного края, подчеркнул общность работы круга с работами Народного собрания, как органа народной воли, и пожелал успеха в достижении намеченных кругом задач.

Были приветствия от армии, от совета съезда казачьих войск, от крестьянских фракций, Народного собрания, Демократического союза и т. д.

Все речи горячо приветствовались, хотя вообще круг пронизывали мечтания или сдержанности, или неловкости, непривычных к большому залу депутатов.

Чувствовалось, что мысли съехавшихся казаков не здесь, в тире, где трещат уже пушки и льется кровь. Надо было оформить свое отношение к начавшейся войне. Сын изъял уже большой опыт и хорошо учтывали его последствия. Красные, белые, бирюзовые, хунхузы, все в той или иной степени ослабили и разрушили их хозяйственную мощь, требовали материальных и личных жертв.

Они аплодировали прибывшему Правительству, но в то же время жаждо ловили изъяски на возможность мира и соглашения. Особого торжества во всяком случае не было.

После перерыва часть депутатов, в том числе и я, спешившая во Владивосток, воспользовалась наличием свободных мест в поезде Меркулова, остальные остались для общения с земской работой съезда.

За время дороги Меркулов много жаловался на противодействие и интриги Совета народов-съезда и на полное безмолвие при огромной работе⁽¹³⁾.

Он, между прочим, не скрывал некоторого уклона в сторону Америки, откуда будто бы имеется сведение, что вся территория до Хабаровска исключительно будет закреплена за их правительством, и что есть предположение направить сюда всех, ныне находящихся на попечении Франции, русских беженцев. Новый вариант о переброске Брангеля.

Слушая проекты о будущей судьбе Приморья, за время остановки в Никольске, я все время наблюдал за зепозитой, спокойной работой японских солдат. Они разгрузили эшелон с оружейными патроны и чувствовали себя хозяевами среди растерянно сидевших по станции пассажиров, разносчиков и зеков.

Японцы не сказали еще своего последнего слова, они еще силы, с которой нельзя не считаться при решении, во крайней мере, близкой судьбы тут.

Владивосток. 28 декабря.

В газетах появился указ № 2, который Народное собрание распустилось до 15 февраля. Таким образом, положение обострилось. Правительство идет за-банк, закрыло будто бы даже кредиты для Народного собрания.

Во всяком случае С. Меркулов воспретил оплату ассигновок без его личного распоряжения. Это косвенный удар по управляющему ведомством Финансов Лиходошу—председателю совета несост-сезда.

Против этого восстал даже весь Совет управляющих ведомствами, но от этого не легче; в казначействе военная охрана, там дежурит главный начальник снабжения армии, который и забирает все дневные поступления в кассы казначейства.

29 декабря.

Решен вопрос с отъездом в Хабаровск, задержка с отпуском шагала. Правительство «беспокоится» за безопасность нашей комиссии виду начавшихся поисковый на железную дорогу. Просто не хотят наспускать.

Докладывал в юрисдикции Народного собрания по учету грузов о том имущество, которое до сих пор находится под японской охраной. Имущество странное, многотысячной стоимости. Как богат был Владивосток всевозможными запасами.

По газетам, Ллойд Джордж предлагает Британу прощать советское правительство; если это случится,—как упростится общее положение и как уменьшится значение местных событий!

Россия там, а не здесь.

Успешный ход боевых операций белых воинств, проникших уже на Амур, неожиданно затормозился упорным сопротивлением, оказанным японцами у ст. Ии, на левом берегу Амура. Красное командование успело подтянуть к этому пункту значительное подкрепление и нанесло ряд поражений белым.

Население оставалось безучастным к ходу событий. Казачество очень тут мобилизовало свои силы. В тылу оживилось партизанское движение. Усилились изрыги на железной дороге, затруднение и, без того плохо наложенное, движение армии.

Армия начала голодать и мерзнуть, вместо валенок ей посыпали резиновую обувь, совершившую ее предохраняющую от накипивших жестоких холода.

Восникли слухи о грандиозных военных действиях в связи с японским снабжением.

Народное собрание было беспомощно, все нити безраздельно находились в руках Меркуловых.

Начался передел и в рядах армии.

Японцы тоже как-то меняли отношение. Возможно, что они учитывали перенос ориентации Правительства на Америку в период их наибольших осложнений с этой страной.

В Спасске, конечном пункте нахождения японских войск, все более и более учащались затруднения с продвижением русских эшелонов. Под видом обеспечения подвижным составом остальных участков Уссурийской железной дороги, японцы ограничили пропуск на север вагонов и паровозов установленной или нормой.

И тен не менее, при начавшейся неблагоприятной перемесе обстоятельств, С. Меркулов упорно шёл на разрыв с Народным собранием. Последнее было распущено «на рождественские каникулы».

Не желая оставаться безмолвным свидетелем происходящего, Народное собрание торопило от'езд своей комиссии в Хабаровск, поручив ей наряду с официальными заданиями—приветствовать население и привлечь его к посыпке своих депутатов в Народное собрание, получить и точную информацию о происходящем на фронте, а также выяснить степень злоупотреблений в довольствии и снабжении армии, что стало уже общей темой среди населения.

1922 год.

XI.

Посадка в Хабаровск. Впечатление. Возобновление работ народного собрания.

Все попытки власти замедлить «на неопределенный промежуток» отъезда парламентской комиссии не увенчались успехом. 5 января комиссия выехала на Север.

Задержка нашего выезда на ст. Енгельсека (Сласск) японским комендантром быстро была устранена моим представительством, как председателя русско-японской консультативной комиссии.

В Имане, на полпути между Владивостоком и Хабаровском, комиссии пришлось несколько заторкаться: пропускать встречные поезда.

Впечатление пестрое. Глухой таинственный городишко с мелкими китайскими лавочками, торгующими разным хламом. Прежняя жизнь замерла.

Анатомия неуверенности в настоящей лихе. Многие, в том числе и железнодорожники, лягут, но, главный образом, из-за перехода от коммунистического пайка к жалованью. Дешево давно уже не ищут.

На линии железной дороги ощущение беспощадности тыла, тяжелые переживания больных и раненых бойцов, не обеспеченных и достаточной мерой ни от голода, ни от суровых в эту зиму морозов.

В Бикине первое серьезное разрушение—испорчен мост огромной ценности. Еще большее разрушение моста на реке Кий. Здесь, впрочем, кипит работа по восстановлению. Тем не менее, «Кийская пробка» очень болезненно чувствуется населением. Она тормозит и работу армейского тыла.

Крестьяне, казаки, железнодорожники проникнуты одним желания: «Скорей бы сквозной путь». Нет подножки необходимых товаров, нет заработка, чувствуется заброшенность среди снега и морозов.

Деревни стоят от грабежа и насильственных хунхузов. Волна хунхузнического движения, начавшаяся в верховых Уссури, распространяется вниз по течению реки к району Хабаровска. В составе банд: китайцы, корейцы и русские, есть даже русские женщины. Во всем этом движении чувствуется определенное организационное начало, предшествующее путем террора распространение паники в населении. Главный удар направлен по назначству. Каждосно осаждают просьбами об оружии.

Казаки, нападение хоть какое-нибудь вооружение, легко справляются с хунхузскими бандами, несмотря на их прекрасное вооружение и преисходство в числе. Любопытна деталь: хунхузы особенно старательно забирают у населения теплую одежду и обувь. Это, между прочим, ставит в очень тяжелое положение белых постаниц, лишивших притока теплой

блежды с тыла. А морозы становятся все лютее и лютее. Давно уже термометр застыл на 40 градусах. Мороз становился страшнее пушек и пулеметов.

Хабаровск. Общий вид города, несмотря на только что пережитую тревогу — падение партизан Бойко — Панкова, кажется чрезвычайно спокойным. Внешний порядок образцовый. Кое-где следы прошлогоднего апрельского наступления японцев — это остатки нескольких разрушенных зданий, в том числе и прекрасных начальных построек бывшего кадетского корпуса.

На въезде комиссии радушно встретили представители города. Правительственные агенты и здесь, как и на всем пути, делают вид, что они ничего не знали о нашем приезде. Видимо, не знал об этом и местный казенний листок «Примурский край».

Правительственная пресса здесь не в почете. Мы слишком долго питались «правдой» из «Вперед» (гораздо ближе здесь Амурской власти), а потому не особенно охотно и во всяком случае без особого энтузиазма побрались за «правдой» и из «Назад».

По пути в гостиницу огромная похоронная процессия, сопровождающая семью гробов, положенных на простые крестьянские сани. Это — последний долг павшим во время нападения партизан 12 января.

Нападение было задумано широко, при поддержке силами, находившимися в самой городе. Главный удар был направлен на штаб командующего бурятскими повстанцами генерала Молчанова, и он не был нанесен только случайно. Внутренние городские силы отказали в решительную минуту, а застигнутый врасплох штаб, благодаря исключительному личному мужеству Молчанова и начальника его штаба Ловчевича, быстро оправился и перешел от обороны к нападению. Ловчевич был легко ранен.

Здесь, в Хабаровске, как и за долгий путь сюда, комиссия, путем переговоров и личных наблюдений, имела возможность выяснить положение дел и все те безобразные условия, которые не только обрекали на тяжкие лишения воинственцев, но и сузили неизбежный крах авантюре, задуманной Меркуловыми. Еще из Имана комиссия была трезвогу по поводу теплой обуви.

Мы знали, что усиливая владивостокской горожской думы поклоно 2500 пар валенок, но это, конечно, не разрешало вопроса. Африя нуждалась не только в снабжении теплой одеждой, она ощущала недостатки в продовольствии, в боевых припасах, в санитарном имуществе, в благоустроенных тылах и т. д.

В самый разгар выполнения своей широко намеченной программы комиссии была получена телеграмма, категорически требующая нашего возвращения во Владивосток. Там под впечатлением докладов, переданных комиссией, был потребован досрочный созыв Народного собрания. Каждый голос был на учете. Живое свидетельство комиссии было лучшим оружием в борьбе с правительством.

Срочность отъезда помешала осмотру намеченных участков боевого фронта и разу предложенных наступлений.

Пришлось ограничиться лишь собранием в городской думе, где при скромном стечении публики был сделан доклад об общем политическом положении и о необходимости срочных выборов депутатов в Народное собрание.

В своем определении задач Народного собрания, между прочим, отметил, что «Народное собрание обединяет представителей края, является той моральной силой, которая может наиболее мощно протестовать против всяких покушений изъяне на суверенные права народа, и в то же время полнее выражать насущные нужды населения и его наличные ресурсы, что крайне необходимо при работе по восстановлению хозяйственной жизни края»...

Депутат Донченко обещал доложить до зала Народного собрания то «ура», которым приветствовало собрание выступление членов комиссии.

Обратный путь занял те же 9 суток: у Синицыно движение было задержано изрыгом полотна перед встречной поездом, в котором ехал воинской атаман уссурийских казаков ген. Синицкий и депутат от того же поиска Зотов. Судя по приспособлениям и подготовке изрыга, неизвестные подмышили, видимо, работали, не спеша и без помехи. Неподалеку поселилась мышь, как лягушка в этих глухих местах, особенно при сочувствии населения, рвать эту живую стальную ленту и привести в состоянию паролича все железнодорожное движение.

27 января по поручению комиссии выступил с обширнейшим докладом о результатах поездки. Положение в области рисовалось весьма смешным. Почти полные бестоварные, вследствие отсутствия подвода. Ощущение прошлогоднего неурожая. Острый недостаток таких необходимых продуктов, как соль. Илюк или полное отсутствие сельскохозяйственных «рудий».

На всем 700 верстном протяжении лишь в 2-3 местах самые немногие проблески промышленной жизни и то исключительно в районах, где находятся еще японцы. Население, чрезвычайно нуждающееся в наличии твердой валюты, отдает им за бесценок и труд, и сырье.

Вся торговля в городах и поселках в руках китайцев, которые, тем не менее, тоже жалуются на плохие дела.

«А что было до прихода белоповстанцев?»

«Да, тогда совсем ничего не было».

Кооперативные организации, потребительские общества все разрушены, почти не остались следов и земских учреждений. Медицинская помощь слабо существует, между тем, везде признаки тифовых заболеваний. Сохранявшиеся больницы переполнены больными и работой. Все медицинские, фельдшерские и ветеринарные пункты находятся в чрезвычайно тяжелых условиях и в смысле персонала, и в смысле медикаментов.

Население, как выразился один из хабаровцев, переживает «тихую радость освобождения», но не проявляет боевого энтузиазма. Действительно, положение населения этой полосы, привыкшего к былому приволью, было тяжким, оно ничего не могло получить из блокированной разоренной советской России, не получало товаров и из богато снабженного Владивостока, отгороженного фронтом гражданской войны.

Проникавшие через китайцев товары требовали соответствующей налажки.

Доклад резко осуждал административные мероприятия власти по отношению к «заповедной» территории. Особенно неудачным был подбор агентов по организации управления.

В отношении белогвардейцев было высказано много одобрительного сочувствия. Действия их, признание, по соглашению оппозиционных фракций, «действиями в условиях вынужденной обороны», рассматривались лишь с точки зрения их самоотверженной работы в исключительно тяжких боевых и климатических условиях.

Приглашение, обращенное к членам Народного собрания с пожеланием, «чтобы нить их порального сочувствия, их моральной поддержки простились из этого зала через сельбот верст левого поля и достигли тех ледяных окопов и землянок, в которых творят сие большое дело... доблестные русские люди».—было stone присутствующими продолжительными, шумными аплодисментами всех присутствующих.

Мой доклад был дополнен более резкими выступлениями остальных членов комиссий, в совокупности чего весьма ярко обрисовалась роль правительства и высшего командного состава в Хабаровском походе.

Если этот поход и является до некоторой степени ответом на лихорадивший запысел о напечатавшемся в Октябре большевистском перевороте, если активные действия красных в районе Спасск и Ольги, а также организованные набеги хунхузских банд в различных пунктах области и требование отпора, все же запысы, клюющие Меркуловыми и их сподвижниками в этот поход, стоящих столыкня жизней с обеих сторон, были простой плохо организованной авантюрией. Печальный исход ее был почти неизбежен.

Действительно, в середине февраля Хабаровск вновь был занят красными, и белые, лишенные хорошо подготовленных подкреплений, неудержимо покатились назад, на юг.

Установленная Русско-Японским соглашением 29 апреля 1920 г. нейтральная Зона, где находились еще японские войска, остановила продвижение красных и предотвратила Меркуловых от окончательного разгрома. Стороны вернулись к прежнему исходному положению, с границей к северу от Спасска.

XII.

Поездка в Пекин. Маршал Жоффр. Отношения Народного собрания и Меркуловых к участию большевиков в Генуэзской конференции.

Вопрос об отношении к начавшейся на заседе Генуэзской конференции снона пожирал было право большинство Народного собрания.

Все вопросы иностранной политики к этому времени стали уже разрабатываться создавшейся, наконец, комиссией по иностранным делам. В эту комиссию попал и вопрос о Генуэзской конференции, вопрос об отношении к участию на этой конференции большевиков, как представителей России.

В виду весьма скучной заграничной ориентировки для решения столь крупного вопроса, у представителей правого крыла комиссии по иностранным делам возникла мысль послать особую делегацию к маршалу Франции Жоффру, только что прибывшему с особой миссией на Дальний Восток (Япония, Китай).

Делегация эта должна была попытаться получить некоторую информацию о положении дел в Западной Европе и в частности об отношении Антанты к нашему Дальневосточным событиям.

Как член этой комиссии, я сообщил имевшимся у меня сведения, что маршал Жоффр всенаро избегает всяких официальных бесед, особенно из политических тем, и что попытки подобного рода могли бы оказаться недостаточно тактичной и без нужды зидеть достоинство наших делегаторов, а вместе с тем и достоинство самого Народного собрания.

Инициаторы идеи о посыпке делегации согласились с моим замечанием. Тогда возник вопрос — не мог ли бы я, как имеющий некоторые знакомства среди французского командования, взять на себя эту миссию.

Я собирался в отпуск к семье, живущей в Тяньцзине и, не обещая особых результатов, согласился, при том, конечно, условия, если буду иметь возможность видеться с Жоффром в Пекине, куда он должен был прибыть в ближайшее время.

Поездка была решена. Для меня она представлялась чрезвычайно интересной. Кроме личного удовольствия покидать семью, для меня было крайне любопытным ознакомиться с современным положением Китая, увидеть древней загадочный, как и сам великий китайский народ, Пекин, взглянуть хотя бы кинжалом, на поля великих битв, где 18 лет тому назад я получил первое боевое крещение, разы и первый настоящий военный опыт.

Неожиданно встретившееся затруднение с визой было удержано. Китайский консул во Владивостоке скотно занял изъю во внутренний Китай, но

без проезда через Харбин, куда центральными правительством Китая не разрешался будто бы въезд русским военным.

Правда, Харбин действительно был переполнен русскими военными различных рангов и положений, но мне любопытно было посмотреть и этот город. Дело, как я уже сказал, уладилось.

В Харбине удалось вкратце побеседовать с Б. В. Остроуховым⁽²⁾), проявившим тогда исключительную энергию по восстановлению и упорядочению Кит. Восточной жел. дороги, и, надо отдать ему справедливость,—на всем пути от Пограничной до Харбина и, особенно, на южном участке до Чанчуня, не только образцовый порядок на линии, но и давно забытый комфорт и порядок в поездах.

Остроухов был еще под впечатлением ожесточенной тарифной борьбы с Владивостоком, едва не окончившейся прекращением транзита на этот порт и множеством разрывов не только между Уссурийской и Восточно-Китайской железнодорожными дорогами, но и между политическими группировками полков отчужденных КВЖД и Приморья.

Настроение к Меркуловым было резко враждебное. Это настроение всецело разделось и ближайшим сотрудником Остроухова по управлению дорогой—Н. Л. Гондатти. Очень умный и широко осведомленный в вопросах Дальнего Востока, Н. Л. Гондатти высказал ряд положений, казавшихся недостаточно ясными из находившегося на отлете Владивостока, и помог несколько разобраться в путанице харбинских настроений.

Действительно, в Харбине, больше чем где-либо, чувствуется особый и идеальный и политический развод. Это сказалось даже в ряде появившихся, большей частью выдуманных, интервью со мной и просто заметок доброжелательных, сдержаных и просто враждебных.

В Харбине больший, чем во Владивостоке, избыток безработной, плавным образом, беженской интеллигенции, много приданого, в массе очень нуждающегося военного элемента; застой в делах «Fox Trot», много спекуляций...

По пути на юг, к району уже прочного закрепившегося влияния Японии, весьма много любопытного. Бывшая маленькая деревушка Чанчунь—теперь большой, серый, залитый электричеством и асфальтом город, с огромными магазинами, лавками, различными складами, гостиницами и пр.

Пользуясь остановкой, я долго бродил по городу. С любопытством перешел деревянный мостик через ручей, отделяющий Чанчунь от Каученизы. Сюда, за этот ручей, была отброшена Россия исходом кровавой борьбы за обладание Манчжурией. Каученизы входили в сферу нашего влияния—там почти никаких перемен.

За Чанчунем уже район бывших полей сражений, места великих битв 1904-1905 г. г.; здесь тоже много изменений.

Я напрасно искал художественную перспективу стен и храмов древнего Мукдена: нюх упирался в огромное мрачное здание японского «Ямато-отеля», от которого то радиусом во все стороны тянулись, залитые асфальтом и электричеством, улицы, и здесь всюду магазины, магазины без конца, конторы, банки и т. д.

Далее на юг к Дайрену беспрерывные ленты поездов, плывущих по двум колеям неисчислимые зерновые, бобовые и другие запасы богатой Манчжурии.

Всюду японский язык, японский порошок, всюду «хаки» их войск.

Это, вместе с «автономной» Кореей, твердая Япония на материке.

Восхищаясь высокой культурой полей, без конца тянувшихся по сторонам дороги, огромным промышленным ростом и успехами техники, я иногда-ноградно проникался глубокой презрительностью к хозяевам страны за то заботливо-бережное отношение к мелькающим временами памятникам на могилах наших бойцов, павших в великой бррзде, очищавшей их кровью эти далёкие бургуды, теперь глубоко мирные поля.

Сейчас они одинохи, эти могилы; лишены заботы своей страны. Почи-вающие в них принесли сюда меч и вражду. Но здесь не листят мертвым и заботливо хранят их память от забвения и тления.

В Чинчуне и Мукдене пересадки. Чувствуется разница между японским и русским вагоном, заметна она и в кагон-ресторане: тощие кусочки хлеба, маргарин вместо масла, во всем ущерб и экономия.

Особенно убогими против наших вагонов кажутся вагоны правитель-ственной Китайской дороги. В них приходится переходить в Мукдене с па-гистрели, ведущей к Дайрену, на линию идущую через Шанхай-Гуань к Тяньцзиню. В узких беленьких купе узкие, оббитые скользкой кожей сиденья, с которых катится не только ручной багаж, но и крепко заснувшие ночью пассажиры.

Моя молодые спутники негодовали на недостаток хлеба да застраком и обедом. Приходилось требовать и платить за каждый лишний кусочек «extra» (особо). Это значительно увеличивает нормальную и без того не слишкомную плату стола.

Великая Китайская стена! Памятник веков и чрезмерных человеческих усилий. За ней внутренний Китай.

Прежде неподвижная преграда—сейчас затраченный напрасно труд.

Ее свободно режет стальная лента. Стена остается позади. Перед глазами другое чудо—пустыни, превращенная в богатые поля. Бесплодные глины сняты наследственными. Оставшиеся от прошлогодней жатвы стебли тянутся бесконечными, стройно очерченными линиями. Безграничный труд и великое любовь к земле в каждом кусочке поля, откованного у страшной бесплодной пустыни!

Дальше районы иностранных концессий, серые города, камни, бетон, железо, фабрики, трубы, дым, дым и бесконечные китайцы—неизмеримый резерв членничества.

Здесь одинаково переносят угол, камни и китайцы (кути-паренчики). Из экономии места они не сидят, а, стоя вплотную друг к другу, заполняют ее отказав открытою платформу и как-то чудом сохраняют равновесие и не падают при быстром движении юлающейся платформы.

Мимо них проносятся люксы, экспрессы—это для хозяев их страны.

На стационарных гонтах, именеморное оживление и снега всевозможных запахов с преобладанием запаха горелого бобового масла.

Здесь беднее одета милиция и значительно худшее, по сравнению с маньчжурскими, войска.

Бесконечное осложнение с деньгами. Каждая провинция,—своя монета, «айд» и «тагшал японеу» (полноценная и наложенная монета). Размен, даже, торговая, своеобразный гортанный говор и суэта.

В Тяньцзине поворот, переход на ветку к Пекину. Через нескользко часов—сначала предметье, силуэты стен, дворцов и храмов в спущившейся темноте, а затем залитый электричеством вокзал древней столицы Китая..

Я прибыл в Пекин за день до отъезда оттуда маршала Жоффра, но и этот день оказался весь занятый ранее назначениями приемами, банкетами и пр. После переговоров моего секретаря с начальником военной миссии при Жоффре выяснилось, что я могу видеться с маршалом лишь утром в день его отъезда. Эта беседа «au passage» (мимоходом); конечно, не удовлетворила меня, и я просил передать, что не считаю возможным беспокоить маршала в этих условиях⁷⁾.

Я уже более или менее знал из других источников, что вопрос о взгляде Антанты на Приморье, загаданный Жоффру, был бы вопросом праздным. Престарелый маршал демонстрировал победу Франции, торжество Антанты, и весьма естественно имел вполне основание не только не интересоваться, но даже и не знать толком, что такое Приморье. Состояния при нем миссия имела исключительно личный характер и, несомненно, главным образом, занята была церемониальной частью и вопросами представительства.

Было известно также, что «победитель на Марне», если и проявляет некоторое любопытство, то только в отношении старой русской армии, судьба которой, в обессмертнейшей Жоффра памяти, не могла не сохраниться в его сознании, даже при том своеобразном взгляде на Россию, который сложился у народов-победителей и привел их к блокаде голодавшей страны и интервенции.

Мне не хотелось упустить случая поговорить с некоторыми представителями иностранных держав, к которым я имел рекомендательные письма от моих друзей.

Интересовали меня, главным образом, три вопроса: 1) взгляд на предстоящее обостренное существование Приморья и экономическое соглашение с ДВР. 2) Вопрос об окончании интервенции на Дальнем Востоке. 3) Ближайшие перспективы, называемые иностранцами в отношении Восточно-Китайской железной дороги, т. е. ожидается ли там усиление китайского влияния, или же есть тенденция к замене такого международным управлением?

Из совокупности бесед, имевших исключительно характер обмена личными мнениями, выяснилось, что наиболее заинтересованные в первом вопросе соседи как будто ничего не имели бы против соглашения Приморья и ДВР, но оно представлялось им сомнительным без чьего либо авторитетного

⁷⁾ «Le général n'a pas trouvé le moment assez favorable pour» (генерал не нашел возможным беспокоить маршала), ответил мой секретарь Н. начальнику миссии при Жоффре на его вопрос: «Est le général?»—(так же генерал)?

предничества с третьей стороны при наличии недостатков еще гражданской борьбы.

Выяснилось также, что надежды правых группировок на поддержку Японии не имеют основания, что эвакуация японских войск, несмотря на кажущуюся до сих пор бесполезной Дайренскую конференцию, вопрос решенный и является не только результатом постановлений международного характера (Вашингтонская конференция), но и первенствующим в настроении широких масс населения заинтересованных стран в отношении к вопросу о самой интервенции.

В отношении К.В.Ж.Д. можно было прийти к выводу о наличии стремления к захвату этой дороги под еще больший международный контроль, при чем в этом пункте как будто дружелюбно встречались даже интересы Америки и Японии. «Дружелюбие» Америки, надо думать, обуславливалось в значительной мере наличием в Чанчуне достаточных вооруженных сил Японии, обеспечивающих проведение тех или иных решений в отношении К.В.Ж.Д.

Некоторое усиленное интереса американцев к положению отчуждения К.В.Ж.Д. было усилено ими еще из беды в Харбине: американское консульство было переименовано в генеральное консульство, американцы получили право на земельную собственность в положении отчуждения и, пожалуй, пользуются этим правом в полном размере.

Внешне продолжается китайизация дороги.

Владелец Манчжурии Чжанзюлинь попрежнему в дружбе с величием остронным соседом, Новой силой, советская Россия, еще не определилась, но опушает трезвогу.

Пекин неизбранный. Живой прытк от людей в китайских кварталах не поддается учету. Его прекращает на время только сон и усталость. Самое интересное в Китае — это мирное сожительство республики в тесном соседстве с императором. В запретной части города, среди зеленых холмов и садов, огороженный рядом стен, стоит недвижимый, охраняемый драконами дворец, с его художественно испогутанными карнизами и с волюткой, цвета династии, чешуй черепичных крыш. Республиканцы интересуются предстоящей свадьбой императора и новостями о наступившей дружбе советской России. Здесь много газет на европейских и китайских языках, где широко публикуются эти новости.

Здесь, как в Японии, улица проходит, покупают, меняют... Всюду рынки, магазины, лавки, лавочки, разночтчики и пр. Так же по всем направлениям бегут рикши, шарочеч, более стройные и легкие в своем беге. Та же художественная простота и легкость костюма. Всюду готовят кушанье, едят, всюду непринятный, какой то трупный запах со стороны недвижимых, загражденных каналов.

Это в китайских кварталах. Совсем иной мир в чисторых европейских legations (посольствах). Здесь чудесные дворцы среди роскошных парков, отделенных каменными стенаами со стороны улицы. Всюду страха, пустота и уныние.

Сюда попадает только китайский дипломатический чиновник и рабочий. Это тоже запретная часть в столице республиканского Китая.

Иностранные посольства прилипают к высокой горожкой стене. По ней разгульно свободно лежат добрых тройки. Она высока — отличный вид на город и на бесбрежный загородный простор. Лишь на небольших участках горизонта изор упирается в синеющие массивы гор.

Я нечаянно повернулся в сторону далекой загадочной России. Туда, к ней, через Калган к Урге и далее к холодному Байкалу, уже тянется, постепенно прорезая пески пустыни, стальная лента железной дороги.

С другой стороны, к стене прымывает американское посольство. Огромная маича беспроволочного телефага гордо тянется вверх. Она под сенью «stars and stripes» (звездно-полосатого флага) и символизирует финансовую и техническую мощь великой забжбанской республики.

В стороне гордый британский флаг, трехцветный флаг Франции. Нет флагов побежденных в великой мирной войне Германии, Австроии и др.

У стены германского посольства — памятник кровавым дням боевого движения 1901 г., на месте убитого немецкого посланника Кеттлера. Здесь разраженные толпы народа ожесточенно штурмовали представителей чужеземного порабощения.

Сейчас много говорят здесь о большевиках. Советское политическое представительство живет отдельно от никольского квартала. Оно начинает привлекать внимание китайского населения.

Русское посольство, лучшее в иностранном квартале, уступает, пожалуй, только английскому. Оно под охраной всего дипломатического корпуса. Часть зданий заняты оставшимися здесь чиновниками бывшего царского посольства. Они чувствуют себя не пахло и выживают...

В особняке австрийского посланника живет сейчас «частный пленник» — генерал Хорват. У него свой маленький двор из бывших сотрудников по Харбину и Владивостоку. Ему китайцы хорошо платят по должности их советники, но лишили права свободного выезда из Пекина.

Хорват покрежему в старой царской форме — живой призрак минувшего.

В Пекине пишет мемуары один из лучших залотов Востока и виднейший дипломат старой России, бывший посланник в Китае — Корсютовец.

Мне удалось лишь бегло познакомиться с Пекином, мельком взглянуть на его окрестности. Я не видел и нечто-то здешнее его художественных памятников, скользнул — и то вспыше — по его жизни и быту и, тем не менее, у меня сложилось какое-то особенное, ранее никогда не испытанное ощущение.

Мне казалось, что этот древний многоглавый колосс, во всей его огромной совокупности, со всеми художественными красами, аксессами, парками, живой меняющейся толпой, тем не менее, окрачен какой-то одной глубокой, только ему понятной, думой, и недвижной, среди суеты и шума современности, смотрит в бесконечную даль веков.

Здесь прошлое как будто заходит на настоящее.

Это ощущение города, оно повторяется и в отдельном китайце. Среди чудесно обработанного поля, в его бомбоньерке — огороде, если он не занят

работой, или разговором, он стоит, почти слившись синей синей одеждой с цветом служащего ему фоном далекого неба, стоит в той же недвижной созерцательной задумчивости.

Сейчас Китай «просвещают». Его одели в европейский военный мундир, у него новейшие пушки и пулеметы, но прежняя, скованная пассивностью, ненависть к чужеземцам.

В 1901 году он бешено рванулся, движимый расовым озлоблением и религиозным порывом. Потребовалось не мало усилий, чтобы вернуть его к покорности. Сейчас в нем бродят признаки язвовой язвы.

В Китае более 400 миллионов населения—это, конечно, далеко от той цифры, которая явилась бы результатом мало-мальски наложенного статистики.

По возвращении во Владивосток я поделился всеми полученными сведениями с членами посыпавшей меня копиески и был, между прочим, крайне удивлен шумихой, поднятой печатью вокруг моей поездки. Были пущены слухи, подхваченные газетами, о моем посещении Дaireна и переговорах с находившейся там миссией ДВР и советской России. Муссирилось значение моей встречи с бывшим неофициальным представителем Москвы в Приморье за время земского правительства—В. Д. Вильямским, оказавшись ишим случайным спутником от Харбина до Пекина. Высказывая свою явль экономического соглашения с ДВР попрекнутое была встречена враждебно. Поездка, таким образом, существенных результатов не дала.

В заседании Народного собрания 4 апреля, после горячих прений, большинством в 45 голосов, было постановлено «внести до сведений конференции в Генуе:

- 1) что советское правительство не может быть представителем России и русского народа, ибо это правительство—есть правительство одной политической партии, возникшее не путем свободного воленг-шлезия народа русского, а путем захвата и поддерживющее свое существование при помощи террора и насилия;
- 2) что договоры, обязательства и соглашения, заключенные большевистским правительством от имени России, не могут быть обязательными для русского народа и будущего заявленного Всероссийского правительства, избранного всем русским народом через свободное выражение им своей воли, и

3) что исполнение экономических сил России следовательно, сохранение мирового экономического равновесия невозможно при существовании правительства Советов, отсутствие в России демократического правительства, при котором представляется единственная возможность культурного общения стран и народов на основах международной солидарности и справедливости».

Демократический союз воздержался от голосования, «не желая подталкивать торгающиеся в Генуе стороны на большие требования к России». Не участвовали в голосовании горячо возражавший против протеста кадет Кроль и фракция левых крестьян.

К слову сказать, к этому времени Англия успела уже заключить (еще в прошлом году) торговое соглашение с советской Россией, которая в свою очередь, кроме враждебного Антанте, только что подписавшего Русско-Германского договора заключила в ряд договоров с вновь образовавшимися государствами, как-то: с Финляндией, Эстонией и Латвией, Польшей и пр.

С. Меркулов не удовлетворился постановлением Народного собрания и отправил на имя итальянского премьер-министра сеньора Факта свой протест — против участия в конференции в Генуе Ленина и Троцкого, как протест председателя Временного Примамурского Правительства — «единственной русской национальной власти, существующей с 26 мая 1921 г. на всей необъятной территории России, созданной волею населения и руководящейся в своей деятельности теми же принципами права, свободы и справедливости, под действием которых живут все культурные государства Европы, Америки и Азии»...

Весьма резкий по содержанию протест заканчивался словами: «Временное Примамурское Правительство заявляет, что никаких соглашений представителей государства, собравшихся на конференцию в Геную с... большевиками, русский народ не признает и не будет признавать.»

Как реагировал итальянский премьер на это заявление Меркулова, — осталось тайной. Ждем, во всяком случае, зиярочный!

XIII.

Борьба Меркуловых с Народным собранием. Неудавшееся «Сoup d'etat».

Резкие нападки Народного собрания на деятельность правительства и неуклонное требование ответственного министерства: недоверие, выражение Народным собранием вотуму, сменившему В. Ф. Иванова, председателю Совета управляющих ведомствами Разумову, а затем Ефремову, становление как Меркуловых,—все это более и более гущало атмосферу.

Вместо ожидаемого Учредительного съезда, закон о выборах в который был уже выработан и 2-го мая единогласно принят Народным собранием, пошли слухи о предполагавшемся созыве Земского Собора и о разгоне Народного собрания.

Принятый закон о выборах в Учредительный съезд допускал участие в таких выборах без исключения политических партий, т. е. допускал участие и коммунистов, что особенно ненавистно было, как меркуловцам, так и большинству наиболее активных деятелей армии.

Закон не был утвержден правительством. Оно само выработало новый закон о созыве Земского Собора, который должен был подкрепить пошатнувшееся положение правительства, другими словами, Меркулова.

Поводом для окончательного разрыва послужило единодушно выраженное Народным собранием недоверие председателю Совета управляющих ведомствами Ефремову и управляющему иностранными делами Колесникову по двум вопросам: о свете и деятельности управляющего иностранными делами и о недостаточном расходовании правительством государственных средств.

Ждали разгона Народного собрания. Взвешенный наградками, премьер грозил им в куларах.

В Области было также неспокойно. 1-го апреля в районе Спасска начались настоящие боевые действия. Около полуночи красные открыли орудийный и оружейный огонь против боевых линий белых, державших связь с находившимися в этом районе японскими войсками.

Усилились нападения партизан, особенно, в Шкотонском районе. Оживилась деятельность куххуазов.

Опять Область, за исключением узкой полоски изоль железной дороги и городов Владивостока и Никольска, представлялась самой себе.

Все предвещало новый порыв гражданской войны.

Вечером, накануне 1 июня, меня, как члена президиума, экстренно потребовали в помещение кандидата Народного собрания (б. Адмиральский

дом на Светланской ул.). Здесь уже были в сборе почти все наиболее видные представители фракций.

То и дело появлялись и фигуры военных, явно сочувствовавших Народному собранию.

От председателя Народного собрания Н. А. Андрушкевича я узнал, что Меркуловы выпустили указ о распуске Народного собрания и что управление внутренними делами имеет уже распоряжение о приеме дел и об освобождении занимаемых Народным собранием помещений от депутатов и служащих. Явившийся начальник милиции заявил, что им получено категорическое приказание очистить здание, при чем в случае надобности, он не остановится перед применением вооруженной силы.

Угрозы начальника милиции, однако, не были приведены в исполнение, так как получилось известие, что для охраны Народного собрания идет команда изженец (сторонники Народного собрания из состава каштелянцев). Действительно, вскоре появился сильный, отлично вооруженный караул, немедленно занявший все выходы и установивший строжайший порядок прохода в здание.

Караул поступил в распоряжение президиума. Присутствовавший здесь же управляющий внутренними делами Вершинин, член Народного собрания, бывший в группировках, враждебных Меркуловым, отдал распоряжение о немедленном удалении милиции.

В городе началась тревога. Вспомнилось, между прочим, что генерал Верховицкий отошел от управления армией, которая, по крайней мере, гарнизон гор. Владивостока, всецело перешла в руки ген. Молчанова, привившего сторону Народного собрания. Последнее обстоятельство казалось весьма подозрительным, так как всем было хорошо известно очень тесная дружба Молчанова с Н. Меркуловым.

Около полуночи собрались почти все наличные в городе члены Народного собрания, прибыл и представитель армии ген. Пучков (начальник штаба Верховицкого), предупредивший президиум Народного собрания, что он должен сделать экстренное заявление от имени армии. Заявление это сводилось к тому, что армия будет всецело поддерживать Народное собрание и смержение Меркуловых, но при условии, что председателем нового коллегиального правительства будет непременно командующий вооруженными силами Приморья и что единственным кандидатом на этот пост армия выдвигает ген. Дитерихса, который, по мнению армии, только и может примирить взаимно враждующие ее части (каштелянцы, семеновцы, морки).

Заявление это оказалось неожиданным даже для правых группировок, разные начата, по их мнению, не слыхавших о далеко неискренних претензиях Дитерихса.

Для членов Демократического союза, левых крестьян и других оппозиционных фракций, конечно, было слишком ясно это плохо запущенное выступление военной диктатуры, в стиле времен Мария, Сульвы и Цезаря, да еще с Дитерихсом во главе.

Правые (кроме меркуловцев), под давлением одоблений против Меркуловых и не без основательных опасений о неминуемых репрессиях по вос-

становлении их владычества, смирились перед заявлением, сделанным ген. Пучковым.

Что касается Демократического союза и левых крестьян, при полной неприменимости для них этого заявления, перед ними стоял вопрос о немедленном выходе из Народного собрания. Но это ослабило бы последнее в момент еще острой борьбы с Меркуловыми. Поэтому решено было оставаться до окончания борьбы, совершенно изъединившись от выборов нового правительства в заявленной комбинации и выразив решительный протест против сырой диктатуры Литерихса.

Сейчас же после полуночи (с 31 мая на 1 июня) началось чрезвычайное заседание пленума Народного собрания в составе более $\frac{2}{3}$, общего числа депутатов, который единогласно было ветировано свержение меркуловского Правительства, принятие всей полноты власти самим Народным собранием в лице его исполнительного органа—президиума, который был доведен до состава семи человек вместо бывших пяти.

Указами №№ 1 и 2 были зафиксированы эти решения Народного собрания.

Глухой ночью мне поручено было сообщить об этих решениях японской военной миссии. Там, видимо, зная о всем происходившем, внешне было произнесено тоже неизменное «неизвестность» в наши внутренние дела, при чем, однако, было замечено, что японское глянокочандование не допустит никакого кровопролития, и, если такое произойдет, враждующие стороны будут разоружены.

Было основание предполагать, что в общем выступление Народного собрания было не вполне желательным для японцев, так как, по слухам, как раз к этому времени предполагался целый ряд сделок правительства с японскими коммерсанты. При новой власти сделки эти могли и не пройти.

В отношении бр. Меркуловых было поставлено немедленно арестовать их. Это восстановление сразу открыло сущность происходящего и предрешило исход борьбы.

Каждое решение хорошо только в том случае, когда это решение не поискает в изложке, а сейчас же приходит в исполнение.

Между тем генерал Мильчанов, который должен был выполнять постановление Народного собрания, не только не арестовал Меркуловых, напротив, пытаясь избежать ареста сильно перепутанному И. Меркулову, искившему убежища в японской военной миссии.

Это обстоятельство дало возможность оправиться правительству. Оно засело в доме № 67 на Светланской улице, где было уже собрана охрана под общим руководством перешедшего на сторону Меркуловых семеновского генерала Глебова. На защиту Меркуловых выступил и командующий сибирской флотилией адмирал Старк. Флотилия к этому времени была переформирована. В нее вошли, главным образом, прибывшие из Месопотамии бывшие старые офицеры и матросы старого русского флота, очень сплоченные и руководимые весьма энергичным и властолюбивым начальником штаба Старка— капитаном 1 ранга Фоминым.

При флотилии были сформированы «особые стрелковые части»—морские стрелки (инициалы на погонах «М. С.» дали повод кому-то пустить шутку, что буквы эти означают «Меркулов Спиридон»).

При общей расхлябанности эта весьма сплоченная морская организация заслужила некоторой силы, оказавшейся весьма полезной для Меркуловых. У них был и обеспеченный тыл в виде, стоявших под пароми, судов флотилии, почти непосредственно против занимаемого ими дома.

На ближние дюжины располагались морские стрелки, они могли отлично обстреливать прозольную улицу. Нижний этаж и двор были заняты частями Глебина, продолжавшего вербовку добровольцев для пополнения своего корпуса.

Настойчивые требования Народного собрания об аресте Меркуловых разбивались о неизменное заявление Молчанова, что арест этот вызвал бы теперь несомненное столкновение, а затем и неизбежное вмешательство иностранцев и разоружение русских войск. Согласно русско-японскому соглашению японцы имели на это формальное право. Допущенное ими вооружение в любой, нужный им момент, могло закончиться разоружением. Это обстоятельство до некоторой степени оправдывало ту весьма двусмысленную позицию, которую занял генерал Молчанов.

Время уходило. Меркуловы не только оправдали, но и быстро стали проявлять свойственную им энергию. Они тоже, впрочем, опоздали—по их предположению сейчас же после распуска Народного собрания должна была произойти весьма решительная ликвидация его членов. В список целиком входили фракция Демократического союза, часть левых крестьян и враждебные представители из правых группировок: Андрушкевич, Лихоников, Оленин и пр.

Низвергвшая трагедия постепенно стала переходить в фарс. Начались до неописуемости резкая изычная газетная перебранка.

В занявшейся борьбе приобретал значение вопрос: на чьей стороне будет машина с ее резервом—легальная вооруженная сила.

Городской голова Еречьев, которому подчинилась эта сила, был в то же время и членом меркуловского Правительства, но он числился в отпуске. Фактическое руководство городскими делами было в руках товарища городского головы и в то же время товарища секретаря президиума Народного собрания—Ликера, сторонника Народного собрания.

Миладри колебалась—усиливалось беспалестие.

В ночь со 2-го на 3 июня состоялись выборы нового Правительства без участия оппозиции, ограничившейся заявлением отказа от участия в голосовании. Тот прием, который был применен первыми аршин для установления кандидатуры Дитерихса, популярность которого в Курске была весьма условной, смущал и правые группировки. В их предварительных фракционных съездах было не мало споров. Но выхода для них не было—или назал с повинной и на поклон к Меркуловам, или Дитерихс.

Нерешительная затягивающаяся борьба чрезвычайно всех утомляла. Большой амурский дом, где происходило заседание Народного собрания, обратился в какой-то форт Шаброль. Часть депутатов уже третий сутки безни-

ходно находилась здесь. Хождение по квартирам было не без риска. Глебовские «добровольцы» охотились за обреченными. Пленникам грозило отправление в тю笼 «Манчжура», где находился штаб Старка, или более короткая расправа.

Народное собрание тоже захватило двух из своих членов, добровольно приехавшего члена правительства Адерсона и привезенного силой управлявшего иностранными делами, сторонника Меркуловых, Брайкоńskiego. Оба, впрочем, вскоре были отпущены.

Выборы тем не менее состоялись. Новое правительство составили: председатель — командующий армией генерал Дитерихс и члены: член Народного собрания Лихонцов и член правительства Меркуловых, назначенный на городской голова Владивостока, Еремеев. Последний, слабомольный и довольно беспричинный человек, через день или два раскисся и опять вернулся в дом № 67, т. е. к Меркуловым. Его уговорили вернуться, так как у Меркуловых не хватало одного члена для кворума (два члена из состава меркуловской пятерки отсутствовали). Острили, что С. Меркулов находится вынужден из этого положения, считая, что голос брата и два его, как председателя, дают необходимый кворум).

За отсутствием Дитерихса, находившегося еще в Харбине, председательствование в новом правительстве перешло к его заместителю — ген. Молчанову.

Установилось двоевластие Владивостоком принадли: из здания горского штаба — ген. Молчанов и из дома № 67 — Меркуловы. По ночам тайно Меркуловых посещали кое-кто из колеблющихся членов Народного собрания, голосовавших за новое правительство. Там широко раскрывались двери для кающихся грешников.

Встречались, понадчуму, праща, на нейтральной территории, ираждающие правительства, еще столь недавние друзья, — ген. Молчанов и Н. Меркулов.

Удачным для Меркуловых оказалось и то обстоятельство, что в их резиденции (№ 67) оказались и квартира нового городского головы ген. Андогского.

Двойная избрана Еречеева стояла ему потерпеть весьма важного по тому времени и обстоятельствам поста городского головы, на который был избран переизбраный в latter Меркуловых, начальник военной академии ген. Андогский, член городской думы, прошедший по списку «Востокийского крестильского споди» от Русского остроя (считается пригородной частью Владивостока). Он только что вернулся из первой, месячи назад, кампании в Японию, порученной ему китайской армии и Меркуловыми.

Государственный аппарат естественно сокрушенно развалился. Не было уверенности, кто же настоящий власть.

В городе появились подозрительные «ночные» организации, имели чисто случаи грабежей.

Члены Народного собрания попрежнему сидели в бывшем адмиральском здании; Меркуловы — в доме № 67 на той же улице, с сильными караулами на балконах и у входов.

Меркуловы, по свойственной им энергии, продолжали разинать через чайную деятельность. Так, чтобы свести на нет значение первых двух съездов, несоциалистов, вышедших теперь против них, они организовали «особый комитет национальных организаций», в который, кроме прежних и сторонников из Народного собрания, во главе с Рудневым, вошли: Васильев, Миттафесский, вообще вся редакция меркуловской газеты «Русский Край», а также состав редакции «Вечерней Газеты» и многие другие.

«Комитет» обосновался всего в нескольких шагах от помещения Народного собрания и на ежедневных митингах громил занятую последними позицию. Прекратились проклятия их бывшие товарищи по несоциалистическому съезду за сотрудничество с ДВР-цами и «коммунистами». Абонюков, Болидренко, Знаменским и др.

В свою очередь, почти ежедневно с балкона своего убежища, окраинного морскими стрелками, выступали перед «народом» и оба брата Меркуловы, примерно на те же темы.

«Народ» собирался довольно оригинальным способом. Ко времени оглашения заседаний и учреждений и прекращения торговли, лица через золото № 67 перетворялись изоруженной цепью, останавливались и нападали на переполненные публикой трамваи, задерживались пешеходы. Быстро образовывалась толпа, и затем появлялись по-очереди Меркуловы, или кто-нибудь из их приближенных.

На ближайших зданиях и заборах всегда можно было видеть фарфоровые плакаты, в которых указывались значительные суммы, будто бы поглученные из Читы для борьбы с Меркуловыми, с их национальным правительством.

Народное собрание, в свою очередь, граничило противником своей наскоро организованной газетой, захватительное место в которой занимало весьма колоритное творчество депутата Донченко.

Эта склонная к главным образом, бушующая войне, начала надеяться сражаяющимися. Больше всего потерпеть выпадало, конечно, на долю обывателя. Он продолжал теряться в догадках: «кто же действительная власть?»

Начались чуть ли не ежедневные палинничества с информационными целями со стороны японского штаба и особенно жандармерии. Последние имели отличный наблюдательный пункт в доме против помещения Народного собрания. На балконе этого дома все чаще и чаще начинали появляться «военные» из стана Меркуловых.

Как-то под вечер оттуда началась стрельба. Спронированенный «военным в русской форме», назначенный Народным собранием, губернатор Владивостока, депутат Густов — был грубо избран в помещение японской жандармерии и избит.

Случай этот был резко опротестован Народным собранием, потребовавшим немедленного освобождения депутата Густова.

В лагере Меркуловых началось боевое оживление. Их агенты проделали такой трюк. К зданию морского штаба, где заседал Совет управляющих творчествами новой власти, неожиданно прибыла горанская пожарная команда, как бы для тушения возникшего там пожара. Пожарные, которые оказались переодетыми добровольцами из отряда Глебова, под начальством, служившего

го ранее приставом в Народном собрании, подполковника М., имели намерение вернуться в здание, захватить его и арестовать заседающих там министров.

Маскарад был обнаружен. «Пожарные» встретили энергичный отпор караула и подсп毁енной дежурной части, и, после легкой перестрелки, во время которой были убиты два проходивших китайца, принуждены были с большим конфузом отступить.

В другой раз в здание Народного собрания были брошены бомбы. Вместо комнаты президиума бомба попала в погребение караула, при чем был убит один из солдат.

Генерал Моданов предложил соблюдать осторожность—это усиливло предпринимчивость и дерзость противоположной стороны, организовавшей ряд нападений на членов Народного собрания иочные атаки их жилищ.

Правые с нетерпением ждали приезда Литература, все еще находившегося в Харбине.

XIV.

Приезд генерала Дитерихса. Всюиструющий мистицизм. Земский собор и земская рать. Походы воеводы. Разгром.

Генерал Дитерихс, наконец, прибыл во Владивосток. После встречи на вокзале, он был приглашен на торжественное заседание Народного собрания, где после приветствия он скромно поблагодарил за избрание его на пост председателя нового правительства.

Однако, в этот же день в заседании президиума и лидеров фракции Народного собрания, им было сделано совершенно неожиданное заявление, весьма сильно встревожившее даже его готовых ко всему избирателей.

Смысл заявления Дитерихса был таков: Народное собрание, свергнув Меркуловых, стало на революционный путь и, таким образом, новое правительство избрано революционным порядком, с чем он, Дитерихс, никак примириться не может. Все необходимо исправить, чем он и займется в ближайшие сутки.

Заявление это было проникнуто непоколебимостью в отношении отрицания всяких революционных актов, предрешенностью и мистицизмом.

По поручению Народного собрания председатель его Андрушкевич и я поехали к Дитерихсу выяснить причины его заявления и просить указать те исправления, которые он намеренется сделать.

«Вы, генерал, вероятно, и не подозреваете тех последствий, которые могут возникнуть от нашего решения», — заметил Н. А. Андрушкевич, на что Дитерихс ответил, что «он никого думал по этому вопросу и успокоился только тогда, когда принял именно это решение».

Я попросил его зафиксировать общий смысл высказанных им решений. Они таковы:

От прежнего правительства:

1) Отмена своего постановления о распуске Народного собрания.

2) Сложение правительственные полномочий С. и Н. Меркуловых с передачей временного председательства министру правительства (т.е. теми же Меркуловыми) назначенному командующему армией и флотом ген-лейт. Дитерихсу, перед по съезду в кратчайший 2-3 недельный срок Земского Собора».

«Нижея власть:

1) Или отмена постановления Народного собрания о неподчинении указу правительства о распуске, с привлечением на себя Верховных полномочий, или

2) Постановление о самороспуске Народного собрания».

Вопрос становился ясным — Народное собрание ликвидировалось.

Дитерихс подписал два маленьких листочки с вышеприведенным текстом и передал мне. На них стояла дата: «10 июня 1922 г.».

Я встал и заявил Дитерихсу, что, после подтверждения им столь грубого нарушения воли народного правительства, вопрос настолько ясен, что больше говорить не о чём. Мы вышли.

Последующее решение Дитерихса оказалось еще более неожиданным. В присланном им на имя Народного собрания «приказе армии и флоту» говорилось о его полном подчинении Меркуловым, «как законному правительству», подтверждался акт о распуске Народного собрания и заявлялось о немедленном созыве Земского Собора для выбора власти.

Армия, только что все время стоявшая за Народное собрание, беспрекословно признала и то, что преподносилось ей в этом приказе. Только часть ее, еще долго после этого знаменательного события, поддерживала нелегальную враждебность, теперь уже и против Дитерихса, но без особых результатов.

Вечером, в день обнародования приказа, с балкона убежища Меркуловых выступил уже и сам Дитерихс, заявивший, что «довольно нам революций» и «что на революционный путь он никогда не станет».

Приказ был выпущен 11 июня. Народное собрание перестало существовать.

Борьба кончилась, Меркуловы вновь остали у власти. Ими был издан указ о предании всех наиболее активных деятелей враждебной с ними стороны суду за государственную измену. Вскоре, впрочем, этот указ, видимо, по настоянию Дитерихса, был отменен. Я был отчислен от председательства в русско-японской согласительной комиссии.

Как расценивался поступок Дитерихса? Различно. Одни видели в этом глубокую политическую мудрость, бескровно прекратившую 11-дневную борьбу Народного собрания с Меркуловыми. Другие — нечто весьма близкое к простому предательству, по отношению к Народному собранию, выразившему ему столь широкое доверие. Наконец, третья видели в этом просто ловкий ход к безответственной власти в последнем периоде жизни Приморья, обеспечивающий Дитерихсу неизбежный исход в эмиграцию с некоторыми активами и правом на возвращение заграницы. Повторение Крыма и Брангеля на Дальнем Востоке.

После ликвидации «интиха» Народного собрания, Дитерихс, принявший звание главнокомандующего, приступил совместно с Меркуловыми к организации созыва Земского Собора.

Конституция этого «представительского органа» допускала членов по избранию, куда и дали своих кандидатов все правые группировки, не находившиеся в опале у Меркуловых, и членов по назначению, куда вошли все высшие чиновники, начиная от президента Сибирь управляемых ведомств, совет казачьих войск, представители армии во главе с главнокомандующим, городской голова Владивостока, председатель Областной Земской Управы, представители духовенства и др.

С открытием Собора председательствовал в такомом профессор Миромбов.

Это своеобразное учреждение должно было избрать временную национальную власть, в задачи которой должно было войти возобновление борь-

бы с большевиками и, конечно, устроение государства.

Случайно сохранивший власть, С. Меркулов принимал особые меры, чтобы втугом Земского Собора не только укрепить свое насточнее, значительно понизившееся положение, но и оказаться избранником Собора. К этому представлялись некоторые возможности — в Соборе заседали свои люди, а голосование, как, впрочем, и везде в аналогичных случаях, производилось по указке.

Дисциплина была весьма суровой. Так, на одном из заседаний Собора Дитерихс заявил, что он не находит возможным выступать «против своего начальника» — С. Меркулова, а остальные депутаты от армии имели право только голосовать, стоять, не выступая с своими мнениями.

Расчеты Меркулова, однако, на этот раз не оправдались. Как наиболее приемлемая кандидатура, теперь уже единоличной власти, Собором выдвигалась кандидатура находившегося в Харбине Н. Л. Гондатти.

Начавшаяся борьба и последовавший затем отказ Гондатти дали победу третьему кандидату генералу М. К. Дитерихсу, который и был избран единоличным правителем Принципа.

Новый избранный правитель, неудачный сотрудник Колчака, а затем скромный обитатель Харбина, тем не менее, видимо, твердо усвоил традиции Омска и начал не только управлять, но и «праведовать». Если за постепенно сжимающейся территории подвластного Приморья это «праведовать» зучало не особенно серьезно, то все же оно придавало специфический оттенок власти, значимою подготовку к приближенному воспринятию самодержавного императора.

Дитерихс немедленно приступил к реформам. Были созданы малопонятные учреждения: «советы внешних и внутренних земских дел», просуществовавшие, правда, весьма недолго.

Армия была переименована в «Земскую рать», а сам Дитерихс, как глава ее, стал именоваться «Воеводой земской рати». Как совещательный орган, для разработки законов при правителе были организованы «Земская Дума» из членов по назначению и выбору; в состав Думы входили также городской голова Владивостока и председатель областной Земской Учреды.

Вскоре после избрания, Дитерихс и Земская Дума переехали в Никольск.

Началась совершение открытая подготовка к военным действиям и такое же открытое провозглашение монархического начала, как руководившего политического лозунга. Это последнее, несомненно, наиболее оригинальная особенность, характеризующая Дитерихса. Он первый вполне определенно и открыто высказал идею монархии, высказал то, что тайно, с опаской и с сияющей, или, наоборот, в хмельном угара, иногда совершиенно линархические, вывалили до него избийные и искрение, или лукавые и рассчитливые сторонники монархического начала.

Это был ход, ход, несомненно, безнадежный в начавшемся последнем акте борьбы, но как ставка, как последняя брошенная на карту мощность крайне правого крыла русской общественности, поразившей срединными элементами, заслуживает быть отмеченной.

В публичных выступлениях правители настойчиво звучал призыв к непримиримой борьбе с большевиками, конечной целью ставилось овладение Москвой и восстановление там «Законного хозяина земли русской, поклонника Божьего из дома Романовых».

Еще Земский Собор неоднократно посыпал верногодзинские телеграммы живущим в Европе старшим представителям дома Романовых Из-за границы во Владивосток ожидался генерал Ложинский, который ездил для связи с заграничными монархическими организациями и для взаимной ориентировки.

Высказываемые правителями, первое, кружком лиц, приобрели широкое влияние, политические воззрения отбрасывали Россию к началу 1900 г., вычеркнув из ее жизни, как вредоносное учреждение, установленное в России независтные конституционные начала, Государственную Думу.

Настоящее государственное строительство намечалось на основах XVI века—Земский Собор, Рать и прочее. Основной ячейкой этого строительства устанавливался «церковный приход» из истинно верующих прихожан, при чем самое избрание их становилось в зависимости от божественного начала и небесного благословения, призывающего на избирательную urnu. Не записавшиеся в церковный приход и не бывшие у ся причастия, не допускались к участию в выборах.

Избир приходов, впрочем, успеха не имела даже у духовенства, и выборы не состоялись.

Весь этот *институциональный инстинцизм* усиленно раздувался забывшей всякие границы праной прессой (другой, кроме рабочего листка «Курьер» и подпольной коммунистической газеты «Красное знамя», и не было), и тем не менее весьма тщетно усваивалась обывательской массой, даже не чужой той идеологии, какая преподносилась ей правительственным «Земским Краем», «Вечерней Газетой», «Словом» и пр.

Обыватель плохо верил в успешность похода воинов, его большие тревожили признаки все хуже и хуже налеченшегося неизбежного ухода японцев, он чутько следил за ходом переговоров в Чанчуне (продолжение Дайренской конференции)²⁸¹ и отлично учитывал, что в случае прихода красных, он является единственным ответчиком за все левые верхи, которые, конечно, своекременно успеют исчезнуть заграницу.

Открывшийся в Никольске «Национальный Сейм» приветствовал все начинания правителей, за это, впрочем, говорил весь состав Сейма: в него входили только крайние правые и монархические организации, с обществом «Вера, царь и народ» во главе.

Офицерство, скопиншееся в Приморье в значительной мере и не служившее в армии, образовало к этому времени: «Общество садовых офицеров», «Союз инвалидов» и «Союз горнниковских казаков». Организации эти преследовали, главным образом, экономические цели, поддерживая существование своих крайние наимущих членов, тем не менее, частью по инициативе отдельных групп, составляющих эти организации, частью под угрозой репрессий, включительно до закрытия этих общест, они вынуждены были дать своих представителей на «Национальный Сейм»²⁸².

На съезде вместе с признанием необходимости начала военных действий против красных, решена была мобилизация наиболее юных возрастов, включавших большинство учащейся молодежи. Мобилизовались и военные командного состава до 45 летнего возраста.

Вместе с тем было проведено и денежное обложение всех имущих граждан, торговых и промышленных учреждений.

Эти два мероприятия окончательно избодоражили население. Начался быстрый отлив молодежи в Харбин и даже в сопки. Пришлось ловить мобилизованных на улицах, запирать в особые помещения и там готовить к «ратному» делу.

Пронедение в жизни обложения встетило еще более резкий отпор. Торгово-промышленная палата, находившая невозможным это обложение, была закрыта распоряжением правительства. Поступления были ничтожны.

Перерыв Чанчунской конференции породил некоторую напасть между сторонниками Дитриха, но разолжившаяся эвакуация японских войск из северных и западных районов Приморья не оставляла никаких сомнений относительно ухода японцев и необходимости столкновения изолированного слабого Приморья с советской Россией.

Вместе с побалансией возник вопрос об оружии. В распоряжении японцев имелось значительное количество конфискованного русского оружия. Попытки получить таковое для Земской рати не увенчались успехом.

В связи с этим обстоятельством и эвакуацией правительством были допущены довольно резкие выступления на этот раз уже и против японцев, что вело к окончательной изоляции правительства и к верному неуспеху ряда «политических» патриотичест в Токио, нынешне возглавляемых владивостокским головой, членом Земской Думы, проф. Андогским.

Отсутствие подкреплений (мобилизация дала лишь несколько сот человек), недостаток в средствах, оружии, главным образом, в патронах, ставили в очень тяжелое положение Земскую рать.

Инициатива в начавшейся борьбе переходила всецело на сторону красных. Кровавые столкновения у Спасска и д. Монастыршицы решили исход борьбы. Дитрихс особым указом признал дальнейшую борьбу невозможной. Он с горечью отмечал, что в рядах его рати он не видит представителей тех группировок, на личное и материальное содействие которых он больше всего рассчитывал.

Авантюра, лишенная элементарного учета обстановки, осталась авантюрой и при открытом выдвижении монархической идеи. Она не увлекала населения. Оно понимало неминуемый ход событий вернее, чем его временные руководители.

Расстроенные войска Земской рати отошли частью в направлении к Посыту, частью — к ст. Пограничной. Только корпус Глебова пробился к Владивостоку, где моряки, под руководством адмирала Старка, бывшего в то время начальником обороны тыла, готовили все годные к плаванию суда для неминуемого ухода из Владивостока.

Японцы, в свою очередь, готовились к эвакуации последней зоны и самого Владивостока.

Настроение в городе становилось крайне тревожным. Все, наиболее причастные к правлению Меркуловых и Дитерихса, спешно собирали паспорта заграницу. За бесценок проезжалось имущество, ликвидировались дела и предприятия.

Назревавший было при поддержке Глебова переворот в пользу адмирала Старка был предотвращен возвращшимся из Никольска Дитерихсом.

Тем не менее жизнь в городе стала опасной, начались грабежи, изъятие неугодных лиц. Хозяйничали слабо дисципнированные части Глебова. Полны панические слухи.

XV.

Конец интервенции. «Пешее» Правительство сибирских автономистов. Красная армия во Владивостоке.

Японцы очищали окрестности Владивостока. К 25 октября остался лишь слабый гарнизон в самом городе. Подавление было чистотную к городским окраинам, крайне предусмотрительно, во избежание столкновения с японцами, проявившим краиню нервность, были отведены за ст. Угольная.

Из Владивостока отбыли остатки Земской рати, готовясь к отходу и суду Старка.

Правитель Дитерихс не проявлял никакой деятельности. Он заявил лишь, что выходит всех желающих до ближайших портов Кореи и не берет никаких обязательств за их дальнейшую судьбу.

Грузился последний батальон японцев, покинувший биваком в саду рядом с зданием Земской управы. В узком переулке между Светланской улицей и набережной Золотого рога постепенно исчезали последние запоздавшие пассажиры — японцы и русские, отъезжающие с японскими транспортами.

Дитерихс на борту судна. Власти не стало.

Новая власть, с поддерживавшей ее вооруженной силой в 20-30 верстах от города. Пустоту эту совершенно неожиданно заполнил, так называемый, «Совет уполномоченных автономной Сибири», выдавивший свое правительство с А. В. Сазоновым во главе и принявший на себя всю «полноту» власти. Это «пешее» правительство (члены его не имели даже средств передвижения) про демонстрировало свою вооруженную «силу» из 3-4 десятков оренбургских казаков, с песнями прошедших по Светланской ул., во главе с генералом Анисимовым¹⁸⁷.

Население отнеслось к новой власти с совершенным равнодушием,—его ничто уже не могло удивить.

Эта сценка «под занавес» не тронула ничегошения. Занавес опустился, знаменуя конец пятилетнего обособленного существования Приморья, а вместе с тем и конец столько же продолжавшейся интервенции.

Отпустили суда адмирала Старка. В опустевшем порту грустно торчали мачта и труба затонувшего Старком миноносаца «инженер Анастасов».

26 октября вошли в город предвоенные главнокомандующий Уборевичем части 5-й Красной армии, приветствуемые населением. Войска вошли в стройном порядке, за шаги чувствовалась, покончившая, наконец, с губительной гражданской расстрой, новая Россия.

Теперь как будто бы не так уже давил своей огромной тяжестью японский броненосец, единственный оставшийся присяк интервенции.

Установилось спокойствие, население безмерно устало от борьбы.

Главнокомандующий Уборевич заверил «перед лицом всего культурного мира о недопустимости репрессий к оставшимся на местах гражданам». Это расстепняло опасения перед режимом новой пришедшей власти.

Я лично, еще ранее, после конца борьбы Народного собрания с Меркуловыми, откинул мысль об эмиграции. После падения Директории (1918 г.) в силу особых условий я принужден был в течение года пребыть в Японии. Исключительный интерес, который возбуждала во мне эта страна, редкое радушие и внимание в отношении меня со стороны различных лиц, с которыми я встречался в Японии, все же никогда не заставили во мне мысли о родине и работе в своей стране.

Я не имел оснований думать, что где-либо в другом месте будет иначе, а потому, имея все возможности для отъезда эмигранту, тем не менее решил остаться во Владивостоке.

Это было не безопасно. Здесь против меня, как и против всякого общественно-политического деятеля, конечно, были многие, в том числе и личные счеты.

Тем не менее это было не главным. К ответу я чувствовал себя всегда готовым.

Мени занимала другое—обстановка, создающаяся на западе Европы, допускающая возможность всяких осложнений, исключительно вооруженных выступлений издавна против России, подсказывала мне, что я могу лишь возникнуть борьбе мое место только здесь, среди своего народа.

Я подбирал накопившиеся у меня материалы для намеченных на ближайшее время работ. Этому не суждено было осуществиться.

Вечером 5 ноября 1922 года я был арестован и подвергнут в лестную тюрьму.

Конец третьей части.

